

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2024 – № 4 (25)

Ярославль
2024

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. – № 4 (25). – 199 с. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2024-4-25. – EDN ZCEWDR.

Редакционная коллегия

Главный редактор: **М. В. Новиков**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** **О. А. Коряковцева**, доктор политических наук, профессор, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **И. Ю. Тарханова**, доктор педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** **Т. С. Аكوпова**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-политических теорий, декан факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **С. А. Бабуркин**, доктор политических наук, профессор, уполномоченный по правам человека Ярославской области; **Н. А. Баранов**, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; **Т. В. Бугайчук**, доктор политических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Вейди Чжоу**, доктор экономических наук, профессор Института экономики Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; **А. В. Волкова**, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; **Ю. А. Головин**, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **Л. Н. Данилова**, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. Яньхуа**, доктор исторических наук, доцент Института истории Хэйлунцзянского университета, г. Харбин, КНР; **А. М. Ермаков**, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ж. А. Захарова**, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; **П. Л. Карабушенко**, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; **Г. Н. Кочешков**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского; **А. Ло**, доктор исторических наук, профессор Института истории и культуры Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; **А. В. Лубков**, доктор исторических наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета, г. Москва; **А. А. Машковцев**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политических наук Вятского государственного университета, г. Киров; **С. А. Панкратов**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; **Д. Г. Сельцер**, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; **Л. Г. Титова**, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **Ирэна Упенице**, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Страдиньша, г. Рига, Латвия; **В. А. Фокин**, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; **Я. Ю. Шашкова**, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; **В. А. Ясвин**, доктор психологических наук, профессор, и. о. заведующего междисциплинарной кафедрой образовательных систем и педагогических технологий Московского государственного института международных отношений МИД России, г. Москва; **Ц. Чжан**, доктор исторических наук, профессор, директор Центра новой мировой истории Института истории Пекинского педагогического университета, г. Пекин, КНР; **В. Т. Юнгблуд**, доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета, г. Киров; **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу, КНР.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2024
© Авторы статей, 2024

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky

Social and political researches: scientific journal. – Yaroslavl: RIO YSPU, 2024. – №4 (25). – 199 p. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2024-4-25. – EDN ZCEWDR.

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, head of the department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political sciences, professor, director of the institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. N. Gushchina**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. S. Akopova**, candidate of sociological sciences, associate professor, dean of faculty of socio-political sciences, Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **S. A. Baburkin**, doctor of political sciences, professor, commissioner for human rights of the Yaroslavl region; **N. A. Baranov**, doctor of political sciences, professor of the department of international relations of the Russian presidential academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **T. V. Bugaichuk**, doctor of political sciences, associate professor of department of theory and methodology of professional education Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Wadi Zhou**, doctor of economical sciences, professor of the institute of economics of the Central China normal university, Wuhan, China; **A. V. Volkova**, doctor of political sciences, associate professor, deputy dean of the faculty of political sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ye Yanhua**, doctor of history, associate professor Institute of history, Heilongjiang University, Harbin, China; **A. M. Ermakov**, doctor of historical sciences, professor of the department of world history, dean of the faculty of history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations of Astrakhan state university, Astrakhan; **G. N. Kocheshkov**, doctor of historical sciences, professor, head of the department of national history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. Lo**, doctor of history, professor, institute of history and culture, Central Chinese pedagogical university, Wuhan, China; **A. V. Lubkov**, doctor of historical sciences, professor, academician of the Russian academy of education, rector of the Moscow state pedagogical university, Moscow; **A. A. Mashkovtsev**, doctor of historical sciences, professor, head of the department of history and political sciences of the Vyatka state university, Kirov; **S. A. Pankratov**, doctor of political sciences, professor, head of the department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **D. G. Seltser**, doctor of political sciences, professor, director of the center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical sciences, professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **V. A. Fokin**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of social and pedagogical sciences, sociology and political sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political sciences, associate professor, head of the department of political sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical sciences, professor of the department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus; **V. A. Yasvin**, doctor of psychological sciences, professor of the institute of pedagogy and psychology of education, Moscow city pedagogical university, Moscow; **Z. Zhang**, doctor of historical sciences, professor, director of the new world history centre of the institute of history of Beijing normal university, Beijing, China; **V. T. Yungblyud**, doctor of historical sciences, professor, president of Vyatka state university, Kirov; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou, China.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences in the following scientific specialties are published: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Mass media registration: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2024
© Authors of articles, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

<i>Чумиков А. Н.</i> Антикризисные коммуникации государства в условиях военных действий и санкционного давления _____	6
<i>Кузина С. И., Сагирян И. Г.</i> Медиаресурсы и терроризм: риски взаимодействия _____	21
<i>Самаркина И. В., Кузьменко Н. П.</i> Политическое образование современной молодежи: состояние, инструменты и проблемы _____	37
<i>Чжан Цзэмин</i> Кибербезопасность в Евразийском регионе в контексте противостояния Запад-Восток _____	58
<i>Стрелец И. Э., Тищенко Р. Р.</i> Праворадикальные тенденции во французском политическом лидерстве _____	72

Социально-политическая история России

<i>Сараева Е. Л.</i> Традиции и новации в политике Петра I в отношении молодых дворян: мировоззренческие установки _____	92
<i>Ло Айлинь</i> Экономическое и политическое значение земства в России во второй половине XIX века _____	112
<i>Теория, методика и организация социально-культурной деятельности</i>	
<i>Тарханова И. Ю.</i> Социально-педагогический анализ нормативных репрезентаций современной студенческой молодежи _____	127
<i>Семенова Н. А., Гельфман Э. Г., Никитин А. А.</i> Ценностно-смысловые основы подготовки будущих педагогов: анализ и обобщение результатов исследований _____	142
<i>Кульберг А. С.</i> Онтологические основания и эволюция духовно-нравственных ценностей российского общества _____	161
<i>Майорова Н. С., Щербинина О. С.</i> Школьное олимпиадное движение: история, теория и практика _____	175
<i>Синицын И. С.</i> Концептуализация понятия «глобальная ответственность учащихся» _____	189

THE CONTENT

Political institutions, processes and technologies

- Chumikov A. N.** Anti-crisis communications of the state in conditions of hostilities and sanctions pressure _____ **7**
- Kuzina S. I., Sagiryay I. G.** Media resources and terrorism: the risks of interaction _____ **22**
- Samarkina I. V., Kuzmenko N. P.** Political education of modern youth: state, tools and problems _____ **38**
- Zhang Zeming** Cybersecurity in the Eurasian region in the context of the West-East confrontation _____ **59**
- Strelets I. E., Tishchenko R. R.** Right-wing trends in french political leadership _____ **73**

Socio-political history of Russia

- Saraeva E. L.** Traditions and innovations in the policy of Peter I to young nobles: worldview attitudes _____ **93**
- Luo Ailin** The economic and political significance of the zemstvo in Russia in the second half of the XIX century _____ **113**

Theory, methods and organization of socio-cultural activities

- Tarkhanova I. Yu.** Socio-pedagogical analysis of modern student youth's normative representations _____ **128**
- Semenova N. A., Gelfman E. G., Nikitin A. A.** Value-semantic foundations of training future teachers: analysis and generalization of research results _____ **143**
- Kul'berg A. S.** Ontological foundations and evolution of spiritual and moral values of russian society _____ **162**
- Mayorova N. S., Shcherbinina O. S.** School olympiad movement: history, theory and practice _____ **176**
- Sinitsyn I. S.** Conceptualization of the concept of "students' global responsibility" _____ **190**

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ**

Научная статья
УДК 32.019.51
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-4-25-6
EDN: XQEDYM

**Антикризисные коммуникации государства
в условиях военных действий и санкционного давления**

Александр Николаевич Чумиков

Доктор политических наук, профессор кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук,
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва
chumikov@pr-club.com, <https://orcid.org/0000-0002-7208-9783>

Аннотация. Целью статьи является осмысление содержания и характера антикризисных коммуникаций государства в XXI в., осуществляемых в условиях военных действий и санкционного давления. Общие теоретические положения антикризисных коммуникаций в обстановке чрезвычайных ситуаций и социальных конфликтов сформулированы во второй половине XX в. и требуют корректировок. Они предполагают учёт опыта, накопленного в период финансового кризиса, пандемии коронавируса, других катастрофических прецедентов современности, а также новых кризисных явлений, сопоставимых с практикой Второй мировой войны, но превосходящих её по объёму и качеству военного, экономического и информационного потенциала.

При анализе идеалистических теорий международного устройства, основанных на «общечеловеческих ценностях», делается вывод об их абстрактности и слабой применимости в реальной жизни, что доказывает всеобщий кризис права и этики последних десятилетий. Становится более востребованной концепция политического реализма, предполагающая неизбежность крупных межгосударственных конфликтов и возможность противодействий им посредством временного балансирования интересов и неустойчивых соглашений.

Рассматривается система материальных и виртуальных показателей, определяющих значимость противоборствующих сторон. Анализируется сущность национальных интересов как самого приоритетного из этих показателей. Делается акцент на важности создания образа государственной устойчивости и демонстрации единства государственных и общественных элит в кризисные моменты.

Раскрываются гуманитарные механизмы защиты государства в условиях гибридной войны, включающие конструирование актуальных представлений об истории, противодействие конспирологической и другой недостоверной информации.

Предполагается, что статья станет вкладом в обновлённую теорию антикризисных коммуникаций и сформулирует ориентиры для дальнейших исследований сложного периода в истории России и мирового сообщества, который далёк от завершения.

Ключевые слова: кризис; конфликт; кризисные/антикризисные коммуникации; концепция политического реализма; национальные интересы; санкции; образ устойчивости; гибридная война; коммеморация; конспирология; недостоверная информация; инфлюенсеры

Для цитирования: Чумиков А. Н. Антикризисные коммуникации государства в условиях военных действий и санкционного давления // Социально-политические исследования. 2024. № 4 (25). С. 6-20. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-6>. <https://elibrary.ru/XQEDYM>.

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

Anti-crisis communications of the state in conditions of hostilities and sanctions pressure

Aleksandr N. Chumikov

Doctor of political sciences, professor, department of communication technologies, Institute of international relations and socio-political sciences, Moscow state linguistic university, Moscow
chumikov@pr-club.com, <https://orcid.org/0000-0002-7208-9783>

Abstract. The purpose of the article is to comprehend the essence and nature of the state's anti-crisis communications in the XXI century, carried out in conditions of hostilities and sanctions pressure. The general theoretical provisions of anti-crisis communications in emergency situations and social conflicts were formulated in the second half of the XX century and require adjustments. They involve taking into account the experience gained during the financial crisis, the coronavirus pandemic, other catastrophic precedents of our time, as well as new crisis phenomena comparable to the practice of the World War II, but exceeding it in volume and quality of military, economic and information potential.

When analyzing idealistic theories of international structure based on “universal values”, it is concluded that they are abstract and weakly applicable in real life, which proves the general crisis of law and ethics of last decades. The concept of political realism is becoming more in demand, suggesting the inevitability of large interstate conflicts and the possibility of counteracting them through temporary balancing of interests and unstable agreements.

A system of material and virtual indicators that determine the “weights” of the warring parties is considered. The essence of national interests is analyzed as the highest

priority of these indicators. Emphasis is placed on the importance of creating the image of state stability and demonstrating the unity of state and public elites in times of crisis.

Humanitarian mechanisms for protecting the state in a hybrid war are disclosed, including constructing relevant ideas about history, countering conspiracy and other inaccurate information.

It is assumed that the article will be a contribution to the updated theory of anti-crisis communications and will formulate guidelines for further research of a difficult period in the history of Russia and the world community, which is far from over.

Key words: crisis; conflict; crisis/anti-crisis communications; the concept of political realism; national interests; sanctions; image of resilience; hybrid war; commemoration; conspiracy theories; unreliable information; influencers

For citation: Chumikov A. N. Anti-crisis communications of the state in conditions of hostilities and sanctions pressure. *Social and political researches*. 2024;4(25): 6-20. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-6>. <https://elibrary.ru/XQEDYM>.

Введение

Многочисленные трактовки термина «кризис» аккумулируют в нём понятия чрезвычайной ситуации (далее ЧС) и конфликта интересов. Кризис означает нарушение привычных законов взаимодействия, но в то же время мотивирует ускоренное изменение ситуационных состояний. Отсюда в условиях кризиса одновременно фиксируются такие позиции, как, с одной стороны, принесение ущерба и разрушение прежней модели функционирования; а с другой – необходимость принятия оперативных решений и возможность шансов на обновление. Если в первом случае кризис является комплексом негативных прецедентов; то во втором – набором ситуаций, стимулирующих оперативные и эффективные управленческие действия. По мере выполнения таких действий возникает перспектива новых качественных и, вполне возможно, позитивных состояний.

Что касается определений «кризисные» и «антикризисные» коммуникации, то некоторые авторы склонны разделять их, соответственно, на меро-

приятия, производимые при наступлении кризиса и акции по его профилактике. Мы же понимаем это как взаимозависимый комплекс действий и употребляем указанные определения как идентичные.

Представляется, что относительно устоявшаяся парадигма анализа кризисных явлений и антикризисных коммуникаций во внутри- и межгосударственном политическом и экономическом пространстве требует локальных, а иногда и глобальных корректировок. Это связано с возникающими на новом историческом витке проявлениями кризиса в виде боевых столкновений, акций экономического противоборства, а также иных конкурентных действий, объединённых понятием «гибридная война».

Теоретические основания исследования

Разумеется, что теории возникновения и регулирования кризисов разрабатывались на протяжении столетий, но формирование системной теории управления конфликтами следует отнести ко второй половине XX в.

По мнению Л. Козера, одного из ведущих исследователей социальных конфликтов, наиболее опасные из них происходят в закрытых обществах, поскольку блокируют специфические предупредительные сигналы о кризисе и тем самым усугубляют возможность общественных катастроф. В плюралистическом обществе конфликты менее опасны: они своевременно выявляют напряжения, выполняя таким образом конструктивные функции адекватного приспособления социальных норм к изменившимся обстоятельствам [Coser, 1956]. Учёные новой России в целом согласились с подобной классификацией, взяли на вооружение эту и сходные теории, а в дальнейших исследованиях сосредоточили своё внимание на выявлении конфликтных сигналов, механизмах управления (conflict management) и разрешения (conflict resolution) конфликтов.

Но практика конца XX в., а тем более первых десятилетий XXI в. показала необходимость переосмысления и этих теоретических позиций. Переход большинства государств социалистического лагеря («закрытых обществ») к рыночному («плюралистическому») устройству не привела к меньшей остроте и большей конструктивности внутригосударственных и международных конфликтов. Бывший социалистический мир и принадлежавшие к нему ранее страны стали даже более конфликтными, поскольку противоборство по поводу материальных ценностей оказалось опаснее столкновений вокруг идеологических установок.

Некоторые теоретики прошлого века не привязывали уровень конфликтности к определённому общественному устройству, а рассматривали острые противоречия в качестве присущих человеческому обществу как таковому.

Так, Х. Моргантау противопоставлял две ведущие школы политической мысли. Одна из них предполагала существование политического порядка, основанного на общепризнанных абстрактных принципах «легализма-морализма» (legalism-moralism), где требования законности и положения морали существенно влияют на политику. Нарушение принципов происходит вследствие устаревших социальных институтов либо неграмотности или порочности определённых индивидов и групп. Устранение этих проблем позволяет гармонизировать конфликтную ситуацию. Данную школу Х. Моргантау характеризовал как «идеалистическую».

Другая школа («политического реализма» – political realism) исходит из того, что конфликты являются результатом неизбежного столкновения противоположных интересов и стоящих за ними сил, поэтому моральные принципы никогда не могут быть соблюдены полностью. В лучшем случае к ним можно приблизиться посредством временного балансирования интересов и неустойчивых соглашений. Но стратегическая задача заключается в создании системы сдержек и противовесов, апеллирующих к историческому прецеденту и направленных на реализацию меньшего зла, а не абсолютного добра [Morganthau, 1985].

Именно такую картину мы наблюдаем в мировом пространстве XXI в. Декларирование демократических принципов сосуществования становится всё более лицемерным и прикрывающим действия во имя материальной выгоды, включая любые способы устранения или ослабления конкурентов. Но параллельно деградирует и поле «легализма». На основе «демократической целесообразности», не

согласованной с законностью, произошли «цветные революции» в Европе, «арабская весна» на Ближнем Востоке, свержение власти в Ираке и Ливии. «Священное право» частной собственности игнорируется при блокировании золотовалютных резервов России, изъятии активов государства и частных лиц в США и других странах Запада.

Таким образом, говоря о конфликтах третьего десятилетия XXI в., в фокусе которых находится противостояние России и Украины, мы квалифицируем их, с одной стороны, как частное проявление в принципе конфликтных взаимоотношений на мировом пространстве. С другой стороны, перед нами вариант наиболее острого, неизбежного и цикличного противостояния современных государств, проявившееся в столь высокой степени в третий раз с момента начала Первой мировой войны.

Объективированный взгляд на ситуацию представил генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров. Парадигма восприятия мира, характерная для последних нескольких десятилетий – прогресс, обогащение, развитие, уверенность в завтрашнем дне – сменилась на другую, во многом противоположную: неуверенность, хрупкость, опасность, непредсказуемость. Международный порядок «на основе правил» давно уже не существует и остался только в западной фразеологии. Конфликт России и Украины – новая, более интенсивная и широкая фаза общего процесса, переводящая борьбу из сферы экономики, дипломатии и разведки в сферу военную. Перед нами углубляющийся мировой кризис, мы живём внутри большого и длительного переходного процесса [Фёдоров, 2022].

Постановка проблемы, методы исследования, обзор литературы

В начале XXI в. мы могли бы определить задачу исследования как анализ усилий государства по недопущению, нейтрализации, сглаживанию международных и сопряжённых с ними внутренних конфликтов, что совпадает с подходами «легализма-морализма». Теперь же мы переводим эту задачу в плоскость политического реализма и обозначаем её как исследование активностей государства по отстаиванию своих национальных интересов с помощью «меньшего зла, а не абсолютного добра».

Используя в общем плане теоретико-прикладные методы исследования с фокусом на политический и сравнительно-исторический анализ, обратимся к наработкам признанных экспертов-политологов прошлого века, современным трактовкам кризисной (конфликтной) ситуации, а далее к текущим эмпирическим обобщениям.

Так, К. Райт проанализировал несколько сотен межгосударственных войн периода XV–XX вв. и предложил формулу, содержащую показатели для оценки значимости каждой из сторон конфликта, где N – национальные интересы участников противоборства; F – задействованные силы; C – стоимость подготовки и ведения военных действий; W – давление мирового общественного мнения в пользу мирного решения; P – потенциальные ресурсы; V – степень уязвимости в результате прогнозируемых потерь.

Наиболее убедительным учёный считал показатель N – национальные интересы с такими слагаемыми, как сохранение власти, актуальных идеологий, национального характера, независимости и территориальной целостности. Убеждения в ущемлении или

угрозе национальным интересам становятся в большинстве случаев главным поводом для обострения международного конфликта [Wright, 1965, p. 434-449]. Очевидно, что в этом перечне позиций национальных интересов преобладают гуманитарные (репутационные) составляющие.

Опыт последующих десятилетий и особенно текущей «цифровой» эпохи продемонстрировал постоянное возрастание их роли. Это проявилось, например, в том, что в существовавшей ранее санкционной модели результатом виделось нанесение государству материального ущерба (pain – gain), от величины которого и зависела, вопреки национальным интересам, вероятность изменения политического курса страны – адресатом санкций. Но к середине 1990-х гг. данный принцип был признан неэффективным, и начала разрабатываться новая доктрина таргетированных, или «умных» (smart), санкций. Их цель – нанесение ущерба интересам политических и экономических элит стран-мишеней; их раскол и побуждение к отказу от поддержки действующей политики своего государства [Афонцев, 2019].

Соответственно, репутационные контрдействия государства должны заключаться и заключаются в демонстрации единства элит и эффективного противодействия санкциям. В докладе Агентства политических и экономических коммуникаций этот комплекс назван созданием образа устойчивости в условиях усиления санкционного давления на Россию с поправкой на хаотизацию принятия решений в недружественных странах. В отличие от «крымского консенсуса» и «Русской весны» 2014 г., когда доверие строилось на триумфальных настроениях, теперь, в условиях войны и санкций,

объединяющими общество идеологическими скрепами становятся такие, как «осаждённая крепость», «справедливость», «народные» решения, сдерживание бюрократии. Что же касается элиты, то исключение её части из нового общественного договора подаётся как неизбежная ротация и очищение [Образ устойчивости, 2022].

Формированию образа устойчивости в известной мере помогают исследования практики санкций зарубежными учёными. Так, несколько изданий выдержала книга «Экономические санкции пересмотрены» (Economic Sanctions Reconsidered), где описывается около 200 случаев их применения к Северной Корее, Ирану, Судану и другим странам. Авторы отмечают, что эпизоды, связанные со скромными и ограниченными целями, например, освобождением политического заключённого, увенчались успехом в половине прецедентов. Ситуации, когда посредством санкций предполагалось ослабить военный потенциал или добиться существенного изменения политики, дали 30-процентный эффект. Попытки сорвать незначительные военные авантюры дали желаемый результат в пятой части случаев [Hufbauer, 2007, p. 158-162].

Основу образа устойчивости составляют достигнутые или возможные для достижения результаты, причём не только в области сохранения социального и промышленного потенциала, но и в плане его развития. Безусловно выигрышной в области военного противостояния является демонстрация моделей новой военной техники вместе с увеличением объёма её производства. Но не менее позитивный эффект производит демонстрация действий по устранению нанесённого противником ущерба населённым пунктам, а тем

более восстановлению и созданию современных инфраструктурных объектов в областях, включённых в состав России в ходе специальной военной операции (СВО).

Актуальный призыв к глобальному импортозамещению, характерный для любой находящейся под санкциями страны имеет специфическое звучание для различных сфер. Анализ показывает, что, например, для туристической отрасли вполне реально говорить о позитивных изменениях и хороших перспективах. Это связано и с принятием национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», и с ростом числа путешествий по стране, и с новыми возможностями сотрудничества с дружественными и нейтральными странами [Романова, 2002].

Иная ситуация сложилась в российском секторе информационно-коммуникационных технологий, не способном оперативно обеспечить экономические условия для своего устойчивого воспроизводства и достаточный уровень инвестиций. Здесь исследователи предлагают отказаться от идеи «догоняющего импортозамещения» и сосредоточиться на продвижении тезиса о реализации потребностей рынка за счёт поставок санкционной продукции по альтернативным логистическим маршрутам из дружественных России стран: КНР, Вьетнама или Малайзии. Что касается потребностей оборонного комплекса и других сфер, связанных с обеспечением национальной безопасности, то они могут быть удовлетворены микропроцессорами, производимыми по уже освоенным российскими производителями технологическим нормам и в рамках имеющихся у РФ финансовых возможностей [Ганичев, 2022].

Воспринимая санкции как демонстрация западными странами правовых механизмов, Россия принимает аналогичные контрмеры, закреплённые, в частности, в постановлении Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506, разрешающем ввоз в страну востребованных оригинальных товаров иностранного производства без согласия правообладателей [Постановление Правительства ... 29 марта 2022 г. № 506, 2022].

Следует, наконец, говорить о том, что оптимизации экономической политики, а вместе с ней и общественных настроений способствует собственный механизм применения ограничительных мер в рамках противодействия зарубежным санкциям. Они определены Федеральным законом № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» от 4 июня 2018 г. [Федеральный закон ... , № 127 от 4.06.2018] и последующими актами Правительства. Так, постановление Правительства РФ от 1 ноября 2018 г. № 1300 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 22 октября 2018 г. № 592» [Постановление Правительства ... 1 ноября 2018 г. № 1300, 2018] впервые определило список физических и юридических лиц, в отношении которых действуют специальные экономические меры. До того они распространялись на товары определенных категорий и стран происхождения. Также впервые в отечественной практике специальных экономических мер стало использоваться блокирование или замораживание безналичных денежных средств, бездокументарных ценных бумаг и имущества на территории России, а также запрет на перечисление средств (вывод капи-

тала) за пределы страны. Иными словами, в России появился механизм блокирования активов, а также зафиксирован институт, ответственный за данный механизм [Тимофеев, 2021].

Результаты исследования

Говоря об антикризисных мерах государства в социально-экономическом плане, следует подчеркнуть, что оптимальные коммуникационные модели, способствующие их реализации, складывались на протяжении длительного периода 2010-х и 2020-х гг., в частности, в периоды мирового финансового кризиса и пандемии коронавируса, и полностью сохранили свою актуальность в дальнейшем. Однако возникли и новые кризисные явления, связанные не только с фактами внешнего военного и санкционного давления, но и с интенсификацией виртуального гуманитарно-идеологического воздействия, объединённого понятием гибридной (смешанной) войны. Присоединение Крыма к РФ в 2014 г. существенно активизировало такую войну России и Запада, а также информационное противоборство как её важнейшую часть. События, связанные со специальной военной операцией на Украине 2022-2024 гг., сделали коммуникационную кампанию полномасштабной по охвату различных категорий населения, комплексной по набору используемых инструментов и перманентной по времени проведения.

Фундаментальным инструментом государственной политики в гибридной войне является механизм формирования исторической памяти. Исследователи отличают её от термина «историческая наука» – нейтрального в своём абстрактном значении и понимаемого как источниковедение и система познаний о человеке и его деятельно-

сти. «Историческая память» или «коммеморация» (от фр. *commémorative* – памятный, мемориальный и англ. *commemoration* – ознаменование, в память) – это постоянно обновляемая памятная реальность, идеальная для конкретного времени и субъектов. Однако речь идёт об актуализации лишь тех сторон прошлого, что имеют ценность для сегодняшнего дня. Имеется в виду не столько историческая память, сколько политика памяти с выборочным изложением исторических знаний в определённых интересах [Репина, 2003; Чумиков, 2021].

Для потребителей конструируется желаемая историческая реальность в виде осмысления прошлого и прогнозирования будущего в целях ориентации в настоящем. Даже сам отбор фактов для смыслового позиционирования ставится в зависимость от политической и экономической ситуации в той или иной стране и предполагает наличие у производителя контента позиции, транслируемой в дальнейшем в научно-образовательном и медийном поле. Скажем, для большинства граждан США очевидно, что именно их страна победила во Второй Мировой войне; для современной Украины – её «первородство» в становлении древнего российского государства. Объекты, мешающие «правильному» восприятию, – памятники, книги; названия улиц, городов и даже потребительских товаров удаляются из информационного, а затем и физического пространства.

Отсюда актуальной представляется деятельность государства по выпуску единых учебников истории, организации мероприятий вокруг ключевых памятных дат в истории Отечества, поддержке книг и фильмов патриотического содержания, героизации участников СВО. Появились новые праздники – День вос-

соединения Крыма с Россией 18 марта и День воссоединения новых регионов с Россией 30 сентября. И наоборот – усилилось противодействие историческим интерпретациям в интересах государств-противников.

В качестве иллюстрации внимания государства к такой деятельности следует упомянуть выделение в структуре задач Администрации Президента РФ специального направления исторической политики, которое в 2024 г. координировал помощник Президента и председатель Российского военно-исторического общества, доктор исторических наук, профессор В. Мединский. Являясь автором учебников и других трудов по истории России, он констатировал, что «отрицать наличие во все времена государственной исторической политики просто не умно... “Повесть временных лет” написана сквозь призму интересов Владимира Мономаха, “История Государства Российского” – сквозь призму династии Романовых. Министр просвещения Российской империи граф Уваров открыто заявлял: “В народном образовании преподавание истории есть дело государственное”... Ни одно суверенное государство никогда не даст слово вражеской пропаганде в собственном государственном учебнике истории» [Мединский ответил ...].

К коммеморативной проблематике прилегал теория и практика конспирологии. В чрезвычайных ситуациях, с их внезапностью развития событий, дефицитом информации и частичной потерей контроля за её распространением, в обществе возникает атмосфера неопределённости, влекущая за собой в ряде случаев элементы паники. Реакцией на подобную ситуацию становится появление конспирологических вер-

сий, объясняющих происходящее злонамеренным умыслом и действиями определённых личностей или групп. Распространение таких версий приобретает характер «инфодемии», понимаемой как переизбыток и точной, и недостоверной информации, делающей для людей затруднительным нахождение адекватных руководств к действию. Сам термин «инфодемия» сформулировала Всемирная организация здравоохранения в период пандемии COVID-19, тогда же на мировом пространстве отработывалась практика опровержения нежелательных версий её возникновения и преодоления [Understanding the infodemic, 2021].

СВО вызвала к жизни новый конспирологический поток, с вбрасыванием в медийное пространство огромных объёмов спонтанно образовавшейся и специально подготовленной информации о причинах событий и действиях противоборствующих сторон: среди них «личные амбиции президента», «предательство олигархов», «бездарность военачальников», «снарядный голод» и др.

Главным направлением противодействия подобным внешним явлениям, а также внутренней оппозиции стало развитие прогосударственных информационных ресурсов в целях обеспечения преобладающего и синхронизированного информационного сигнала, исходящего от государства. Параллельно проводилась активная нейтрализация и десинхронизация иных неактуальных информационных потоков. В целях регулирования данного процесса в последние годы приняты законодательные новации, в числе которых статья 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» Уго-

ловного Кодекса Российской Федерации (УК РФ) [Федеральный закон ... , 01.04.2020]; статья 207.2 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» [Федеральный закон ... , 04.03.2022]; статья 13.15, ч. 9 Кодекса РФ об административных правонарушениях «Злоупотребление свободой массовой информации» [Ганичев, 2022]. Принят Федеральный закон от 14 июля 2022 г. N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [Федеральный закон, 2022, 14 июля].

Эти оправданные ситуацией юридические ограничения позволили во многом нейтрализовать деятельность целого ряда информационных ресурсов общероссийской и региональной значимости и существенно снизить информационный потенциал, альтернативный государственному. Например, в марте 2022 г., после предупреждений Роскомнадзора, совет директоров самой популярной в стране политической радиостанции «Эхо Москвы» принял решение о ликвидации одноимённых канала и сайта, а редакция «Новой газеты» с одним из самых высоких индексов цитирования остановила выпуск на бумаге, публикацию материалов на сайте и в социальных сетях до окончания СВО.

Особо следует остановиться на работе государства с так называемыми инфлюенсерами – лидерами мнений, определяющими медийную повестку дня. В первую очередь это сами государственные руководители. Агентство «Минченко. Консалтинг» проанализировало их различные имиджевые стратегии. Так, мэр Москвы С. Собянин делает ставку на демонстрацию стабильности грандиозных инфраструк-

турных планов столицы. Глава Санкт-Петербурга А. Беглов, напротив, предпочитает активное продвижение политической повестки СВО и даже взял на себя ответственность за помощь в восстановлении Мариуполя. Губернаторы регионов Центральной России, которые граничат с Украиной и подвергаются обстрелам, акцентируют внимание на конкретной помощи пострадавшим, активно реагируют на проблемы мобилизованных и их семей [Антикризисные стратегии, 2022].

Наряду с требованием безусловной политической лояльности чиновников по отношению к СВО, государство поддерживает их созидательные позиции и само выделяет таковые в качестве приоритетных. Продолжается существующая с 2008 г. традиция, когда Президент РФ своим Указом посвящал каждый год той или иной мирной и актуальной сфере для привлечения к ней общественного внимания. Так, 2022 г. был объявлен Годом культурного наследия народов России, 2023 – Годом педагога и наставника, 2024 – Годом семьи. Важнейшими событиями международного уровня стали такие акции 2024 г., как Всемирный Фестиваль молодёжи на федеральной территории «Сириус» в Сочи, позиционируемый как самое масштабное молодёжное событие в мире, и Спортивные игры стран БРИКС в Казани.

Непростой задачей в ситуации каждого обострения международных и внутренних конфликтов становится получение поддержки от инфлюенсеров из числа творческой элиты. Вновь актуализируется сакральный вопрос «С кем вы, “мастера культуры?”», поставленный в своё время М. Горьким. И тогда, и сейчас происходит борьба за привлечение творческой элиты на сторону государства, сопряжённая как с

поощрениями её патриотической деятельности, так и с правовыми ограничениями, содержащимися в указанных выше законах; формируется новая культурная философия.

Заключение

Устоявшаяся парадигма анализа кризисных явлений и антикризисных коммуникаций в международном политическом и экономическом пространстве требует локальных, а иногда и глобальных корректировок. Это связано с интенсификацией проявлений социального конфликта в виде боевых столкновений, акций экономического противоборства, а также иных конкурентных действий, объединённых понятием «гибридная война». В такой ситуации исследовательская проблема формулируется в рамках концепции политического реализма и предполагает анализ коммуникационных активностей государства по отстаиванию своих национальных интересов.

В ответ на принятие экономических санкций и мер международной изоляции России всё большую роль играют гуманитарные (репутационные) контрдействия государства, направленные на демонстрацию образа социально-

экономической устойчивости страны и политического единства её элит.

В период санкций и военных действий неизбежно активизируется применение технологий информационной войны. Реакцией на них служат операции по формированию исторической памяти, разоблачению конспирологических версий; обеспечение государственно-правового и общественного контроля за распространением в медийном пространстве недостоверной и не отвечающей национальным интересам информации.

Оптимальная коммуникационная политика ведёт к переводу формулы конфликта из навязываемого зарубежными оппонентами и внутренними оппозиционными силами представления о том, что в его основе лежат противоречия «власть – оппозиция», «власть – народ», «власть – свободные медиа», «элита – население», «общечеловеческие демократические ценности – российский тоталитаризм», в такие категории, как «интересы страны – внешнее давление», «патриотическая позиция власти – разрушительные чуждые влияния», «ответственная власть – безответственная оппозиция».

Библиографический список

1. Антикризисные стратегии глав российских регионов 2022. Аналитический доклад. Москва : Минченко Консалтинг, 2022. 23 с.
2. Афонцев С. А. Санкции и международные институты: перспективы снижения санкционных рисков для России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14, № 3. С. 48-68. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-03.
3. Ганичев Н. А. Цифровая экономика России: к стратегии развития в условиях санкций / Н. А. Ганичев, О. Б. Кошовец // Проблемы прогнозирования. 2022. № 6 (195). С. 94–108. DOI: 10.47711/0868-6351-195-94-108.
4. Кодекс РФ об административных нарушениях. Статья 13.15. Злоупотребление свободой массовой информации. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=462640&pieceId=a13.15> (дата обращения: 16.10.2024).

5. Мединский ответил на вопрос о пропаганде в учебнике истории // РБК. 16.11.2023. URL:

<https://www.rbc.ru/politics/16/11/2023/6555d4f89a794767c0c3bbe3?ysclid=ls35iodo2m759763603> (дата обращения: 16.10.2024).

6. Образ устойчивости: внутренняя адаптация России к санкционному давлению и новым вызовам. Доклад Агентства политических и экономических коммуникаций. URL: <https://regcomment.ru/reports/obraz-ustojchivosti-vnutrennyaya-adaptatsiya-rossii-k-sanktsionnomu-davleniyu-i-novym-vyzovam/?ysclid=lrw8tl7h7u821203747> (дата обращения: 16.10.2024).

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2018 года № 1300 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 22 октября 2018 г. № 592». URL: <https://rg.ru/documents/2018/11/01/pravitelstvo-post1300-site-dok.html?ysclid=ls2zsf5e2a430707896> (дата обращения: 16.10.2024).

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы». URL: <http://static.government.ru/media/files/wiACCCKhlqBBRhLDOoPaC0xgnA4Y2mIAT.pdf> (дата обращения: 16.10.2024).

9. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Москва : ГУ ВШЭ, 2003. 42 с.

10. Розанова Т. П. Антикризисные меры по снижению последствий влияния санкций на сферу туризма России // Управленческие науки. 2022. № 12 (2). С. 45–54. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-2-45-54.

11. Тимофеев И. Н. Противодействие экономическим санкциям: российский законодательный и институциональный опыт // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 4. С. 8–23. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-8-23>.

12. Федеральный закон № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» от 4.06.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43117> (дата обращения: 16.10.2024).

13. Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45393> (дата обращения: 16.10.2024).

14. Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/documents/2022/03/09/armiya-dok.html> (дата обращения: 16.10.2024).

15. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48170> (дата обращения: 16.10.2024).

16. Федоров В. Мировой кризис будет долгим и мучительным // Новые известия. 26.05.2022. URL: <https://newizv.ru/article/general/26-05-2022/valeriy-fedorov-vtsiom-mirovoy-krizis-budet-dolгим-i-muchitelnym> (дата обращения: 16.10.2024).

17. Чумиков А. Н. Позиционирование военной истории: коммеморация и интерпретация // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 3 (28). С. 22-22. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-22-22.
18. Coser L. The Function of Social Conflict. Glencoe, Ill, Free Press, 1956. 188 p.
19. Hufbauer G. C., Schott G. G., Elliott K. A., Oegg B. Economic sanctions reconsidered. 3rd ed. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007. 248 p.
20. Morgenthau H. Politics Among Nations, 6th Ed. New York: Alfred A. Knopf, 1985. 688 p.
21. Understanding the infodemic and misinformation in the fight against COVID-19: factsheet // Pan American Health Organization, 2020. URL: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/52052/Factsheet-infodemic_eng.pdf (дата обращения: 16.10.2024).
22. Wright Q. The escalation of international conflicts // Journal of Conflict Resolution. 1965. Vol. 9 (4). Pp. 434-449. doi:10.1177/002200276500900402. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/002200276500900402> (дата обращения: 16.10.2024).

Reference list

1. Antikrizisnye strategii glav rossijskih regionov 2022 = Analiticheskij doklad. Anti-crisis strategies of the heads of Russian regions in 2022. Analytical report. Moskva : Minchenko Konsalting, 2022. 23 s.
2. Afoncev S. A. Sankcii i mezhdunarodnye instituty: perspektivy snizhenija sankcionnyh riskov dlja Rossii = Sanctions and international institutions: prospects for reducing sanctions risks for Russia // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika. 2019. T. 14, № 3. S. 48-68. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-03.
3. Ganichev N. A. Cifrovaja jekonomika Rossii: k strategii razvitija v uslovijah sankcij = Digital economy of Russia: to the development strategy under sanctions / N. A. Ganichev, O. B. Koshovec // Problemy prognozirovaniya. 2022. № 6 (195). S. 94-108. DOI: 10.47711/0868-6351-195-94-108.
4. Kodeks RF ob administrativnyh narushenijah. Stat'ja 13.15. Zloupotreblenie svobodoj massovoj informacii = Code of Administrative Violations of the Russian Federation. Article 13.15. Abuse of media freedom. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=462640&pieceId=a13.15> (дата обрashhenija: 16.10.2024).
5. Medinskij otvetil na vopros o propagande v uchebnike istorii = Medinsky answered the question about propaganda in the history textbook // RBK. 16.11.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/11/2023/6555d4f89a794767c0c3bbe3?ysclid=ls35iodo2m759763603> (дата обрashhenija: 16.10.2024).
6. Obraz ustojchivosti: vnutrennjaja adaptacija Rossii k sankcionnomu davleniju i novym vyzovam. Doklad Agentstva politicheskikh i jekonomicheskikh kommunikacij = Image of resilience: Russia's internal adaptation to sanctions pressure and new challenges. Report of the Agency for Political and Economic Communications. URL: <https://regcomment.ru/reports/obraz-ustojchivosti-vnutrennyaya-adaptatsiya-rossii-k-sanktsionnomu-davleniyu-i-novym-vyzovam/?ysclid=lrw8tl7h7u821203747> (дата обрashhenija: 16.10.2024).

7. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 1 nojabrja 2018 goda № 1300 «O merah po realizacii Ukaza Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 22 oktjabrja 2018 g. № 592» = Decree of the Government of the Russian Federation of November 1, 2018 No. 1300 “On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation of October 22, 2018 No. 592”. URL: <https://rg.ru/documents/2018/11/01/pravitelstvo-post1300-site-dok.html?ysclid=ls2zsf5e2a430707896> (data obrashhenija: 16.10.2024).

8. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 marta 2022 g. «O tovarah (gruppah tovarov), v otnoshenii kotoryh ne mogut primenjat'sja odnel'nye polozhenija Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zashhite iskljuchitel'nyh prav na rezul'taty intellektual'noj dejatel'nosti, vyrazhennye v takih tovarah, i sredstva individualizacii, kotorymi takie tovary markirovany» = Decree of the Government of the Russian Federation of March 29, 2022 “On goods (groups of goods) in respect of which certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the protection of exclusive rights to the results of intellectual activity expressed in such goods and means of individualization with which such goods are marked cannot be applied”. URL: <http://static.government.ru/media/files/wiACCKhLqBBRhLDOoPaC0xgnA4Y2mIAT.pdf> (data obrashhenija: 16.10.2024).

9. Repina L. P. Kul'turnaja pamjat' i problemy istoriopisanija (istoriograficheskie zametki) = Cultural memory and problems of historiography (historiographic notes). Moskva : GU VShJe, 2003. 42 s.

10. Rozanova T. P. Antikrizisnye mery po snizheniju posledstvij vlijanija sankcij na sferu turizma Rossii = Anti-crisis measures to reduce the impact of sanctions on the tourism sector in Russia // Upravlencheskie nauki. 2022. № 12 (2). S. 45–54. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-2-45-54.

11. Timofeev I. N. Protivodejstvie jekonomicheskim sankcijam: rossijskij zakonodatel'nyj i institucional'nyj opyt = Countering economic sanctions: Russian legislative and institutional experience // Finansovyj zhurnal. 2021. T. 13, № 4. S. 8–23. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-8-23>.

12. Federal'nyj zakon № 127-FZ «O merah vozdejstvija (protivodejstvija) na nedruzhestvennye dejstvija Soedinennyh Shtatov Ameriki i inyh inostrannyh gosudarstv» ot 4.06.2018 = Federal Law No. 127-FZ “On Measures of Influence (Counteraction) on Unfriendly Actions of the United States of America and Other Foreign States” dated from 4.06.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43117> (data obrashhenija: 16.10.2024).

13. Federal'nyj zakon ot 01.04.2020 № 100-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» = Federal Law of 01.04.2020 No. 100-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45393> (data obrashhenija: 16.10.2024).

14. Federal'nyj zakon ot 4 marta 2022 g. № 32-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'i 31 i 151 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» = Federal Law of March 4, 2022 No. 32-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. URL: <https://rg.ru/documents/2022/03/09/armiya-dok.html> (data obrashhenija: 16.10.2024).

15. Federal'nyj zakon ot 14 ijulja 2022 g. N 255-FZ «O kontrole za dejatel'nost'ju lic, nahodjashhihsja pod inostrannym vlijaniem» = Federal Law of July 14, 2022 N 255-FZ “On Control over the Activities of Persons under Foreign Influence”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48170> (data obrashhenija: 16.10.2024).

16. Fedorov V. Mirovoj krizis budet dolgim i muchitel'nyj = The global crisis will be long and painful // *Novye izvestija*. 26.05.2022. URL: <https://newizv.ru/article/general/26-05-2022/valeriy-fedorov-vtsiom-mirovoy-krizis-budet-dolgim-i-muchitel'nyj> (data obrashhenija: 16.10.2024).

17. Chumikov A. N. Pozicionirovanie voennoj istorii: kommemoracija i interpretacija = Positioning military history: commodification and interpretation // *Nauka. Obshhestvo. Oborona*. 2021. T. 9, № 3 (28). S. 22-22. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-22-22.

18. Coser L. *The Function of Social Conflict*. Glencoe, III, Free Press, 1956. 188 p.

19. Hufbauer G. C., Schott G. G., Elliott K. A., Oegg B. *Economic sanctions reconsidered*. 3rd ed. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007. 248 p.

20. Morgenthau H. *Politics Among Nations*, 6th Ed. New York : Alfred A. Knopf, 1985. 688 p.

21. Understanding the infodemic and misinformation in the fight against COVID-19: factsheet // Pan American Health Organization, 2020. URL: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/52052/Factsheet-infodemic_eng.pdf (data obrashhenija: 16.10.2024).

22. Wright Q. The escalation of international conflicts // *Journal of Conflict Resolution*. 1965. Vol. 9 (4). Pp. 434-449. Doi:10.1177/002200276500900402. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/002200276500900402> (data obrashhenija: 16.10.2024).

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 28.09.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 323.28 ; 351.751
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-4-25-21
EDN: VNXQIO

Медиаресурсы и терроризм: риски взаимодействия

Светлана Ивановна Кузина^{1✉}, Инга Григорьевна Сагирян²

¹Доктор политических наук, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин, профессор кафедры гражданского права и процесса, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону; профессор кафедры гражданского права и процесса, Московский университет имени С. Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону

¹svivk@yandex.ru✉, orcid.org/0000-0003-0026-5351

²sagiryana@yandex.ru, orcid.org/0000-0002-4394-3418

Аннотация. В современном мире терроризм стал эффективным методом достижения политической власти. Террористы стремятся устрашать мирное население и уничтожать своих противников, превратившись в преступный фактор глобального масштаба, что говорит об актуальности темы исследования. Террористы и ранее полагались на средства массовой информации (СМИ) для публичной демонстрации своих действий, однако с приходом информационного века открылись широкие возможности, изучение которых стало целью данного исследования. Взаимодействие терроризма и СМИ является взаимовыгодным, представляет собой некий информационный симбиоз, что позволяет применить к ним термин «медийный терроризм». Террористы через СМИ достигают своей цели создания атмосферы страха у населения и влияния на правительства государств, а СМИ, показывая сцены насилия, поднимают свои тиражи и увеличивают прибыль. Медиа-терроризм наносит ущерб не только безопасности общества, но и его свободам. Исследование проводилось с применением методов структурно-функционального, статистического анализа, с помощью контент-анализа нормативных правовых актов международного уровня, средств массовой информации, историко-сравнительного метода и других. Проанализированы риски взаимодействия СМИ и террористических организаций, несущих угрозу распространения идеологии насилия, а также наносящие ущерб деятельности силовых структур, чей долг – защита граждан и государства от смертельной опасности терроризма. От государственной власти общество ждет более тщательной проработки правовых норм регулирования сферы противодействия терроризму, особенно в отношении деятельности средств массовой информации. Работа с журналистами, дея-

телями культуры не должна носить характер вседозволенности, когда нет социальной ответственности.

Ключевые слова: терроризм; средства массовой информации; медийный терроризм; свобода слова; информационная безопасность; антитеррористическая политика; политическая власть; цифровые технологии

Для цитирования: Кузина С. И., Сагирян И. Г. Медиаресурсы и терроризм: риски взаимодействия // Социально-политические исследования. 2024. № 4 (25). С. 21-36. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-21>. <https://elibrary.ru/VNXQIO>.

Original article

Media resources and terrorism: the risks of interaction

Svetlana I. Kuzina^{1✉}, Inga G. Sagiryan²

¹Doctor of political sciences, professor at department of criminal law and public law disciplines, professor at department of civil law and process, Don state technical university, Rostov-on-Don; professor, department of civil law and process, Moscow university named after S.Yu. Witte, branch in Rostov-on-Don

²Candidate of philological sciences, associate professor at department of criminal law and public law disciplines, Don state technical university, Rostov-on-Don

¹svivk@yandex.ru✉, orcid.org/0000-0003-0026-5351

²sagiryan@yandex.ru, orcid.org/0000-0002-4394-3418

Abstract. In the modern world, terrorism has become an effective method of achieving political power. Terrorists seek to intimidate civilians and destroy their opponents, turning into a criminal factor of a global scale, which indicates the relevance of the research topic. Terrorists have previously relied on the media to publicly demonstrate their actions, but with the advent of the information age, wide opportunities have opened up, the study of which became the goal of this study. The interaction of terrorism and the media is mutually beneficial, it is a kind of information symbiosis, which makes it possible to apply the term “media terrorism” to them. Terrorists through the media achieve their goal of making the atmosphere of fear among the population and influence state governments, and the media, showing scenes of violence, raise their circulation and increase profits. Media terrorism damages not only the security of society, but also its freedoms. The study was carried out with methods of structural-functional, statistical analysis, using content analysis of international regulatory legal acts, the media, the historical and comparative method and others. The risks of interaction between the media and terrorist organizations that pose a threat to the spread of the ideology of violence, as well as damaging the activity of law enforcement agencies, which duty is to protect citizens and the state from the mortal danger of terrorism, are analyzed. From state authorities, society expects a more thorough study of the legal norms for regulating the sphere of countering terrorism, especially with regard to the activity of the media. Work with journalists, cultural figures should not be permissive, when there is no social responsibility.

Key words: terrorism; media; media terrorism; freedom of speech; information security; anti-terrorism policy; political power; digital technology

For citation: Kuzina S. I., Sagiryana I. G. Media resources and terrorism: the risks of interaction. *Social and political researches*. 2024;4(25): 21-36. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-21>. <https://elibrary.ru/VNXQIO>.

Введение

Распространение идеологии террористического насилия в современном мире достигло мировых масштабов. Основным детерминирующим фактором является глобализация и информатизация мирового коммуникационного пространства. Террористические акты способствуют не только возможному росту числа террористических организаций, но и росту сенсационных новостных сообщений в средствах массовой информации. Взаимовлияние средств массовой информации (*далее СМИ*) и терроризма хорошо прослеживается на примерах тиражирования случаев скулшутинга (движение, признанное в России террористическим) – расстрелов обучающихся в образовательных учреждениях по всему миру, в том числе и в России, после широкого освещения их в СМИ [Кузина, 2023].

Взаимоотношения СМИ и террористических организаций рассматривали в своих исследованиях Г. Вайманн и К. Уинн, называя их симбиотическими [Weimann, 1995]. Анализ авторов, основанный на статистической и неофициальной информации, отражает растущую обеспокоенность общественности и ученых по поводу поведения средств массовой информации и вопросов, связанных со свободой прессы.

В своем специальном докладе №116 «Как современный терроризм использует Интернет» для Института мира США в 2004 г. Г. Вайманн называет причины широкого использования террористами интернета для распро-

странения своей идеологии, опровергая таким образом обывательское представление о террористах как средневековых дикарях с бородами: «По своей природе Интернет во многих отношениях является идеальной ареной для деятельности террористических организаций» [Weimann].

Взаимовыгодным симбиозом называют отношения СМИ и террористов М. Камфуйсен и Э. Виссерс в своей статье «Терроризм и средства массовой информации: симбиотические отношения?» [Camphuijsen, 2012], характеризуя их как взаимодействие лучших друзей. Г. Почепцов участников данного симбиоза называет сиамскими близнецами, одинаково ответственными за совершаемое насилие [Почепцов, 2003]. Д. Ч. Холмс пишет о СМИ как о поставщике кислорода, без которого террористы не смогли бы выжить [Holmes, 2007].

К. Хиршман являлся одним из сторонников понимания терроризма как оружия слабых против сильных, которым нужна реклама в СМИ для привлечения сторонников [Хиршман, 2002]. Возможно, это действительно оружие слабых, пока в процесс не включатся средства массовой информации. З. Л. Терзи, главный наблюдатель от Организации освобождения Палестины при ООН, в своем интервью в 1976 г. заявил: «Первые угоны самолетов пробудили понимание мира, вызвали намного больший отголосок в средствах массовой информации и в общественном мнении всего мира,

причем с большей пользой для нас, чем ходатайства в Организацию Объединенных Наций на протяжении двадцати лет» [Дершовиц, 2010, с. 29]. Мир стал уделять больше внимания палестинцам и их требованиям. Генеральная Ассамблея ООН приняла в 1975 г. их лидера, ряд государств признал палестинское правительство [Кузина, 2010].

Исследованию проблем медийного терроризма посвятили свои работы российские ученые В. И. Белоножкин, Г. А. Остапенко [Белоножкин, 2009], А. О. Ковенкова [Ковенкова, 2024], Л. Нуждин [Нуждин, 2017] и другие.

Целью нашего исследования является анализ рисков взаимодействия СМИ и террористов.

Методы исследования

В исследовании использованы комплексные методы анализа официальных правовых документов, этических кодексов журналистской деятельности, а также статистический, исторический, компаративистский и другие методы.

Не вызывает сомнения тот факт, что симбиоз взаимовыгодного сотрудничества СМИ и террористов дошел до такой степени опасности для человечества, что ему вполне можно дать название «медийного терроризма» [Кузина, 2022].

Институт экономики и мира (ИЕР), Австралия, с 2000 года рассчитывает ежегодный Глобальный индекс терроризма – Global Terrorism Index (GTI), основанный на фактических данных о совершенных террористических актах в мире. По определению, в соответствии с которым рассчитывается Глобальный индекс терроризма, терроризм представляет собой «угрозу или фактическое применение незаконной силы и насилия негосударственным субъек-

том для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» [Глобальная база ...].

Согласно Отчетам ИЕР за 2020 год, наиболее пораженными терроризмом странами являются Афганистан, Ирак, Нигерия, Сирия, Пакистан, Сомали [Глобальный индекс ...]. Эти страны возглавили список. Россия находилась в 2020 году на 39-м месте из 135 [Веренич, 2022].

Используя публичную составляющую медиа для собственной выгоды, террористы не терпят критического и ироничного к себе отношения, что проявилось при совершении ряда террористических атак на французский сатирический журнал Шарли Эбдо (Charlie Hebdo) в Париже. Наиболее трагичной из них стала атака на редакцию 7 января 2015 г., когда были убиты 12 сотрудников журнала. Нападавшие выкрикивали реплики о своей мести за сатирические карикатуры на Пророка Мухаммеда, размещенные в журнале (*Нападение на Charlie Hebdo в Париже: террористы против свободы слова // РИА Новости. 07.01.2015. URL: <https://ria.ru/20150107/1041714397.html> (дата обращения 13.06.2024).*)

Информационное поле эффективно используется террористическими организациями для продвижения своей идеологии и распространения насилия. Цель – захват власти средствами нагнетания страха среди мирного гражданского населения, а всеобъемлющий характер информационных потоков делает их цели глобальными – устрашение всего человечества и насаждение тоталитарной власти над ним. Через социальные сети производится манипуляция общественным сознанием, чему «плотворно» способствуют СМИ в погоне

за сенсациями, в том числе в соответствии с задачами, которые ставят перед ними их заказчики.

В качестве примера приведем сравнительный анализ освещения одних и тех же событий в официальном государственном СМИ – на сайте Национального антитеррористического комитета (*далее НАК*) и в манипулятивном интернет-медиа «Кавказский узел»*, доступ к сайту которого с марта 2022 г. ограничен Роскомнадзором России по требованию Генпрокуратуры РФ (*Роскомнадзор заблокировал сайт издания «Кавказский узел» // РБК. 16 марта 2022 г. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/03/2022/62319b139a794745efd0eaa9 (дата обращения 05.01.2023)*). В целях объективного научного исследования приведем результаты анализа, который был проведен и опубликован в 2017 г. Н. С. Седых в журнале «Национальная безопасность» [Седых, 2017]. Так, например, на официальном сайте НАК описывалась операция силовых структур: «Сотрудниками органов безопасности в подвале дома обнаружен схрон с большим количеством оружия и боеприпасов», а запрещенное интернет-медиа разместило следующую манипулятивную информацию об этой операции: «Полицейские подбросили оружие официальному представителю салафитской мечети и задержали его» [Цит. по: Седых, 2017, с. 6].

Воздействие на общественное сознание через СМИ имеет эффект «повестки дня» и конструирования реальности: если читатель видит освещаемое событие в СМИ, то оно для него происходит в реальной жизни. Если же он не видит освещения события в новостной повестке дня, то он и не знает о нем, а, значит, его как бы не существует. У читателей или слушателей фор-

мируется та интерпретация событий, которую подают СМИ как общепризнанную «правду».

В приведенном выше примере сайт Национального антитеррористического комитета сообщает о фактах предотвращения спецслужбами теракта или задержания террористов, обнаружении схрона с оружием и боеприпасами («бандиты задержаны, нейтрализованы») в расчете на то, что граждане правильно оценят работу правоохранительных органов по обеспечению их безопасности. Но с такой правовой и гражданской позицией не согласны сторонники террористической борьбы с государством, используя такую слабость людей, как любопытство к скандальным сенсациям. Такие СМИ заведомо производят подмену понятий и ставят под сомнение работу государства по охране и защите гражданского населения.

Террористы неоднократно использовали международные спортивные мероприятия для привлечения внимания СМИ. Например, получивший мировую огласку взрыв бомбы на Бостонском марафоне в США в 2013 г. На спортивном мероприятии присутствовало множество репортеров, которые вели прямой репортаж с места события. К сожалению, силовые структуры США не прислушались к предупреждению российских спецслужб о возможном террористическом акте (*Путин: Россия до теракта в Бостоне трижды информировала США о братьях Царнаевых // ТАСС. 16 октября 2016. URL: <https://tass.ru/politika/3708741> (дата обращения 13.06.2024)*).

Погоня за рейтингами (а значит, и прибылью) нивелирует внутрикорпоративный этический кодекс журналистов, которые готовы ради денег манипулятивно использовать лозунг свободы сло-

ва, пусть даже ради этой «высокой и светлой» цели погибнут люди. Под провозглашаемой свободой слова скрывается принцип вседозволенности и цинизма. В случае освещения террористических актов часто создаются ситуации, когда работа журналистов не только мешает правоохранительным органам в операции по ликвидации террористов, но и создает опасность для жизни заложников. Об этом рассказывает участник штурма захваченного террористами театрального центра на Дубровке в Москве в 2002 г. во время мюзикла «Норд-Ост», полковник ФСБ в отставке В. Демидкин: «Три полковника ФСБ, в том числе и я, поднялись на крышу – и начали смотреть – где можно закреплять базу, где нельзя. И тут на соседней крыше мы увидели корреспондентов с камерами... Они вели съемку всего, что мы делали. <...> Да, это все выдавалось сразу в прямой эфир. В котором прозвучало: вот сотрудники группы «Альфа», – и штурм, наверное, будет с крыши. Это увидела не только вся страна, – но и террористы в зале Норд-Оста. Они сразу выдвинули ультиматум: если эти трое с крыши не уйдут, мы сейчас начнем расстреливать каждого десятого заложника. После чего нам поступил приказ – вернуться в оперштаб...» (Емельянов И. Штурм Норд-Оста с крыши отменили из-за журналистов – они вели там прямой эфир. Полковник «Альфы» раскрыл правду спустя 20 лет // Комсомольская правда. 23 октября 2022. URL: <https://www.kp.ru/daily/27461.5/4666107/> (дата обращения 05.02.2023).

Результаты исследования

Можно сделать вывод, что определенный контроль над деятельностью СМИ в случаях освещения террористических событий не является цензурой по причине того, что стоит вопрос

о спасения жизни людей. Никакие прибыли, материальные и идеологические, медиамагнатов и террористов не стоят бесценной человеческой жизни. Для журналистов должно стать недопустимым романтизировать террористов, беря у них интервью, озвучивая требования, рассказывая об их «борьбе за независимость» или насаждение фундаменталистских религиозных догматов, публикуя их фотографии, где они позируют на фоне джихадистских лозунгов. Любые сведения должны быть согласованы со спецслужбами в целях того, чтобы не нанести вред антитеррористической операции. Журналистика должна быть патриотичной, помогать правительству, правоохранительным органам в их антитеррористической борьбе, создавать негативный образ террористов, рассказывать об успешно проведенных спецслужбами операциях. Как пример гражданского служения можно привести информирование общества о четко проведенной операции спецслужб по ликвидации террористов, захвативших заложников в следственном изоляторе (СИЗО-1 ГУФСИН России по Ростовской области) в г. Ростове-на-Дону 16 июня 2024 г. (Заложники в СИЗО в Ростове-на-Дону освобождены // Интерфакс. 16 июня 2024. URL: <https://www.interfax.ru/russia/966805> (дата обращения 17.06.2024).

Примером ответственного отношения к террористической угрозе является принятый после взрыва террористами башен-близнецов 11 сентября 2001 г. в США Патриотический акт, ограничивающий некоторые свободы американцев для усиления мер по обеспечению их безопасности [The USA patriot act ... , 2001]. Этот акт разрешал спецслужбам доступ к личным данным граждан, переписке, прослушиванию телефонов,

медицинским историям пациентов и пр. Разрешалась наружная слежка за гражданами, подозреваемыми в причастности к террористическим организациям. Общество в США с пониманием отнеслось к таким мерам. Число террористических актов с этого времени значительно сократилось. Надо отметить, что уже в 2015 г. Патриотический акт был заменен на Акт о свободе, запрещающий спецслужбам США вести за американскими гражданами электронную слежку [Романовская, 2017].

Такая практика применяется многими государствами. В 60-е гг. XX в. в Великобритании был введен запрет брать интервью у террористов для журналистов теле- и радиоканалов (*Пресса как оружие массового поражения. 14.10.2004 // Портал ISRAland – израильские новости. URL: <http://www.isra.com/lit-29124.html> (дата обращения 26.02.2023)*). Террористами английское правительство считало членов военизированной группировки, Ирландской республиканской армии (ИРА), активизировавшей борьбу за независимость Северной Ирландии от Англии в 1960-е гг. и не прекращающуюся, правда, с гораздо меньшей интенсивностью до сих пор. Однако в погоне за сенсацией журналисты находили пути обхода запрета: интервью у террористов не брали, но зачитывали тексты обращений террористов.

В Федеративной Республике Германия (ФРГ) в 1970-е гг. был наложен запрет на публикацию любых материалов, пропагандирующих насильственные действия и способных нанести ущерб безопасности государства (*Пресса как оружие массового поражения. 14.10.2004 // Портал ISRAland – израильские новости. URL: <http://www.isra.com/lit-29124.html> (дата обращения 26.02.2023)*).

Конкретизация законов в России по вопросам ограничения распространения журналистами информации о ходе контртеррористической операции была вызвана прецедентом освещения СМИ захвата заложников в Театральном центре на Дубровке в Москве в октябре 2002 г.

Однако принятие поправок в закон о СМИ сопровождалось непростыми событиями. Непрофессионализм и безответственность журналистов проявились во время теракта на Дубровке. Продюсер мюзикла А. Цекало в прямом эфире Первого канала сообщил, что перед началом штурма дал спецслужбам план помещений; радиостанция «Эхо Москвы» позволила террористам озвучить свои требования и разместила их на сайте; каналы НТВ, Рен-ТВ, РТР общались с заложниками и террористами, показывали бойцов спецназа (*Трехдневный спецвыпуск // Коммерсант-Власть. 2002. № 43. URL: <http://www.koiiimersait.ru/doc.aspx?DocSID=349463> (дата обращения: 18.03.2023)*). Все эти передачи смотрели вместе со зрителями террористы.

Через месяц после теракта на Дубровке российский Парламент принял поправки в закон «О СМИ», ужесточающие правила освещения контртеррористических операций. Однако принятие поправок вызвало сопротивление представителей СМИ [Нарушения прав ... , 2002]. 1 октября состоялся VI Международный конгресс Национальной ассоциации телерадиовещателей (НАТ), где было заявлено, что журналистское сообщество готово пойти по пути самоограничения, вырабатывается «Анти-террористическая конвенция». Союз журналистов России заявил в ответ, что еще в 2001 г. разработал Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические

операции [Этические принципы ... , 2001], которые соответствуют резолюции Конференции ЮНЕСКО «Терроризм и средства массовой информации» (Манила, 1-2 мая 2002 года) [Резолюция Конференции ЮНЕСКО ... , 2002]. Остается констатировать, что во время освещения трагедии на Дубровке журналисты или не знали о журналистском Этическом кодексе, или пренебрегли этикой во имя сенсации.

Антитеррористическая конвенция, регулирующая правила освещения контртеррористических операций, была принята Индустриальным комитетом СМИ Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) 8 апреля 2003 г. Конвенция имела примечание: «Исключения из данных правил возможны только во имя сохранения жизни людей по согласованию с Оперативным Штабом» [Антитеррористическая конвенция ... , 2003]. Дискуссия в журналистском сообществе была учтена российским руководством, на парламентский закон об ужесточающих поправках в ФЗ «О СМИ» Президент РФ В. В. Путин наложил вето, и в закон вошла формулировка о необходимости согласования журналистами освещения хода контртеррористической операции с Оперативным штабом операции [Закон РФ ... , 1991]. В Антитеррористической конвенции СМИ предусмотрено сознательное принятие журналистами самоограничений.

Международные акты предусматривают некоторые ограничения в распространении информации, способной нанести ущерб государству и обществу.

Во Всеобщей декларации прав человека от 1948 г. (Статья 29) записано: «...каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом...» [Всеобщая декларация ... , 1948].

Международный пакт о гражданских и политических правах от 1966 г. (Статья 19, п. 3) говорит об особых обязанностях и особой ответственности при выражении человеком своего мнения. [Международный пакт ... , 1966].

В Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 1950 г. (Статья 10, ч. 2) записано, что свобода выражения мнения может быть ограничена «...в интересах национальной безопасности...» [Конвенция о защите ... , 1950].

Таким образом, можно отметить, что правовые нормы (и международные, и российские) предусматривают ограничение распространения вредной информации, а в случае террористической угрозы такие ограничения не только допустимы, но и необходимы.

Заключение

Со стороны журналистского сообщества предпринимались попытки принять этические правила освещения террористических событий, которые позволяли бы не только выполнять профессиональный журналистский долг, но и не наносили бы вреда контртеррористическим действиям. В 2003 г. руководители ведущих российских СМИ подписали Антитеррористическую конвенцию (*Представители российских СМИ подписали «Антитеррористическую конвенцию»*). 9 апреля 2003. URL:

<https://lenta.ru/news/2003/04/08/convention/> (дата обращения 01.09.2022). Эта конвенция была принята после того, как освещение некоторыми СМИ захвата заложников в здании театрального центра «Норд-Ост» в Москве в 2002 г. приобрело недопустимые формы, приведшие к росту числа жертв среди заложников.

Были приняты и другие коллективные документы, выработанные российскими журналистами: «Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции» [Этические принципы ... , 2001], «Хартия телеведущих против насилия и жестокости» [Хартия телеведущих ... , 2005].

Можно сделать вывод, что в России тема обеспечения информационной безопасности в средствах массовой информации всех видов пока остается на уровне внутрикорпоративного регулирования на основе этического кодекса журналистов, предписывающего «не злоупотреблять свободой слова».

Механизмы контроля и ответственности внутри медийного сообщества практически отсутствуют, само сообщество расколото из-за политических разногласий, что привело к несоблюдению установленных этических правил. Журналистское сообщество качественно и количественно размыто появлением множества блогеров в виртуальных сетях, не имеющих к журналистике никакого отношения.

Террористы в целях расширения влияния нарратива насилия на умы стали все чаще и шире прибегать к уничтожению наследия человечества, подрыву культурных и исторических памятников, национальных символов: взрывы башен-близнецов в Нью-Йорке (2001 г.); разрушение и разграбление древнего ассирийского города Нимруд в Ираке (2015 г.), сохранившегося с VIII века до н. э.; уничтожение памятников Пальмиры в Сирии (2015 г.) и др. Уничтожение памятников не является стратегической победой терроризма, но оказывает тяжелое моральное давление на мировое сообщество,

являясь одной из целей античеловеческой борьбы террористов.

СМИ как важный инструмент формирования общественного мнения обязаны не только информировать общество о трагедиях, вызванных атаками террористов, но и идеологически противодействовать разрушительному их воздействию, к примеру, не брать на себя функцию рекламы имен главарей террористических организаций и их требований. Такое предложение было сделано крупными американскими СМИ после теракта 11 сентября 2001 г. [Jackson, 2019] – не транслировать заявления главарей «Аль-Каиды»**.

СМИ могут неосознанно или осознанно, апеллируя к свободе слова и запрету на цензуру, содействовать, помогать террористам, как это было при трансляциях в прямом эфире действий специальных сил назначения при захвате террористами Театрального центра на Дубровке в Москве в 2002 г., о чем мы писали выше. Такой «живой эфир» не оставляет времени на раздумья о жизни заложников и на принятие решений оперативным штабом по руководству контртеррористической операцией.

Погоня за сенсацией иногда приводит к ситуации, когда журналисты берут на себя роль переговорщиков с террористами. Например, корреспондент американской компании Си-Би-Эс Л. Стол говорил, что, когда журналисты выступают от имени заложников, это заставляет власть ценить жизни людей выше политики [Лабуш, 2019]. Возможно, такой взгляд журналиста разделяют немногие его коллеги, но это не снижает возможной опасности нанесения вреда профессиональной деятельности спецслужб.

Безусловно, об опасности террористического акта граждане любого государства должны знать, но важно, как

такое событие освещается в СМИ. Чтобы нарушить взаимовыгодную связь СМИ и терроризма, первые должны изменить фокус освещения трагических событий, не извлекая выгоды из сюжетов – «с этого места начнется штурм боевиков силами спецназа», как это имело место на Дубровке в 2002 г.

В данном направлении продолжается работа международных организаций и правительств с журналистами. Так, специализированная организация Организации Объединенных Наций (ООН) по вопросам образования, науки и культуры ЮНЕСКО в 2017 году разработала и распространила справочное пособие для журналистов «Терроризм и СМИ: руководство для журналистов» на нескольких языках [Terrorism and the Media ... , 2017]. Пособие предупреждает журналистов и дает профессиональные советы, как представителям СМИ соблюдать осторожность, изучать тех, у кого они берут интервью и публикуют высказывания респондентов, в каком контексте подают публикацию, несмотря на давление медиа-корпораций и публики.

Российским антитеррористическим комитетом разработаны пособия для журналистов, специализирующихся по теме противостояния терроризму и экстремизму [Дорошенко, 2019], проводятся учебно-практические курсы для журналистов [В Новосибирске проведены ... , 2024].

К сожалению, пока самым распространенным методом борьбы с террористами в интернете является блокировка их страниц и сайтов. Но они вновь и вновь открываются, их можно найти

через программу VPN (virtual private network). Необходима работа по совершенствованию методов и приемов информационной контрпропаганды, требуются яркие по мощности воздействия, не уступающие террористическим роликам, но с позитивным контентом, разоблачительные антитеррористические материалы. Такие материалы должны обладать высоким уровнем воздействия на сознание человека, формировать антитеррористическое мировоззрение, особенно у молодых людей. Доверить эту сложную и ответственную работу необходимо профессиональным психологам и политтехнологам.

Замалчивание темы терроризма – ошибка, так как террористы в отсутствие альтернативной информации будут заполнять информационные лакуны и вербовать людей с помощью искаженных религиозных догм. Необходимо направлять усилия специалистов на разоблачение позиций террористов, находя их слабые места и ложные аргументы, работать с их каналами коммуникаций, разрушая организацию изнутри, как, например, разоблачение использования террористами термина «джихад» для оправдания убийства людей другой национальности или религии. Необходимо объяснять людям, что традиционное значение джихада состоит в усердии служения Всевышнему. Важно повышать эффективность воздействия на массовое сознание с целью формирования негативного отношения к террористической пропаганде, уверенности граждан в неотвратимости наказания за терроризм.

Библиографический список

1. Антитеррористическая конвенция (правила поведения СМИ в случаях террористического акта и контртеррористической операции). Принято Индустриальным комитетом СМИ ОБСЕ 8 апреля 2003 года. URL: <http://www.>

osce.org%2Ffiles%2F%2Fdocuments%2Fe%2F7%2F326897.pdf&psig=AOvVaw1N61ESHYnnaOPOL3lxKSjH&ust=1722064974616000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=0CAQQn5wMahcKEwiYtNjolsSHAxUAAAAAHQAAAAAQBA (дата обращения: 25.07.2024).

2. Белоножкин В. И. Информационные аспекты противодействия терроризму / В. И. Белоножкин, Г. А. Остапенко. Москва : СИНТЕГ, 2009. 112 с.

3. В Новосибирске проведены учебно-практические курсы для журналистов. 14.06.2024 // Обучение журналистов / Хроника событий / Официальный сайт Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytyi-obuchenie-zhurnalistov/v-novosibirsk-provedeny-uchebno.html> (дата обращения 26.07.2024).

4. Веренич И. Г. Терроризм как социально-политическое явление в информационном обществе / И. Г. Веренич, С. И. Кузина // Современные тенденции в государственном управлении, экономике, политике, праве : сборник докладов XII международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮРИУФ РАНХиГС, 2022. С. 16–21.

5. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.). URL: <https://base.garant.ru/10135532/> (дата обращения: 19.07.2024).

6. Глобальная база данных по терроризму // Национальный консорциум по изучению терроризма и реагирования на него (START) URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (дата обращения: 25.07.2024).

7. Глобальный индекс терроризма – 2020 / Институт экономики и мира (IEP) URL: <https://web.archive.org/web/20201125074953/https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf> (дата обращения: 25.10.2021).

8. Дершовиц А. Почему терроризм действует / пер. с англ. Москва : РОССПЭН, 2005. 255 с.

9. Дорошенко Е. И. Как не превратить теракт в информационный взрыв. Ч. 1, 2. Москва : РУДН, 2019.

10. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в последней редакции). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 25.07.2024).

11. Ковенкова А. О. Проблема терроризма в сети Интернет и пути ее решения / А. О. Ковенкова, Я. А. Киселева // Юриспруденция и современная правовая система: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2024. С. 79-83.

12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/2540800/> (дата обращения: 26.07.2024).

13. Кузина С. И. Террор и терроризм: общее и особенное // Философия права. 2010. №4. С. 36–40.

14. Кузина С. И. Скулшутинг – новый терроризм XXI века / С. И. Кузина, Ю. И. Исакова, И. Г. Сагирян // Противодействие идеологии экстремистской и террористической деятельности среди молодежи : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону : ДГТУ, 2023. С. 6–12.

15. Кузина С. И. Медийный терроризм / С. И. Кузина, И. Г. Сагирян, И. Г. Веренич // Правовой порядок и правовые ценности : сборник научных статей VI Национальной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону : ДГТУ, 2022. С. 61–67.
16. Лабуш Н. С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм / Н. С. Лабуш, А. С. Пую. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. 340 с.
17. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года / Конвенции и соглашения // Официальный сайт ООН URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 26.07.2024).
18. Нарушения прав журналистов на «Норд-Осте»: Материал ИЦ Agentura.Ru. Октябрь 2002. URL: <https://studall.org/all2-83328.html> (дата обращения: 18.03.2023).
19. Нуждин Л. Информационный терроризм. Москва : Икар, 2017. 292 с.
20. Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии. Москва : Центр, 2003. 381 с.
21. Резолюция Конференции ЮНЕСКО «Терроризм и средства массовой информации». Принята в Маниле 1-2 мая 2002 года // Общественная коллегия по жалобам на прессу. URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/753-rezolyutsiya-konferentsii-yunesko-terrorizm-i-sredstva-massovoj-informatsii-manila-1-2-maya-2002-goda> (дата обращения: 25.07.2024).
22. Романовская О. В. Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму. URL: <http://esj.pnzgu.ru>. (дата обращения: 16.02.2023).
23. Седых Н. С. Медиадискурс о терроризме в контексте информационной и социальной безопасности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-o-terrorizme-v-kontekste-informatsionnoy-i-sotsialnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 05.01.2023).
24. Хартия телеведущих против насилия и жестокости. Подписана 8 июня 2005 г. URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/636-khartiya-teleradioveshchatelej-protiv-zhestokosti-i-nasiliya> (дата обращения: 26.07.2024).
25. Хиршман К. Меняющееся обличье терроризма // Международный терроризм и право. 2002. № 2002. С. 26–36.
26. Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции. Приняты Федеративным Советом Союза журналистов России 30 октября 2001 года. URL: <https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/760-> (дата обращения: 25.07.2024).
27. Brian A. Jackson, Ashley L. Rhoades, Jordan R. Reimer, Natasha Lander, and etc. Practical terrorism prevention. Reexamining U. S. national approaches to addressing the threat of ideologically motivated violence. Homeland security operational analysis center (HSOAC), 2019. 45 p.

28. Camphuijsen M., Vissers E. Terrorism and the mass media: A symbiotic relationship? // Social cosmos. 2012. №3(11). P. 14–24.

29. Holmes D. Ch. Plenty of oxygen: terrorism, news media and the politics of the security. State in C. Hatcher (Ed.), World communication association proceedings. 2007. P. 1-9. Queensland university of technology.

30. Terrorism and the media: a handbook for journalists [Official site UNESCO]. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/terrorism-and-media-handbook-journalists> (дата обращения: 08.04.2023).

31. The USA patriot act: preserving life and liberty (uniting and strengthening america by providing appropriate tools required to intercept and obstruct terrorism) 25.10.2001. URL: <http://www.justice.gov/archive/ll/highlights.htm> (дата обращения 16.02.2023).

32. Weimann G. How modern terrorism uses the internet. Special report 116. March 2004 // United States institute of peace. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr116.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).

33. Weimann G., Winn C. The theater of terror: mass media and international terrorism. Longman, 1994. 295 p.

Reference list

1. Antiterroristicheskaja konvencija (pravila povedenija SMI v sluchajah terroristicheskogo akta i kontrterroristicheskij operacii). Prinjato Industrial'nym komitetom SMI OBSE 8 aprelja 2003 goda = Anti-terrorist convention (rules of conduct of the media in cases of terrorist act and counter-terrorist operation). Adopted by the OSCE Industrial Media Committee on April 8, 2003. URL: <http://www.osce.org/2Ffiles%2F%2Fdocuments%2F%2F7%2F326897.pdf&psig=AOvVaw1N61ESHYnnaOPOL3lxKSjH&ust=1722064974616000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=0CAQQn5wMahcKEwiYtNjolsSHAxUAAAAAHQAAAAAQBA> (data obrashhenija: 25.07.2024).

2. Belonozhkin V. I. Informacionnye aspekty protivodejstvija terrorizmu = Information aspects of countering terrorism / V. I. Belonozhkin, G. A. Ostapenko. Moskva: SINTEG, 2009. 112 s.

3. V Novosibirskje provedeny uchebno-prakticheskie kursy dlja zhurnalistov = Practical training courses for journalists held in Novosibirsk 14.06.2024. // Obuchenie zhurnalistov / Hronika sobytij / Oficial'nyj sajt Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta. URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobyty-obuchenie-zhurnalistov/v-novosibirskje-provedeny-uchebno.html> (data obrashhenija: 26.07.2024).

4. Verenich I. G. Terrorizm kak social'no-politicheskoe javlenie v informacionnom obshhestve = Terrorism as a socio-political phenomenon in the information society / I. G. Verenich, S. I. Kuzina // Sovremennye tendencii v gosudarstvennom upravlenii, jekonomike, politike, prave : sbornik dokladov XII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskij konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i studentov. Rostov-na-Donu : Izd-vo JuRIUF RANHiGS, 2022. S. 16–21.

5. Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka (prinjata na tret'ej sessii General'noj Assamblei OON rezoljuciej 217 A (III) ot 10 dekabnja 1948 g.) = Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the UN General Assembly by

resolution 217 A (III) of December 10, 1948). URL: <https://base.garant.ru/10135532/> (data obrashhenija: 19.07.2024).

6. Global'naja baza dannyh po terrorizmu = Global terrorism database // Nacional'nyj konsorcium po izucheniju terrorizma i reagirovanija na nego (START) URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (data obrashhenija: 25.07.2024).

7. Global'nyj indeks terrorizma – 2020 = Global Terrorism Index 2020/ Institut jekonomiki i mira (IEP) URL: <https://web.archive.org/web/20201125074953/https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf> (data obrashhenija: 25.10.2021).

8. Dershovic A. Pochemu terrorizm dejstvuet = Why terrorism acts / per. s angl. Moskva : ROSSPJeN, 2005. 255 s.

9. Doroshenko E. I. Kak ne prevratit' terakt v informacionnyj vzryv = How not to turn a terrorist attack into an information explosion. Ch.1,2, Moskva : RUDN, 2019.

10. Zakon RF ot 27.12.1991 № 2124-1 «O sredstvah massovoj informacii» (v poslednej redakcii) = Law of the Russian Federation of 27.12.1991 No. 2124-1 “On Mass Media” (as amended). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (data obrashhenija: 25.07.2024).

11. Kovenkova A. O. Problema terrorizma v seti Internet i puti ee reshenija = The problem of terrorism in the Internet and ways to solve it / A. O. Kovenkova, Ja. A. Kiseleva // Jurisprudencija i sovremennaja pravovaja sistema: aktual'nye voprosy, dostizhenija i innovacii : sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Penza : Nauka i Prosveshhenie, 2024. S. 79–83.

12. Konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod ETS № 005 (Rim, 4 nojabrja 1950 g.) (s izmenenijami i dopolnenijami) = Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms ETS No. 005 (Rome, November 4, 1950) (as amended). URL: <https://base.garant.ru/2540800/> (data obrashhenija: 26.07.2024).

13. Kuzina S. I. Terror i terrorizm: obshhee i osobennoe = Terror and terrorism: common and special // Filosofija prava. 2010. №4. S. 36–40.

14. Kuzina S. I. Skulshuting – novyj terrorizm XXI veka = Schoolshooting – the new terrorism of the XXI century / S. I. Kuzina, Ju. I. Isakova, I. G. Sagirjan // Protivodejstvie ideologii jekstremistskoj i terroristicheskoj dejatel'nosti sredi molodezhi : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Rostov-na-Donu : DGTU, 2023. S. 6–12.

15. Kuzina S. I. Medijnyj terrorizm = Media terrorism / S. I. Kuzina, I. G. Sagirjan, I. G. Verenich // Pravovoj porjadok i pravovye cennosti : sbornik nauchnyh statej VI Nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Rostov-na-Donu : DGTU, 2022. S. 61–67.

16. Labush N. S. Mediatizacija jekstremal'nyh form politicheskogo processa: vojna, revoljucija, terrorizm = Mediatization of extreme forms of the political process: war, revolution, terrorism / N. S. Labush, A. S. Puju. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2019. 340 s.

17. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskijh pravah. Prinjat rezoljuciej 2200 A (XXI) General'noj Assamblei ot 16 dekabrja 1966 goda = International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966 / Konvencii i soglashenija // Oficial'nyj sajt OON URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (data obrashhenija: 26.07.2024).

18. Narusheniya prav zhurnalistov na «Nord-Oste» = Violations of the rights of journalists at Nord-Ost: Material IC Agentura.Ru. Oktjabr' 2002. URL: <https://studall.org/all2-83328.html> (data obrashhenija: 18.03.2023).

19. Nuzhdin L. Informacionnyj terrorizm = Information terrorism. Moskva : Ikar, 2017. 292 s.

20. Pohepcov G. G. Informacionno-politicheskie tehnologii = Information and political technologies. Moskva : Centr, 2003. 381 s.

21. Rezoljucija Konferencii JuNESKO «Terrorizm i sredstva massovoj informacii». Prinjata v Manile 1-2 maja 2002 goda = UNESCO Conference Resolution “Terrorism and the Media”. Adopted at Manila 1-2 May 2002 // Obshhestvennaja kollegija po zhalobam na pressu. URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/753-rezolyutsiya-konferentsii-yunesko-terrorizm-i-sredstva-massovoj-informatsii-manila-1-2-maya-2002-goda> (data obrashhenija: 25.07.2024).

22. Romanovskaja O. V. Akt o patriotizme: ogranichenija prava na neprikosновенnost' chastnoj zhizni v SShA v celjah protivodejstvija terrorizmu = Patriot Act: Restrictions on the right to privacy in the United States in order to counter terrorism. URL: <http://esj.pnzgu.ru>. (data obrashhenija: 16.02.2023).

23. Sedyh N. S. Mediadiskurs o terrorizme v kontekste informacionnoj i social'noj bezopasnosti = Media discourse on terrorism in the context of information and social security URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-o-terrorizme-v-kontekste-informatsionnoj-i-sotsialnoj-bezopasnosti> (data obrashhenija: 05.01.2023).

24. Hartija televeshhatelej protiv nasilija i zhestokosti. Podpisana 8 ijunja 2005 g. = Charter of Broadcasters Against Violence and Cruelty. Signed on June 8, 2005. URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/636-khartiya-teleradioveshchatelej-protiv-zhestokosti-i-nasiliya> (data obrashhenija: 26.07.2024).

25. Hirshman K. Menjajushheesja oblich'e terrorizma = The changing guise of terrorism // Mezhdunarodnyj terrorizm i pravo. 2002. № 2002. S. 26–36.

26. Jeticheskie principy professional'nogo povedenija zhurnalistov, osveshhajushhijh akty terrorizma i kontrterroristicheskie operacii. Prinjaty Federativnym Sovetom Sojuza zhurnalistov Rossii 30 oktjabrja 2001 goda = Ethical Principles of Professional Conduct for Journalists Covering Acts of Terrorism and Counter-Terrorism Operations. Adopted by the Federal Council of the Union of Journalists of Russia on October 30, 2001. URL: <https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/760-> (data obrashhenija: 25.07.2024).

27. Brian A. Jackson, Ashley L. Rhoades, Jordan R. Reimer, Natasha Lander, and etc. Practical terrorism prevention. Reexamining U. S. national approaches to addressing the threat of ideologically motivated violence. Homeland security operational analysis center (HSOAC), 2019. 45 p.

28. Camphuijsen M., Vissers E. Terrorism and the mass media: A symbiotic relationship? // Social cosmos. 2012. №3(11). P. 14–24.

29. Holmes D.Ch. Plenty of oxygen: terrorism, news media and the politics of the security. State in C. Hatcher (Ed.), World communication association proceedings. 2007. P. 1-9. Queensland university of technology.

30. Terrorism and the media: a handbook for journalists [Official site UNESCO]. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/terrorism-and-media-handbook-journalists> (data obrashhenija: 08.04.2023).

31. The USA patriot act: preserving life and liberty (uniting and strengthening america by providing appropriate tools required to intercept and obstruct terrorism) 25.10.2001. URL: <http://www.justice.gov/archive/ll/highlights.htm> (data obrashhenija: 16.02.2023).

32. Weimann G. How modern terrorism uses the internet. Special report 116. March 2004 // United States institute of peace. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr116.pdf> (data obrashhenija: 10.06.2024).

33. Weimann G., Winn C. The theater of terror: mass media and international terrorism. Longman, 1994. 295 p.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 27.09.2024; approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

*** Данное лицо выполняет функции иностранного агента**

**** Данная террористическая организация запрещена в России**

Научная статья
УДК 37.035.43
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-4-25-37
EDN: VTFETZ

**Политическое образование современной молодежи:
состояние, инструменты и проблемы**

Ирина Владимировна Самаркина^{1✉}, Нелли Павловна Кузьменко²

¹Доктор политических наук, доцент, декан факультета управления и психологии, заведующий кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

²Инженер-исследователь научно-исследовательской части, Кубанский государственный университет, Краснодар

¹smrkn@mail.ru✉, orcid.org/0000-0002-0205-8543

²nelly20_20@mail.ru, orcid.org/0009-0003-7286-1598

Аннотация. Система образования в контексте новых геополитических трансформаций является важнейшим институтом формирования компетенций молодых граждан, а также механизмом выстраивания достоверной политической картины мира и интерпретации исторических событий, что обеспечивает сохранение преемственности политического знания и укрепления традиционных ценностей российского общества. В условиях современных внутривнутриполитических, внешнеполитических и социокультурных изменений как органы власти, так и представители научного сообщества уделяют достаточное внимание вопросу конструирования целостной и непротиворечивой системы политического образования. Молодежь как носитель политического сознания нуждается в понимании и верной интерпретации политических явлений и процессов, формулируя запрос на понимание смыслов и формирование политической субъектности посредством конструктивных форм гражданского участия. В статье отмечается, что институт политического образования является многомерным, включающим множество акторов, направляющих образовательные стратегии. Авторами представлены результаты собственного эмпирического исследования, нацеленного на выявление содержания, инструментов и проблем политического образования в РФ. Исследование выполнено методами анкетного и экспертного опроса, для реализации которых использовались количественные и качественные стратегии. На основе положительной динамики политических знаний и ценностных представлений студенческой молодежи, выявленных по результатам анкетного опроса, продемонстрирована результативность курса «Основы российской государственности» как инструмента политического образования. Определено экспертное мнение о содержании, инструментах и проблемах политического образования в системе основного, среднего профессионального и высшего образования. Сформулированы и систематизированы ключевые проблемы в процессе политического образования: когнитивно-

© Самаркина И. В., Кузьменко Н. П., 2024

ценностные, кадровые, методические, институциональные. Авторами предложен поиск совместных форматов реализации образовательных стратегий между субъектами, включенными в систему конструирования политических знаний.

Ключевые слова: политическое образование; молодежь; геополитическая реальность; политические ценности; инструменты; проблемы; технологии

Для цитирования: Самаркина И. В., Кузьменко Н. П. Политическое образование современной молодежи: состояние, инструменты и проблемы // Социально-политические исследования. 2024. № 4 (25). С. 37-57. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-37>. <https://elibrary.ru/VTFETZ>.

Original article

Political education of modern youth: state, tools and problems

Irina V. Samarkina^{1✉}, Nelly P. Kuzmenko²

¹Doctor of political sciences, associate professor, dean of faculty of management and psychology, head of department of political science and political management, Kuban state university, Krasnodar.

²Research engineer of the research department, Kuban state university, Krasnodar

¹smrkn@mail.ru[✉], orcid.org/0000-0002-0205-8543

²nelly20_20@mail.ru, orcid.org/0009-0003-7286-1598

Abstract. The education system in the context of new geopolitical transformations is the most important institution for forming competencies of young citizens, as well as a mechanism for building a reliable political picture of the world and interpreting historical events, which ensures preserving the continuity of political knowledge and strengthening the traditional values of Russian society. In the context of modern national, foreign policy and socio-cultural changes, both authorities and representatives of the scientific community pay sufficient attention to the issue of constructing an integral and consistent system of political education. Young people as a carrier of political consciousness need to understand and correctly interpret political phenomena and processes, formulating a request for understanding the meanings and formation of political subjectivity through constructive forms of civic participation. The article notes that the institution of political education is multidimensional with many actors directing educational strategies. The authors present the results of their own empirical research aimed at identifying the content, tools and problems of political education in the Russian Federation. The study was carried out using questionnaire and expert survey methods for implementing them quantitative and qualitative strategies were used. Based on the positive dynamics of political knowledge and value ideas of student youth identified by the results of a questionnaire survey, the effectiveness of the course “Fundamentals of Russian Statehood” as an instrument of political education was demonstrated. An expert opinion has been determined on the content, tools and problems of political education in the system of basic, secondary vocational and higher education. Key problems in the process of political education are formulated and systematized: cognitive-value, personnel, methodological, institutional. The authors proposed a search for joint formats for implement-

ing educational strategies between subjects included in the system of constructing political knowledge.

Key words: political education; youth; geopolitical reality; political values; tools; problems; technologies

For citation: Samarkina I. V., Kuzmenko N. P. Political education of modern youth: state, tools and problems. *Social and political researches*. 2024;4(25): 37-57. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-37>. <https://elibrary.ru/VTFETZ>.

Введение

В контексте геополитической турбулентности и последовательной трансформации ценностных оснований в современном российском обществе происходит осмысление социально-политического, ценностно-идеологического, культурологического пути развития государства. Важным фактором, влияющим на формирование политического сознания и протекание политической социализации граждан, является обеспечение преемственности политического знания. Государство выступает не только институтом политической социализации, но и гарантом сохранения исторического наследия страны, обеспечивающим формирование гражданской идентичности и создание позитивного образа будущего, что становится возможным благодаря системе знаний и ценностных представлений об особенностях российского государства.

Ключевой группой-носителем политического сознания является молодежь, осваивающая модели политического поведения, формы участия в социально-политической жизни и способы восприятия политических процессов. Образовательная политика призвана целенаправленно воздействовать на политическую социализацию молодого поколения и вовлекать его в конструктивные формы гражданской активности: в деятельность общественно-политических организаций; проведе-

ние военно-патриотических мероприятий; погружение в историю совместно с учреждениями культуры. Все это позволяет молодежи осваивать систему знаний и ценностных ориентиров, в частности, ценность патриотизма, сохранения исторической правды и укрепления гражданственности.

Институт политического образования стал укрепляться благодаря широкой активизации просветительской деятельности в системе высшего образования, а также усилиями научного экспертного сообщества. Начало СВО отразило ситуацию, при которой отсутствие должного объема преподавания социально-политических дисциплин в системе высшего образования усложнило процесс понимания и адекватной интерпретации происходящих политических явлений и процессов, а инструменты по продвижению политической повестки оказались не разработанными.

В результате запрос молодежи сформировался вокруг понимания смыслов, стремления к качественному включению в политическую сферу общественной жизни. Стандарт политического образования оказался «рамочным» и унифицированным, а приоритетным направлением педагогического и академического сообщества стало наполнение содержания преподаваемых дисциплин, где акцент делается на доступном объяснении происходящих процессов и ценностных основаниях.

Слаженный институт политического образования, существовавший в период СССР, действовавший как инструмент коммунистического воспитания и социокультурного роста государства, был разрушен вместе с распадом страны и образовавшимся на этой основе ценностным расколом. В этой связи Российская Федерация в качестве возродившейся демократической державы обрела потребность в действенной системе политического образования, позволяющей формировать целостную систему представлений молодых граждан о состоянии политической сферы.

Становится необходимым подробное рассмотрение инструментов и анализ проблем реализации политического образования в современной России, а также поиск новых технологий, позволяющих сформировать устойчивую систему знаний и политических представлений, что влияет на выстраивание образа будущего государства и гражданского общества.

Данная проблема находится в центре внимания научного сообщества. Эксперты Российского общества политологов в работе «Проблемы политологического образования в современной России» [Абрамов, 2021] отразили результаты исследования, посвященного выявлению актуальных вопросов политологической дисциплины и политического образования. Авторы отмечают, что сокращение объема преподавания политологии осложняет процесс усвоения студентами представлений о современных глобальных, национальных, региональных и местных политических процессах.

А. В. Селезнева в рамках круглого стола ЭИСИ в 2022 г. озвучила тезис о значимости укрепления отечественной

политологической науки, утверждая, что политология полезна не только представителям данной специальности, но и каждому гражданину, который должен осознавать происходящие политические явления (*Эксперты ЭИСИ рассказали об особенностях политологического образования и науки в РФ // Известия: сайт. 2022. URL: <https://iz.ru/1381659/2022-08-18/eksperty-eisi-raskazali-ob-osobnostiakh-politologicheskogo-obrazovaniia-i-nauki-v-rf> (дата обращения: 23.03.2023)*). В 2024 г. в структуре ЭИСИ был образован департамент, в компетенции которого входит развитие политического образования и гражданского просвещения в России, что свидетельствует о последовательной институционализации политического образования.

Актуализация запроса на формирование целостной системы политических знаний и выработки эффективных технологий и практик обуславливает необходимость получения новых эмпирических данных, подтверждающих степень сформированности инструментов институционализации политического образования.

Степень изученности проблемы

Анализ научных работ, посвященных необходимости выстраивания непротиворечивой системы политического образования, являющегося институтом формирования политической культуры и компонентом политической социализации молодежи, свидетельствует о единстве взглядов представителей академического сообщества на рассматриваемую проблему.

В зарубежной науке существует мнение о том, что политическое образование служит инструментом общественного прогресса, укрепляя демо-

кратические институты [Sander, 2004]. Представители демократического подхода рассматривают институт образования в качестве инструмента достижения социальной справедливости и сокращения социального неравенства путем расширения прав и возможностей обучающихся [Gibbs, 2023]. Государственный подход к пониманию функций образовательной системы отражает необходимость патриотического воспитания и развития чувства сопричастности к общественным и государственным интересам [Bitschnau, 2024].

Следует отметить отечественных авторов, изучающих систему политического образования, а также технологии и инструменты его реализации. Е. А. Иванова и М. С. Жилинская считают, что образовательная деятельность в современных условиях призвана формировать знания о национально-культурных особенностях государства, направленных на становление компетентных молодых граждан [Иванова, 2022].

Приоритетом деятельности государственной молодежной политики и образовательной системы, по мнению К. А. Федоренко, является воспитание патриотизма и гражданственности, а также формирование политического сознания молодых граждан [Федоренко, 2023].

Подходы к рассмотрению школы как агента политической социализации были выделены следующими учеными. А. В. Селезнева наделяет институт основного образования функцией гражданского и патриотического воспитания. Так, школа призвана развивать включенность молодых граждан в практики социально-политического участия, формировать политическую культуру [Селезнева, 2020].

В работе Д. В. Григорьева раскрываются ключевые факторы, обеспечиваю-

щие конструирование политического образования в школе: проведение военно-патриотических мероприятий, имитация государственной модели на примере системы школьного самоуправления, организация культурно-досуговой деятельности [Григорьев, 2016].

Суждения Т. А. Асеевой о необходимости синтеза школьных знаний об отечественной истории, о специфике современного развития российского государства, его форме и национальных приоритетах отвечают современным геополитическим вызовам и запросам населения. По мнению исследователя, проблема отсутствия квалифицированных кадров, призванных транслировать школьной молодежи политическое знание, создает противоречивую картину политической социализации молодежи в целом [Асеева, 2015].

И. Н. Гукова, Ж. В. Бойко, Л. С. Половнева отмечают, что в современном российском обществе идет процесс поиска новых технологий и методов преподавания политических дисциплин, и для студентов различных направлений подготовки необходимо разработать универсальную программу политического образования [Гукова, 2021].

Проблема трансляции политического знания в системе среднего профессионального образования также приобретает особое значение, где в настоящее время отмечаются следующие проблемы:

- низкий уровень качества образования;
- ориентир государственной концепции образования на подготовку к обучению «школа-вуз»;
- недостатки институциональной поддержки довузовского образования;
- недостаточная изученность образовательных практик в системе среднего профессионального образования [Албеков, 2021].

На сегодняшний день большинство исследовательских институтов занимаются проблемами высшего образования. Политическая социализация студенческой молодежи протекает в условиях противоречивой эволюции института образования, находящегося под влиянием внутри и внешнеполитических трансформаций; наблюдается инертность и дистанцированность молодого поколения от политической системы, в то же время присутствует интерес к обсуждению протекающих социально-политических процессов [Силантьева, 2015].

Анализ научных публикаций, посвященных раскрытию проблемы политического образования и описанию его ключевых практик, позволяет говорить об актуальности темы и возможности практического использования полученных результатов исследования в системе образовательной политики.

Одним из ценностных инструментов формирования политического знания стал курс «Основы российской государственности», внедренный в систему высшего образования в рамках реализации проекта «ДНК России», разрабатываемого академическим составом экспертов в ответ на ценностно-идеологические вызовы в контексте сохранения традиционных духовно-нравственных приоритетов российского общества. Изучение содержания курса и его эффективности в системе формирования политических знаний привлекло внимание научного сообщества.

Е. Б. Галиева на основе социологического исследования выявила следующие ключевые интерактивные формы работы со студентами: интеллектуальные игры-викторины (32 %), формат групповой дискуссии (31 %), просмотр

обучающих фильмов (28 %). Определено, что большой отклик среди учащихся получают задания, связанные с презентацией своих регионов с учетом их историко-культурных особенностей [Галиева, 2024].

О содержательном наполнении курса «Основы российской государственности» и его ценностно-идеологической, практической значимости размышляют современные исследователи, находящиеся внутри системы преподавания новой дисциплины. Так, на примере Херсонского государственного педагогического университета В. И. Сальников демонстрирует необходимость реализации курса, что способствует приобщению жителей региона к историческому прошлому и отвечает геополитическим вызовам [Сальников, 2024].

По мнению М. Г. Штракс и Е. А. Шилдкамп, ключевой ролью дисциплины служит укрепление традиционных ценностей российского общества, противостояние внешним вызовам и угрозам, а также формирование нового поколения, способного применять полученные знания и компетенции на благо государства и общества [Штракс, 2024].

Рефлексируя накопленный опыт преподавания, Ю. В. Вострякова определяет ценностные доминанты, транслируемые курсом «Основы российской государственности»: осознание молодыми людьми себя как неотъемлемой части государства; приобщение к широкому культурному наследию и духовно-нравственным традициям; необходимость гармоничного развития и взаимодействия на территории России множества народов с их богатейшим социокультурным потенциалом [Вострякова, 2023].

Говоря о совершенствовании методики преподавания курса, А. В. Горина считает целесообразным создание специальной рабочей тетради, которая содержала бы задания как на проработку учебного материала, так и на рефлексию собственных рассуждений. Важным способом интеграции студентов в социокультурное пространство РФ является их вовлечение в социальное проектирование в рамках курса [Горина, 2023].

Обзор научных публикаций подтверждает существование научного интереса к рассмотрению политического образования как целостного института формирования политической культуры граждан. Вопрос конструирования системы политического образования как механизма политической социализации в контексте геополитической повестки является актуальным и требует детального изучения ключевых практик и технологий, внедряемых в систему образования на разных этапах, в том числе выявление эффективности курса «Основы российской государственности» как инструмента политического образования.

Методология и методика исследования

Концептуальная рамка исследования политического образования как формирующегося института политической социализации обусловлена необходимостью использования интегративного подхода к осмыслению процессов на макро- и микроуровне политики, позволяющего отразить как институциональные аспекты проблемы, так и результат деятельности институтов на уровне личности.

Неоинституциональный подход, в рамках которого политические институты рассматриваются как устойчивые

комплексы правил, обеспечивающих взаимодействие акторов политики (Э. Остром [Ostrom, 2005], С. В. Патрушев [Патрушев, 2020], П. В. Панов [Панов, 2010], О. И. Зазнаев [Зазнаев, 2013], А. И. Соловьев [Соловьев, 2020] и др.), позволяет обозначить нормативные аспекты политического образования.

Политико-психологический подход Е. Б. Шестопал [Шестопал, 2005], в рамках которого образование рассматривается как институт целенаправленной политической социализации, обеспечивающий преемственность ключевых ценностей и установок политической культуры, определил инструменты и параметры анализа микроуровня политики, который находится в фокусе институтов политического образования.

Концепция ресоциализации, протекующей в условиях геополитических изменений, Е. Б. Шестопал [Шестопал, 2005], И. В. Самаркиной [Самаркина, 2006], позволила отразить связь между политическим образованием и процессом конструирования новой ценностно-идеологической модели, позволяющей молодежи новых субъектов РФ успешно адаптироваться в социокультурных и политических реалиях российского общества.

Сетевой подход И. В. Мирошниченко, Н. А. Рябченко [Мирошниченко, 2016], в рамках которого развитие политического образования рассматривается в качестве многоуровневой системы взаимодействия политических институтов, общественно-политических движений, НКО и других акторов публичной политики.

В основе концептуальной модели исследования лежит трактовка политического образования как фундаментального института, определяющего формирование базовых оснований по-

литической культуры общества и влияющего на конструирование гражданской идентичности А. И. Щербинина [Щербинин, 1992].

Предметом исследования стало состояние, инструменты и проблемы политического образования современной российской молодежи.

Методика исследования включает совокупность приемов анализа документов (для описания состояния системы политического образования); массового опроса (для оценки курса «Основы российской государственности» как инструмента политического образования) и экспертного опроса (для выявления проблем современной системы политического образования).

В рамках выявления содержания и описания трансформации политических знаний и представлений в процессе усвоения дисциплины «Основы российской государственности» как инструмента политического образования, был проведен анкетный опрос с представителями студенческой молодежи первого курса очной и очно-заочной формы обучения. Опрос был проведен в два этапа: первый замер (сентябрь 2023 г.) был реализован в начале освоения дисциплины, когда ответы респондентов могли характеризовать сформированную еще в общеобразовательной среде картину политических знаний. Второй замер (декабрь 2023 г.) осуществлялся в процессе завершения курса, и полученные данные отражают усвоенные в ходе освоения внедренной дисциплины политические знания, ценностные ориентиры и представления. Всего опрошено на первом этапе 1 002 респондента, на втором – 470. Выборку составили студенты социально-гуманитарных направлений (факультет управления и психологии, ро-

мано-германской филологии, экономического и художественно-графического факультеты). Для анализа результатов исследования использовалась количественная стратегия.

С целью определения экспертного мнения о степени сформированности практик и технологий политического образования и выявления ключевых проблем на разных ступенях образовательной системы, в период с февраля 2023 года по апрель 2024 года был проведен экспертный опрос с представителями образовательного и академического сообщества (категории экспертов: учителя, преподаватели, советники, завучи и проректор по воспитательной работе), являющихся агентами политической социализации молодежи. Было опрошено 20 экспертов; при проведении опроса учитывались пространственно-географические характеристики: городская и сельская местность. Данные интерпретировались с помощью качественной стратегии исследования.

Состояние современной системы политического образования в РФ

Институциональная структура современной системы политического образования в России имеет многопрофильный характер и состоит из органов государственного управления на федеральном и региональном уровнях, нормативно-правовых основ, деятельности общественных организаций, а также проектных и конкурсных механизмов, включенных в процесс реализации образовательных практик. Взаимодействуя с субъектами публичной политики, образовательные учреждения и общественные организации создают многоступенчатую институциональную среду, формирующую и реализующую технологии, способствующие

щие политической социализации молодежи и формированию ее нравственных ориентиров.

Нормативные основы политического образования заложены в Федеральном законе №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [ФЗ №273 ...], который регламентирует реализацию образовательных стандартов и программ в соответствии с социокультурными, духовно-нравственными ценностями российского общества, в контексте формирования патриотизма и гражданственности, развития правовой культуры граждан на основе единства обучения и воспитания и с учетом этнокультурных особенностей многонациональных народов РФ.

Нормотворчество в среде основного образования в условиях новых геополитических вызовов проявилось в принятии Письма Министерства Просвещения РФ № 03-871 «Об организации занятий «Разговоры о важном» [Письмо № 03-871 ...]. «Разговоры о важном» еженедельно проводятся в рамках внеурочной деятельности и нацелены на создание информационно-просветительского поля нравственной, патриотической направленности.

В соответствии с письмом Минпросвещения России от 15.04.2022 г. № СК-295/06 «Об использовании государственных символов Российской Федерации» [Письмо № СК-295/06 ...] образовательным организациям были направлены методические рекомендации по использованию государственных символов в целях изучения истории государственной символики.

Нормативные основы образовательной политики в новых регионах изложены в Федеральном Законе «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере образования и науки» в контексте принятия в состав

РФ новых территорий» [ФЗ №19 ...]. Положения Федерального Закона регламентируют институциональные способы реализации образовательной политики в регионах с целью обеспечения единого научного и образовательного пространства в данных субъектах и интеграции в образовательное, социокультурное, ценностно-идеологическое и политическое пространство РФ в результате процесса ресоциализации.

Анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих особенности реализации образовательных стратегий, позволяет сделать вывод о широкой степени разработанности институциональных механизмов правового регулирования образовательной политики в РФ и внедрения мер по совершенствованию технологий политического образования.

«Основы российской государственности» как инструмент политического образования

В условиях глобальных изменений в мировой политике и в контексте выявленных приоритетных задач по смысловому наполнению и объяснению социально-политических трансформаций на федеральном уровне стали создаваться следующие инструменты:

- увеличение объемов преподавания исторических дисциплин;
- разработка курса «Основы начальной военной подготовки»;
- внедрение дисциплины «Разговоры о важном»;
- организация еженедельной традиции поднятия флага и пение государственного гимна в системе основного образования;
- внедрение в систему высшего образования для первых курсов всех направлений подготовки дисциплин

ны «Основы российской государственности».

Дисциплина направлена на формирование системы знаний, навыков, компетенций и ценностных представлений о государстве на основе понимания пути исторического развития страны и ее современных особенностей. Рассмотрим некоторые результаты исследования, подтверждающие эффективность курса «Основы российской государственности» как инструмента политического образования и формирования ценностной основы молодых граждан.

Среди студентов-политологов 1 курса доминирующими духовно-нравственными ценностями стали: образование, познание, наука (74 %), личная безопасность, свобода и комфорт (72 %), здоровье (64 %), карьера и материальное благополучие (62 %), семья и дети (54 %); в декабре: здоровье (78 %), карьера и материальное благополучие (63 %), общественное благополучие и мир (56 %), личная безопасность, свобода и комфорт, семья и дети (52 %). В связи с этим можно сделать вывод, что процесс обучения кардинально не изменил содержание ценностей респондентов, однако среди ответов появилась ценность общественного благополучия и мира, в то время как личная безопасность встала на второй план, что демонстрирует преобладание общественных ценностей над индивидуальными.

Интересно, что у студентов факультета управления и психологии и романо-германской филологии первую строку ценностей занимают также личная безопасность, свобода, комфорт (23 %) и здоровье (22 % и 20 %), в то время как на второй строке популярных ценностей расположились образо-

вание, познание и наука (20 %, 18 % и 16 %), что подтверждает приоритет индивидуальных ценностей, но в то же время демонстрирует стремление к удовлетворению социальных и духовных потребностей, в частности, развития науки.

Среди ключевых ценностей студентов факультета управления и психологии в сентябре были отмечены, с одной стороны, власть и достижение успеха и признания (16 %), с другой – духовное развитие: культура, искусство, религия (15 %), что отражало противоречия в системе ценностных ориентиров и жизненных представлений молодежи. Согласно результатам на декабрь 2023 года первые строки заняли ценности личной безопасности, свободы и комфорта (23 %), образования, познания и науки (19 %), общественного благополучия и мира (16 %), что демонстрирует формирование положительной динамики ценностных представлений и жизненных ориентиров в процессе освоения курса.

Стоит отметить присутствие общих и непоследовательных представлений о ключевых датах, событиях и периодах истории России: Великая Отечественная война, Первая мировая война, отмена крепостного права, крещение Руси, первый полет человека в космос, принятие Конституции РФ. Указаны деятельные политические фигуры: Екатерина II, В. И. Ленин, И. В. Сталин, В. В. Путин, Петр I, М. С. Горбачев.

Говоря о степени сформированности знаний о политическом устройстве РФ и основах Конституционного строя, следует констатировать наличие пробелов среди студентов всех факультетов. Среди неверных вариантов ответа студентами отмечались: унитарное государство, приоритет государственной формы собственности, конститу-

ционная монархия, авторитарный политический режим, что подчеркивает потребность в восполнении знаний о политическом устройстве России и форме государства.

Доминирующими политическими ценностями в сентябре стали безопасность (41 %), права человека (41 %), мир, свобода, законность, справедливость (38 %); в декабре: порядок, безопасность, права человека (37 %), мир, законность, справедливость (33 %). В связи с геополитической ситуацией и социокультурными, экономическими вызовами ценность безопасности и соблюдения прав человека являются обусловленными.

Приоритетными признаками гражданства своего государства студенты-политологи определяют более всего наличие гражданства (79 %), соблюдение закона и конституционных обязанностей (69 %), знание истории и культуры своего государства (41 %), а также социально-политическое участие (25 %). Ценность участия в общественной и политической жизни не является популярным ответом респондентов, занимая лишь четверть от общего числа ответов, однако все же отражает стремление к гражданской активности.

К предпочтительным формам общественно-политического участия студенты факультета управления и психологии относят: участие в выборах органов власти или местного самоуправления в качестве избирателя (43 %), в деятельности добровольческих организаций (29 %), в деятельности общественных организаций (22 %), что демонстрирует стремление к практической вовлеченности в дела общества и государства. К форматам социально-политической активности, в которых студенты уже успели принять участие, были отнесены: участие в онлайн-

акциях и флешмобах (53 %), участие в деятельности молодежных движений и организаций (40 %), а также в санкционированных митингах, демонстрациях и шествиях (23 %), что иллюстрирует влияние внедренной дисциплины на повышение стремления к реальному погружению в политические процессы.

Студенты художественно-графического факультета отметили необходимые характеристики гражданина РФ: соблюдение законов и Конституционных обязанностей, наличие гражданства (70 %), ощущение сопричастности к гражданам своего государства (35 %), знание истории и культуры своего государства (33 %), что демонстрирует как формальные параметры, так и осознание духовно-нравственных ориентиров. Студенты факультета романо-германской филологии в данном вопросе указали также необходимость защиты Отечества (53 %), помощь стране, региону и населенному пункту (41 %), разделение интересов государства (35 %) и любовь к Родине (35 %).

Среди вызовов и угроз, встающих перед лицом современной России, студентами экономического факультета и факультета управления и психологии были выделены следующие: угроза информационной безопасности (мошенничество, кибертерроризм, утечки информации и нежелательный контент) (51 % и 47 %), вопросы обороноспособности и охраны границ (46 % и 45 %), угроза ядерных, радиационных и технологических катастроф (52 % и 34 %), расширение НАТО на восток (33 % и 29 %), а также обострение межнациональных и межэтнических отношений (29 % и 33 %). Наименьшую опасность, по мнению респондентов, представляют внутренние вызовы – угроза социально-политических

конфликтов в РФ (27 % и 20 %), повышение конфликтного потенциала в зоне экономических интересов России (21 % и 19 %). Так, внешние угрозы представляют большую потенциальную опасность для респондентов; внутренние вызовы в меньшей степени отмечаются студентами, что может демонстрировать их уверенность в экономическом, социокультурном, политическом развитии государства, приобретенную в процессе получения знаний о внутренней политике РФ.

Также респонденты дают положительную оценку курсу, отмечая развитие уважения к историческому наследию государства (53 %), и 65 % обучающихся порекомендовали бы данный предмет для изучения.

Были выявлены предпочтительные форматы реализации курса, позволяющие совершенствовать методику его преподавания: групповые дискуссии (82 %), практические занятия (77 %), заслушивание лекционного материала (76 %), формат командной работы (60 %). Определено существование видимого запроса на практическое погружение в политическое знание и необходимость прямого участия в обсуждениях социально-политических явлений и процессов.

В результате оценки эффективности «Основы российской государственности» как инструмента политического образования и формирования когнитивных, аксиологических и инструментальных аспектов, можно сделать следующий вывод. Данные проведенного анкетного опроса отразили ситуацию, при которой не до конца сформированными и фрагментарными остаются знания о политическом устройстве РФ, Конституционных принципах и ключевых периодах истории России, однако наблюдается

положительная динамика увеличения этих знаний по окончании курса; отмечается стремление студентов к получению достоверной картины политических и исторических событий в ходе практических занятий, где ключевыми форматами усвоения знаний выступают групповые дискуссии, семинарские занятия и заслушивание лекционного материала. Подчеркивается позитивная роль практических интерактивных занятий в процессе усвоения политического знания, что позволяет говорить о результативности дисциплины в системе политического образования.

В области конструирования политических ценностей новая дисциплина выполняет важную функцию – формирование политического мировоззрения в контексте традиционных ценностей российского общества, упорядочивание и трансляцию приоритетных общественных и государственных задач и принципов. Выявлено, что по окончании курса большую долю составляют духовно-нравственные ценности, что свидетельствует о возможностях нового курса в системе создания прочной нравственной ценностной основы молодежи.

Проблемы становления системы политического образования

С целью выявления эффективных инструментов, практик и технологий политического образования был проведен экспертный опрос с представителями академического и преподавательского сообщества, работниками системы воспитательной работы. Экспертные оценки позволили сформулировать ключевые противоречия и барьеры, возникающие в системе организации и координации образовательных практик.

Большинство экспертов определили основную проблему – фрагментарный

и непоследовательный характер получения политических и исторических знаний, а также недостаточный уровень политической грамотности среди школьной молодежи: *«Мы наблюдаем отсутствие единой концепции политического образования в обществе. Один из вызовов – формирование этой системы на государственном уровне»* (эксперт, педагогическое сообщество), *«Единственные знания, которые по политологии получают учениками, находятся в курсе обществознания»* (эксперт, педагогическое сообщество), *«Система образования не была подготовлена к историко-политическим вызовам»* (эксперт, педагогическое сообщество). Отмечается недостаточная эффективность государственных институтов и кадрового состава в системе подготовки образовательной системы к нарастающим политическим вызовам.

Был сделан акцент на недостаточном уровне политического образования студентов СПО: *«когда они приходят на первый курс, у них отсутствует историко-политическое образование, они не могут связать прошлое с настоящим и будущим»* (эксперт, академическое сообщество), – преподаватель убежден в невысоком уровне политической грамотности начинающих студентов, пришедших по окончании школы.

Недостаточность политического образования отмечается экспертами и в системе высшего образования: *«есть недостаток в базовых знаниях и представлениях...а они сдавали обществознание»* (эксперт, академическое сообщество). Подчеркивается недостаточная эффективность дисциплины «обществознание» в системе формирования политической грамотности.

Интересно отметить, что часть экспертов акцентирует внимание на модернизации системы политического

образования и внедрении деятельностного компонента: *«Система образования в РФ отвечает требованиям времени в связи с началом реформы образования...с внедрением системно-деятельностного подхода, в рамках которого можно менять традиционную модель урока на интерактивную»* (эксперт, академическое сообщество); *«В вузе выше уровень подготовки мероприятий...в колледжах и техникумах предметы историко-политического толка преподаются в связи со стандартами»* (эксперт, академическое сообщество) – демонстрируется более высокий уровень практической подготовки в области политического образования на уровне вуза.

К значительным проблемам в процессе усвоения политических знаний эксперты относят противоречивую трансляцию политических знаний агентами социализации: *«Молодежь очень сильно оказывается под влиянием социальных сетей... мы как госслужащие, педагоги, не имеем права говорить ничего против современной российской действительности, и это идет вразрез с мышлением молодежи»* (эксперт, академическое сообщество), *«если в семье ведутся негативные беседы, а в школе наоборот, то у ребенка будет складываться неправильное впечатление»* (эксперт, система воспитательной работы в школе) – наблюдается разница между трансляцией политических ценностей институтами семьи, образования и СМИ, что формирует у школьника противоречивую картину политических событий.

Экспертами отмечено деструктивное влияние информационной среды, создающей поле для искажения исторической действительности, распространения оппозиции и пропаганды, нацеленной на нивелирование духов-

но-нравственных ценностей. *«Первый вызов – отношения отцов и детей, когда есть определенный разрыв в мировоззрении у поколений. Второй вызов – огромный поток информации... множество различных мнений и дискуссий»* (эксперт, система воспитательной работы в школе), *«большое количество оппозиционных взглядов, которые подрывают формирование нынешней молодежи; искажается понимание единства и формирования историко-политического образования в России»* (эксперт, педагогическое сообщество). Подчеркиваются проблемы «отцов и детей», что создает противоречивую картину политических событий, и негативное влияние оппозиционных взглядов на конструирование политических знаний.

Эксперты подчеркивают существующие методические барьеры, акцентируют внимание на проблеме компетентности кадрового состава и методических недостатках: *«Проблемы связаны с преподаванием, компетентностью учителей»* (эксперт, академическое сообщество), *«некоторые преподаватели используют устаревшие педагогические технологии»* (эксперт, академическое сообщество), *«История преподается по классическому сценарию, по учебникам, которые были написаны еще в нулевых»* (эксперт, педагогическое сообщество), *«есть заготовки для учителей, которые должны их просто транслировать, но не объяснять, что происходит в стране и в мире»* (эксперт, педагогическое сообщество); *«все зависит от педагога; изучают сухую теорию без практики»* (эксперт, академическое сообщество). Так, устаревшие педагогические технологии приводят к «слепой» трансляции ценностных основ и знаний, в то

время как у молодежи существует запрос на понимание смыслов.

Эксперты подчеркнули доминирующее значение исторического образования, когда политическое остается недостаточно проработанным: *«Внимание уделяется историческому образованию, но конкретно политическому – нет. Крен в сторону традиций, духовных ценностей»* (эксперт, академическое сообщество); *«История – это прошлое, политика – это настоящее. И все вместе оно дает очень правильный синергетический эффект»* (эксперт, академическое сообщество), – в ответах экспертов прослеживается крепкая связь между историческим и политическим знанием. Приоритет, по мнению экспертов, отдан историческому просвещению, в то время как политическое образование существует как отдельный элемент.

Эксперты дали рекомендации по повышению эффективности технологий политического образования: *«Нужно распространять институт наставничества молодых и более опытных преподавателей»* (эксперт, академическое сообщество); *«Переводить все в понятные форматы для студентов, собирать обратную связь... важно задействовать ресурсные субъекты»* – подчеркивается необходимость выстраивания коммуникации между молодежью и «ресурсными» субъектами публичной политики, а также развития института наставничества и обмена опытом.

Рекомендации по улучшению отечественной учебной литературы: *«Должен быть свой российский учебник политологии... описание реалий, которые характерны для политического дискурса России»* (эксперт, академическое сообщество); *«Формировать культурного человека с большой буквы»*

И политическое образование наряду с историей призвано формировать такого человека» (эксперт, академическое сообщество) – отмечается основная задача политических и социальных наук – формирование культурного человека и компетентного гражданина.

Интересно мнение экспертов о необходимости детального изучения потребностей и запросов современной молодежи разных возрастных категорий, а также поиска неформальных путей сближения с ней: *«нужно искать неформальные пути и создавать среду, учитывая запросы молодежи... эффективные методы – сетевые»* (эксперт, академическое сообщество). По мнению экспертов, необходимо реагировать на запрос молодежи в поиске смыслов и познании, избегая стандартизированную трансляцию политических смыслов.

Таким образом, в ходе экспертного опроса был выявлен ряд барьеров и противоречий в процессе политического образования:

- вопрос профессионализма кадров;
- слабая коммуникация с «ресурсными» субъектами публичной политики;
- недостаточный уровень политического знания по окончании школы; недоверие к органам власти и абсентеизм;
- устаревшие педагогические технологии;
- реализация политического образования в заданном идеологическом векторе, что ограничивает возможность критического мышления и формирования собственной картины политических событий в молодежной среде.

Выстраивание целостной, непротиворечивой системы политического образования должно содержать своевременную реакцию институциональных групп и педагогического, академического состава на возникающие в моло-

дежной среде запросы, в том числе существующий запрос на «понимание смыслов» в политической сфере.

Выводы

Таким образом, определено, что институциональная основа политического образования в современной России имеет многопрофильную структуру, состоящую из множества субъектов: государство, общественно-политические организации, образовательные учреждения, НКО и иные акторы, реализующие образовательные стратегии. Анализ нормативных актов отразил высокую степень разработанности правовой координации технологий и инструментов политического образования, в частности, в новых субъектах, проходящих процесс активной интеграции в образовательное и социокультурное пространство России.

На основе результатов проведенного анкетного опроса сформулирована положительная оценка курса «Основы российской государственности» в системе формирования политических знаний и ценностных представлений молодежи. Проанализированы и отмечены политические и духовно-нравственные ценности, преобладающие в сознании студентов по окончании освоения курса: права и свободы человека, мир, личная и общественная безопасность, свобода и комфорт, семья, необходимость сохранения исторической памяти и единства народов России; большую долю составляют духовно-нравственные ценности и приоритеты. В качестве вызовов и угроз студенты определяют внешние геополитические и информационные, в то время как внутренние социально-экономические и политические барьеры беспокоят их меньше, что демонстрирует уверенность в проводимой государственной политике.

Следует отметить наличие явных когнитивных лакун: фрагментарные знания об основах Конституционного строя РФ, что требует детальной проработки. Отмечается стремление респондентов к участию в общественно-политической жизни, в частности, в роли избирателя и члена молодежных организаций и движений, что подчеркивает позитивную тенденцию к укреплению активистской политической культуры и компетенций молодых граждан. При этом подчеркивается позитивная роль дисциплины в формировании политического образования, поскольку на этапе завершения курса динамика знаний о политической системе прогрессирует.

На основе результатов экспертного опроса можно систематизировать ключевые барьеры и проблемы в системе

основного общего, среднего профессионального и высшего образования: институциональные, когнитивно-ценностные, методические, кадровые.

Выстраивание целостной системы политического образования должно содержать своевременную реакцию институциональных групп и педагогического, академического состава на возникающие в молодежной среде запросы, в том числе существующий запрос на «понимание смыслов» и желание конструктивного включения в политическую жизнь. Устранение отмеченных недостатков требует поиска совместных форматов сближения среди акторов, направляющих политическое образование, с целью повышения эффективности образовательных практик и координации политического просвещения молодежи.

Библиографический список

1. Абрамов А. В. Проблемы политологического образования в современной России. Попытка количественного исследования / А. В. Абрамов, А. П. Воробьев // Научно-аналитический журнал *Обозреватель – Observer*. 2021. № 7. С. 96–110.
2. Албеков Х. Н. Проблемы развития системы среднего профессионального образования в России / Х. Н. Албеков, Л. Х. Джабраилова, Т. А. Мордасова // *Журнал прикладных исследований*. 2021. № 6-10. С. 966–973.
3. Асеева Т. А. Роль государства в политической социализации граждан современной России // *Известия Алтайского государственного университета*. 2015. № 2. С. 215–220.
4. Вострякова Ю. В. Рефлексия над опытом работы по курсу «Основы российской государственности» // *Наука, образование, транспорт: актуальные вопросы, приоритеты, векторы взаимодействия* : материалы II научно-методической конференции. Оренбург : Самарский государственный университет путей сообщения, 2023. С. 149–153.
5. Галиева Е. Б. Значимость преподавания нового курса «Основы российской государственности» в вузах // *Материалы Ивановских чтений*. 2024. № 1 (44). С. 28–30.
6. Горина А. В. Новый курс «Основы российской государственности»: взгляд изнутри // *Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности* : материалы VIII Международной научной конференции. Донецк : Донецкий государственный университет, 2023. С. 252–254.
7. Григорьев Д. В. Политика идентичности и уклад школы // *Народное образование*. 2016. № 2-3. С. 149–164.

8. Гукова И. Н. Состояние политического образования в современной России: проблемы и пути их решения / И. Н. Гукова, Ж. В. Бойко, Л. С. Половнева // *Via in tempore. История. Политология*. 2021. Т. 48, № 1. С. 238–248.
9. Зазнаев О. И. Современная дискуссия о лучшей форме правления // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2013. Т. 155, № 1. С. 199–205.
10. Иванова Е. А. Эмпирический опыт по формированию российской гражданской идентичности у школьников / Е. А. Иванова, М. С. Жилинская // *Управление образованием*. 2022. Т. 12, № 5. С. 18–28.
11. Мирошниченко И. В. Сетевые инновации в многоуровневом публичном управлении: содержание и оценка потенциала их внедрения / И. В. Мирошниченко, Н. А. Рябченко // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2016. Т.11, № 6. С. 104–116.
12. Панов П. В. Институты и институциональные практики: проблема концептуализации // *Вестник Пермского университета*. 2010. № 4. С. 34–47.
13. Патрушев С. В. Формирование гражданской ответственности в России: институциональный контекст / С. В. Патрушев, А. М. Кучинов, О. А. Мирясова, И. Л. Немяк, Т. В. Павлова, Л. Е. Филиппова // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. Т. 8, № 1. С. 27–47.
14. Письмо Министерства Просвещения № 03-871 «Об организации занятий «Разговоры о важном». URL: <https://base.garant.ru/405015629/> (дата обращения: 22.03.2023).
15. Письмо Министерства просвещения № СК-295/06 «Об использовании государственных символов Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_417345/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/ (дата обращения: 22.03.2023).
16. Сальников В. И. О необходимости преподавания «Основ российской государственности» в вузах новых регионов РФ (на примере ХГПУ) // *Образование в новых регионах Российской Федерации: реалии и перспективы : материалы первой региональной научно-практической конференции*. Симферополь : Издательство типография «Ариал», 2024. С. 244–247.
17. Самаркина И. В. Политическая ресоциализация: актуальный контекст исследования // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2006. №4. С. 139–147.
18. Селезнева А. В. Гражданственность старшеклассников как политико-психологический феномен: концептуальный анализ // *Гражданственность российских старшеклассников: взгляд молодых ученых : сборник научных статей под ред. А. В. Селезневой*. Москва : Аквилон, 2020. С. 13–27.
19. Силантьева В. А. Вузовское образование в системе политической социализации / В. А. Силантьева, Н. В. Гамидова // *Научный вестник Южного института менеджмента*. 2015. №1. С. 99–101.
20. Соловьев А. И. Системные последствия и эффекты сетевого правления // *Власть и элиты*. 2020. Т. 7, № 2. С. 153–175.
21. Федоренко К. А. Государственная молодежная политика по формированию гражданской ответственности российских школьников : монография / под ред. К. А. Федоренко. Краснодар : Перспективы образования, 2023. 200 с.

22. ФЗ №273 «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 12.03.2023).

23. ФЗ №19 «Об особенностях правового регулирования отношений в сфере образования и науки связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302170006> (дата обращения: 05.02.2024).

24. Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2005. № 4. С. 48–69.

25. Штракс М. Г. Традиционные и новые методы преподавания (по опыту введения дисциплины «Основы российской государственности») / М. Г. Штракс, Е. А. Шилдкамп. URL: Традиционные и новые методы преподавания (по опыту введения дисциплины «Основы российской государственности») | Штракс | Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. = *Avtomobil'. Doroga. Infrastruktura.* (adi-madi.ru) (дата обращения: 05.02.2024).

26. Щербинин А. И. Политология в поисках гражданина // Полис. Политические исследования. 1992. №5-6. С. 190–193.

27. Bitschnau M., Mußotter M. (National) pride and (conceptual) prejudice: critical remarks on the distinction between patriotism and nationalism // *Journal of Political Ideologies*. 2024. №1. P. 64–78.

28. Gibbs B. My people wouldn't stand for this: ethnic studies as critical civic education // *The Journal of social studies research*. 2023. № 3-4. P. 184–196.

29. Ostrom E. *Understanding institutional diversity*. Princeton paperbacks: Political science, Princeton university press, 2005.

30. Sander W. Introduction: Political / civic education in schools. *Didactics of political / civic education as a science*, – Bundeszentrale für politische Bildung / Federal Agency for civic education, 2004. P. 23.

Reference list

1. Abramov A. V. Problemy politologicheskogo obrazovaniya v sovremennoj Rossii. Popytka kolichestvennogo issledovaniya = Problems of political science education in modern Russia. Quantitative study attempt / A. V. Abramov, A. P. Vorob'ev // *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' – Observer*. 2021. № 7. S. 96–110.

2. Albekov H. N. Problemy razvitija sistemy srednego professional'nogo obrazovaniya v Rossii = Problems of developing the secondary vocational education system in Russia / H. N. Albekov, L. H. Dzhabrailova, T. A. Mordasova // *Zhurnal prikladnyh issledovanij*. 2021. № 6-10. S. 966–973.

3. Aseeva T. A. Rol' gosudarstva v politicheskoy socializacii grazhdan sovremennoj Rossii = The role of the state in the political socialization of citizens in modern Russia // *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. № 2. S. 215–220.

4. Vostrjakova Ju. V. Refleksija nad opytom raboty po kursu «Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti» = Reflection on the experience of the course “Fundamentals of Russian Statehood” // Nauka, obrazovanie, transport: aktual'nye voprosy, priority, vektory vzaimodejstvija : materialy II nauchno-metodicheskoj konferencii. Orenburg : Samarskij gosudarstvennyj universitet putej soobshhenija, 2023. S. 149–153.
5. Galieva E. B. Znachimost' prepodavaniya novogo kursa «Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti» v vuzah = The importance of teaching a new course “Fundamentals of Russian statehood” in universities // Materialy Ivanovskih chtenij. 2024. № 1 (44). S. 28–30.
6. Gorina A. V. Novyj kurs «Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti»: vzgljad iznutri = New course “Fundamentals of Russian statehood”: an inside look // Doneckie chtenija 2023: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti : materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Doneck : Doneckij gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 252–254.
7. Grigor'ev D. V. Politika identichnosti i ukklad shkoly = Identity politics and the way of school // Narodnoe obrazovanie. 2016. № 2-3. S. 149–164.
8. Gukova I. N. Sostojanie politicheskogo obrazovanija v sovremennoj Rossii: problemy i puti ih reshenija = The state of political education in modern Russia: problems and ways to solve them / I. N. Gukova, Zh. V. Bojko, L. S. Polovneva // Via in tempore. Istorija. Politologija. 2021. T. 48, № 1. S. 238–248.
9. Zaznaev O. I. Sovremennaja diskussija o luchshej forme pravlenija = Modern discussion about the best form of government // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2013. T. 155, № 1. S. 199–205.
10. Ivanova E. A. Jempiricheskij opyt po formirovaniju rossijskoj grazhdanskoj identichnosti u shkol'nikov = Empirical experience in the formation of Russian civic identity among schoolchildren / E. A. Ivanova, M. S. Zhilinskaja // Upravlenie obrazovaniem. 2022. T. 12, № 5. S. 18–28.
11. Miroshnichenko I. V. Setevye innovacii v mnogourovnevnom publicnom upravlenii: sodержanie i ocenka potencij ih vnedrenija = Network innovations in multilevel public management: content and assessment of their implementation potential / I. V. Miroshnichenko, N. A. Rjabchenko // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. 2016. T. 11, № 6. S. 104–116.
12. Panov P. V. Instituty i institucional'nye praktiki: problema konceptualizacii = Institutions and institutional practices: the challenge of conceptualization // Vestnik Permskogo universiteta. 2010. № 4. S. 34–47.
13. Patrushev S. V. Formirovanie grazhdanskoj otvetstvennosti v Rossii: institucional'nyj kontekst = Formation of civil responsibility in Russia: institutional context / S. V. Patrushev, A. M. Kuchinov, O. A. Mirjasova, I. L. Nedjak, T. V. Pavlova, L. E. Filippova // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2020. T. 8, № 1. S. 27–47.
14. Pis'mo Ministerstva Prosveshhenija № 03-871 «Ob organizacii zanjatij «Razgovory o vazhnom» = Letter of the Ministry of Education No. 03-871 “On the organization of classes” Talk about the important”. URL: <https://base.garant.ru/405015629/> (data obrashhenija: 22.03.2023).
15. Pis'mo Ministerstva prosveshhenija № SK-295/06 «Ob ispol'zovanii gosudarstvennyh simbolov Rossijskoj Federacii» = Letter of the Ministry of Education No. SK-295/06 “On the use of state symbols of the Russian Federation”. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_417345/96c60c11ee5b73882df84a7de3c4fb18f1a01961/ (data obrashhenija: 22.03.2023).

16. Sal'nikov V. I. O neobходимosti prepodavaniya «Osnov rossijskoj gosudarstvennosti» v vuzah novyh regionov RF (na primere HGPU) = On the need to teach “Fundamentals of Russian statehood” in universities of new regions of the Russian Federation (on the example of KSPU) // *Образование в новых регионах Российской Федерации: реалии и перспективы : материалы первой региональной научно-практической конференции. Симферополь* : Izdatel'stvo tipografija «Arial», 2024. S. 244–247.

17. Samarkina I. V. Politicheskaja resocializacija: aktual'nyj kontekst issledovanija = Political resocialization: current research context // *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk*. 2006. №4. S. 139–147.

18. Selezneva A. V. Grazhdanstvennost' starsheklassnikov kak politiko-psihologicheskij fenomen: konceptual'nyj analiz = Citizenship of high school students as a political and psychological phenomenon: conceptual analysis // *Grazhdanstvennost' rossijskih starsheklassnikov: vzgljad molodyh uchenyh : sbornik nauchnyh statej pod red. A. V. Seleznevoj*. Moskva : Akvilon, 2020. S. 13–27.

19. Silant'eva V. A. Vuzovskoe obrazovanie v sisteme politicheskoy socializacii = University education in the political socialization system / V. A. Silant'eva, N. V. Gamidova // *Nauchnyj vestnik Juzhnogo instituta menedzhmenta*. 2015. №1. S. 99–101.

20. Solov'ev A. I. Sistemnye posledstvija i jeffekty setevogo pravlenija = Systemic consequences and effects of network rule // *Vlast' i jelity*. 2020. T. 7, № 2. S. 153–175.

21. Fedorenko K. A. Gosudarstvennaja molodezhnaja politika po formirovaniju grazhdanstvennosti rossijskih shkol'nikov = State youth policy for the formation of Russian schoolchildren citizenship: monografija / pod red. K. A. Fedorenko. Krasnodar : Perspektivy obrazovanija, 2023. 200 s.

22. FZ №273 «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» = Federal Law No. 273 “On Education in the Russian Federation”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (data obrashhenija: 12.03.2023).

23. FZ №19 «Ob osobennostjah pravovogo regulirovanija otnoshenij v sfere obrazovanija i nauki svjazi s prinjatiem v Rossijskuju Federaciju Doneckoj Narodnoj Respubliki, Luganskoj Narodnoj respubliki, Zaporozhskoj oblasti, Hersonskoj oblasti i obrazovaniem v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub#ektov – Doneckoj Narodnoj Respubliki, Luganskoj Narodnoj respubliki, Zaporozhskoj oblasti, Hersonskoj oblasti i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» = Federal Law No. 19 “On the peculiarities of legal regulation of relations in the field of education and science in connection with the adoption of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhzhya Region, Kherson Region and the formation of new subjects within the Russian Federation – Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhzhya Region, Kherson Region and on amending certain legislative acts of the Russian Federation”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302170006> (data obrashhenija: 05.02.2024).

24. Shestopal E. B. Politicheskaja socializacija i resocializacija v sovremennoj Rossii = Political socialization and resocialization in modern Russia // Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki «Politija. Analiz. Hronika. Prognoz». 2005. № 4. S. 48–69.

25. Shtraks M. G. Tradicionnye i novye metody prepodavaniya (po opyту vvedeniya discipliny «Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti») = Traditional and new teaching methods (based on the experience of introducing the discipline “Fundamentals of Russian Statehood”) / M. G. Shtraks, E. A. Shildkamp. URL: Tradicionnye i novye metody prepodavaniya (po opyту vvedeniya discipliny «Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti») | Shtraks | Avtomobil'. Doroga. Infrastruktura. = Avtomobil'. Doroga. Infrastruktura. (adi-madi.ru) (data obrashhenija: 05.02.2024).

26. Shherbinin A. I. Politologija v poiskah grazhdanina = Political science in search of a citizen // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1992. №5-6. S. 190–193.

27. Bitschnau M., Mußotter M. (National) pride and (conceptual) prejudice: critical remarks on the distinction between patriotism and nationalism // Journal of Political Ideologies. 2024. №1. R. 64–78.

28. Gibbs B. My people wouldn't stand for this: ethnic studies as critical civic education // The Journal of social studies research. 2023. № 3-4. P. 184-196.

29. Ostrom E. Understanding institutional diversity. Princeton paperbacks: Political science, Princeton university press, 2005.

30. Sander W. Introduction: Political / civic education in schools. Didactics of political / civic education as a science, – Bundeszentrale für politische Bildung / Federal Agency for civic education, 2004. P. 23.

Статья поступила в редакцию 26.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 26.09.2024; approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 004 ; 327
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-4-25-58
EDN: TVEBYH

**Кибербезопасность в Евразийском регионе
в контексте противостояния Запад-Восток**

Чжан Цзэмин

Аспирант факультета международных отношений, Школа социальных наук, Университет Цинхуа, КНР, г. Пекин
zzm22@mails.tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

Аннотация. После начала полномасштабного политического кризиса в отношениях Запада и Востока ситуация с кибербезопасностью в Евразийском регионе стала критической. Международные конфликты привели к снижению уровня кибербезопасности, частым атакам на критически важную цифровую инфраструктуру и распространению их на соседние страны. Страны с высоким уровнем развития интернета сталкиваются с такими проблемами, как уязвимость сетей, слабые пароли и раскрытие конфиденциальной информации, в то время как страны с более низким уровнем развития сталкиваются с частыми инцидентами безопасности из-за недостаточных инвестиций. Страны Евразийского региона предпринимают различные меры для повышения уровня кибербезопасности, но в краткосрочной перспективе ситуация не внушает благоприятного исхода. В долгосрочной перспективе, в ответ на различные проблемы кибербезопасности, страны Евразийского региона выбрали различные меры по повышению уровня кибербезопасности с учетом собственных реалий, но в краткосрочной перспективе ситуация с кибербезопасностью в Евразийском регионе все еще не оптимистична. Китай и Россия могут усилить сотрудничество в области информационной безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества, чтобы повысить уровень кибербезопасности в соседних регионах.

Противостояние Запад-Восток будет продолжать оказывать устойчивое влияние на киберситуацию в Евразийском регионе: кибератаки станут неотъемлемой частью военных операций, кибершпионаж и инциденты в сфере кибербезопасности не прекратятся, а ситуация с кибербезопасностью останется очень серьезной. В то же время с развитием технологий искусственного интеллекта постепенно возникают новые проблемы регулирования и риски безопасности, что ставит новые задачи перед некоторыми странами Евразийского региона, которые относительно отстали в развитии цифровой инфраструктуры.

Ключевые слова: интернет; кибербезопасность; Евразия; геополитика; перетекание рисков; Шанхайской организации сотрудничества; шпионаж

Для цитирования: Чжан Цзэмин Кибербезопасность в Евразийском регионе в контексте противостояния Запад-Восток // Социально-политические исследования. 2024. № 4 (25). С. 58-71. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-58>. <https://elibrary.ru/TVEBYH>.

Original article

Cybersecurity in the Eurasian region in the context of the West-East confrontation

Zhang Zeming

Graduate student at international relations, School of social sciences, Tsinghua university, PRC, Beijing
zzm22@mails.tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

Abstract. After starting a full-scale political crisis in relations between the West and the East, the situation with cybersecurity in the Eurasian region has become critical. International conflicts have led to a decline in cybersecurity, frequent attacks on critical digital infrastructure and their spread to neighboring countries. Countries with high levels of Internet development face challenges such as network vulnerability, weak passwords and disclosure of confidential information, while countries with lower levels of development face frequent security incidents due to insufficient investment. The Eurasian region countries are taking various measures to increase the level of cybersecurity, but in the short term the situation is not optimistic. In the long term, in response to various cybersecurity problems, the countries of the Eurasian region have chosen various measures to increase the level of cybersecurity, taking into account their own realities, but in the short term, the situation with cybersecurity in the Eurasian region is still not optimistic. China and Russia can strengthen information security cooperation under the Shanghai Cooperation Organization in order to increase the level of cybersecurity in neighboring regions.

The West-East confrontation will continue to have a sustainable impact on the cyber situation in the Eurasian region: cyber attacks will be an integral part of military operations, cyber espionage and cybersecurity incidents will not stop, and the cybersecurity situation will remain very serious. At the same time, with the development of artificial intelligence technologies, new regulatory problems and security risks are gradually emerging, which poses new challenges for some countries in the Eurasian region, which are relatively behind in the development of digital infrastructure.

Key words: internet; cybersecurity; Eurasia; geopolitics; risk overflow; Shanghai cooperation organization; espionage

For citation: Zhang Zeming Cybersecurity in the Eurasian region in the context of the West-East confrontation. *Social and political researches*. 2024;4(25): 58-71. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-58>. <https://elibrary.ru/TVEBYH>.

Введение

С быстрым развитием интернета и других цифровых технологий внима-

ние международного сообщества к международному ландшафту кибербезопасности продолжает увеличи-

ваться. В последние годы процесс выработки глобальных правил кибербезопасности столкнулся с проблемами, и хотя некоторые страны достигли официальных соглашений по кибербезопасности на двустороннем и многостороннем уровнях, таких как международные договоры и заявления правительств с определенной степенью обязательной силы, в условиях обострения стратегической конкуренции между крупными державами дипломатическая игра вокруг международных правил кибербезопасности на международной арене усилилась, а формирование не обязательных норм также сталкивается с неудачами. В результате пессимистичный взгляд на формирование международных правил в области кибербезопасности сохраняется и по сей день, а перспективы формирования глобального консенсуса остаются под вопросом. Кибербезопасность – это сложный вопрос, который включает в себя не только технологические разработки, но и множество политических аспектов [Безкорвайный, 2014; Бородакий, 2014; Зубарев, 2016; Кузнецов, 2013; Лебедь, 2017]. Хотя цифровое пространство сблизило взаимосвязанных пользователей, оно также характеризуется специфическими политическими геомаркировками в международном политическом ландшафте. Ситуация с кибербезопасностью в Евразийском регионе стала очень серьезной после начала противостояния Запад-Восток, а региональные международные конфликты привели к частым атакам на критически важные цифровые инфраструктуры.

**Кибербезопасность:
определение и классификация**

Кибербезопасность – это основная тема в данной статье, и поэтому необ-

ходимо уточнить ее определение и категоризацию. «Кибербезопасность – это понятие с широким спектром коннотаций, которое постоянно развивается в соответствии с реальной политикой киберпространства» [Лу Чуаньин, 2022, с. 113]. В настоящее время различные международные организации и национальные правительства дали свои собственные определения кибербезопасности, которые могут отличаться друг от друга по специфическим оттенкам, но довольно близки по общим параметрам. Термин «кибербезопасность» иногда используется взаимозаменяемо с такими понятиями, как «безопасность интернета (internet security)» и «информационная безопасность (information security)», а выбор и использование этих терминов в некоторых странах вызывает споры из-за различий в концепциях управления кибербезопасностью. Однако кибербезопасность является наиболее часто используемым понятием в современном международном управлении киберпространством, поэтому в данной статье используется именно эта общепринятая терминология для обозначения объективной тематической области исследования, без привлечения дебатов о коннотации кибербезопасности и предпочтительном выборе концепций управления.

Международный союз электросвязи (International Telecommunication Union) определяет кибербезопасность как «совокупность инструментов, политик, концепций безопасности, гарантий безопасности, рекомендаций, методик управления рисками, действий, обучения, передового опыта, гарантий и технологий, которые могут быть использованы для защиты сетевой среды, а также активов организаций и пользователей», при этом общие цели сетевых

систем и сред включают в себя «доступность, целостность и конфиденциальность» [ITU, 2024]. Закон о кибербезопасности в Китайской Народной Республике определяет кибербезопасность как «... способность поддерживать сеть в состоянии стабильной и надежной работы и обеспечивать целостность, конфиденциальность и доступность сетевых данных путем принятия необходимых мер для предотвращения атак, вторжения, вмешательства, разрушения и незаконного использования сети, а также аварий» [ВСНП, 2016]. Правительство США определяет кибербезопасность как «искусство защиты сетей, устройств и данных от несанкционированного доступа или преступного использования, а также практика обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности информации» [CISA, 2020]. В «Концепции стратегии кибербезопасности Российской Федерации» подчеркивается, что кибербезопасность – это «совокупность условий, при которых все составляющие киберпространства защищены от максимально возможного числа угроз и воздействий с нежелательными последствиями» [Концепция стратегии ...].

Как видно, хотя члены международного сообщества не пришли к единому мнению относительно определения кибербезопасности, эти определения имеют ряд общих черт в отношении параметров объектов безопасности (сети и связанное с ними оборудование, данные) и целей безопасности (целостность, конфиденциальность и доступность), и в данной работе понимание концепции кибербезопасности будет основано на этих консенсусных элементах, и в основном будет следо-

вать официальному определению правительства Китая.

Для того, чтобы прояснить конкретное содержание тематической области кибербезопасности, необходимо обратиться к классификации подтем кибербезопасности – это является предметом обсуждения в данной работе. Классификация конкретных направлений кибербезопасности может быть основана на *трех критериях*: *во-первых*, тип угрожающего поведения, включая кражу данных, вмешательство в данные, кражу личных данных, сетевой саботаж и атаки типа «отказ в обслуживании» с различной степенью угрозы для сетевой системы; *во-вторых*, тип субъектов угрозы, которые могут включать преступников, хакеров, террористов, правительственные оборонные и военные ведомства; и *в-третьих*, тип угрожающих целей, охватывающий широкий спектр потенциальных целей – от частных лиц, предприятий и общественных организаций до критической инфраструктуры и военных объектов. [Кулбария, 2019].

В зависимости от выбора вышеуказанных критериев и их конкретных значений, существуют различные способы категоризации направлений кибербезопасности. Для того, чтобы сделать эту категоризацию как можно более краткой и соответствующей реалиям дипломатических процессов, в данной работе используется категоризация вопросов, касающихся угроз кибербезопасности на уровне национальной безопасности, предложенная Джозефом Наем [NYE J S., 2011]. Эта классификация основана на *двух основных критериях*: является ли источник угрозы правительственным актором или нет, и является ли цель инициации угрозы политической или нет (табли-

цу 1). Исходя из этих двух критериев можно выделить *четыре основные* направления кибербезопасности.

Таблица 1.

Классификация направлений кибербезопасности на национальном уровне

Источник \ Цель	Правительственные субъекты	Неправительственные субъекты
Политические цели	Кибервойна/контроль над кибервооружениями	Кибер-терроризм
Неполитические цели	Кибер-экономический шпионаж	Киберпреступность

Источник таблицы: авторский

Первое – это киберпреступность, инициированная неправительственными субъектами с неполитическими целями, которая обычно относится к преступлениям, совершаемым через интернет и компьютерные системы. Эта киберпреступная деятельность включает в себя как действия, инициированные отдельными хакерами с целью взлома или нарушения безопасности программы, системы или сети, так и организованную преступную деятельность на интернет-платформах с помощью компьютерных технологий. Хотя в юридической практике разных стран некоторые кибератаки, инициированные правительственными субъектами, или кибердеятельность, инициированная террористами, определяются как широкая киберпреступность, темы киберпреступлений, обсуждаемые в данной статье, будут следовать этому узкому определению направлений киберпреступлений и, в основном, относиться к неполитическим угрозам кибербезопасности, инициированным неправительственными субъектами.

Второе направление – это кибертерроризм, инициированный неправительственными субъектами с политическими целями, включая террористические атаки на компьютерные и сете-

вые системы, оборудование и данные, инициированные террористами и организациями, а также использование компьютеров и сетей в качестве инструментов для террористической деятельности, такой как нагнетание страха с помощью насилия и разрушение общественных объектов для достижения своих политических целей.

Третье направление – это киберэкономический шпионаж, или киберкоммерческое воровство, инициированное государственными субъектами с неполитическими целями. Появление этой угрозы обусловлено, главным образом, огромной экономической выгодой от использования в киберпространстве коммерчески конфиденциальной информации, например, прав на интеллектуальную собственность. Тема так называемого киберэкономического шпионажа, которую продвигают западные страны, такие как США, и которая привлекает все больше внимания, делает больший акцент на использовании киберпространства правительственными субъектами для получения коммерчески конфиденциальной информации от предприятий в другой стране. Интересно, что поскольку политический шпионаж прямо не запрещен международным правом, инициированный правительством киберполи-

тический шпионаж не стал официальной повесткой дня международного управления кибербезопасностью из-за стратегии «дихотомии» США в отношении кибершпионажа.

Четвертое направление – кибервойны, инициированные правительственными субъектами с политическими целями. Поскольку международное сообщество еще не пришло к единому мнению о том, какая интенсивность или последствия военного киберповедения могут рассматриваться как кибервойна, в данной статье мы придерживаемся простой классификации, основанной на типе действующих лиц и целей, и включаем в широкую категорию кибервойны как политические, так и военные кибератаки, инициированные правительственными субъектами. Это направление также можно рассматривать как вопрос контроля над кибервооружениями с точки зрения реагирования национальных правительств на эти виды угроз кибербезопасности и контроля над ними.

Конечно, эта классификация, состоящая из четырех направлений, не идеальна, и в реальном мире страны могут по-разному оценивать актуальность конкретного инцидента в сфере кибербезопасности, актуальность угрозы кибербезопасности может меняться, а некоторые угрозы кибербезопасности могут быть межтематическими по своей природе. Например, некоторые виды вредоносной кибердеятельности, не ограничивающиеся экономическими целями, также были включены в сферу киберпреступности на уровне внутреннего законодательства; среди правительств ведутся споры о том, достаточно ли высказываний в интернете для того, чтобы считать их киберпреступлением; вредоносная кибердеятельность кибертеррористов часто может

быть вовлечена в киберпреступность на уровне внутреннего законодательства. Например, администрация Обамы в США предприняла ответ на действия Исламского государства, террористической организации, в сферу так называемого права на киберпреступность, а также право на киберсамооборону и объявила против него «кибервойну» [CBS News, 2016]. Однако в целом этот метод классификации позволяет выделить и обобщить различные темы разного характера в области кибербезопасности, сформировать международные правила в различных областях кибербезопасности, основываясь на текущих попытках международных сообществ.

В то же время, чтобы сделать содержание исследования более целенаправленным, проблемы и события в области кибербезопасности в данной работе будут в основном сосредоточены на вышеуказанных четырех направлениях. В обсуждение данной работы не включены некоторые вопросы, относящиеся к сфере безопасности в широком смысле, но выделены отдельные проблемы на уровне политики и практики (например, безопасность данных) или находящиеся на стадии зарождения (например, безопасность ИИ).

Распространение геополитических рисков в киберпространстве

В 1904 году британский географ Хэлфорд Макиндер (1861–1947 гг.) представил Королевскому географическому обществу в Лондоне доклад под названием «Географический стержень истории». Он утверждал, что Россия и большая часть Центральной Азии, «стержень» или «сердцевина» Евразии, являются ключом к мировому балансу сил, и что страна, которая будет контролировать их, сможет доминировать над Евразией и всем миром. Более века

спустя очевидно, что тема геополитики вызывает споры среди ученых всех мастей. «Сегодня глобальное управление ослабевает, центр власти смещается от традиционных государств к негосударственным акторам, что увеличивает вероятность политических кризисов» [Balli, 2022, с. 464]. Враждебность негосударственных субъектов по отношению к правительствам в некоторых случаях дестабилизировала общий геополитический ландшафт стран, тем самым повышая индекс глобальной эффективности правительств. Это было очевидно на протяжении всей войны в Афганистане, когда власть в значительной степени перешла от афганского правительства к Талибану. Беспрецедентный рост национальных чувств во всем мире за последнее десятилетие, особенно в США и Индии, и усиление ультрационализма представляют собой серьезную угрозу для глобального геополитического ландшафта. Для отдельных стран эта экстремистская идеология является потенциальным источником внутренних и внешних угроз, что в случае с Индией не только привело к внутреннему индуистко-мусульманскому расколу, но и усилило враждебность в индо-пакистанских отношениях. В то же время ограничения международного сообщества на распространение оружия массового уничтожения не привели к желаемым результатам, особенно в отношении ядерной программы Ирана и Северной Кореи, что еще больше усиливает потенциал геополитической напряженности между этими странами и крупными экономическими державами.

Дэвид Л. Хафф и Джеймс М. Лутц исследовали геопространственные формы передачи и распространения конфликта, утверждая, что процесс

распространения конфликтов скорее заразен, чем иерархичен, и что исследования того времени просто предполагали наличие определенной корреляции между размером города и временем возникновения конфликта, и что культурные каналы коммуникации могут быть фактором, ограничивающим степень иерархического воздействия, но не уточняли механизм передачи конфликта [David L. Huff, 1974]. Исследования С. Хилла и Д. Ротчайлда позволили уточнить, что вхождение во внешнеполитический конфликт зависит от недавней истории внутренних гражданских конфликтов, и что степень участия во внешнеполитическом конфликте возрастает, если общество поляризовано между небольшим количеством конкурирующих групп [Hill, 1986]. Исследования Х. Бухауга и К. С. Гледича показали, что вооруженные конфликты действительно оказывают влияние на соседние страны. [Buhaug, 2008]. Таких же выводов придерживается Алекс Брейтуэйт, который утверждает, что заражение соседским конфликтом становится риском с уменьшающейся вероятностью для более развитых государств. Эта условная гипотеза подтверждается моделью заражения гражданской войной, которая предполагает, что возможности государства изменяют вероятность того, что государство имеет риск заражения от гражданской войны, происходящей в соседней стране [Braithwaite, 2010]. С. Б. Бломберг и Б. П. Розендорф использовали гравитационную модель для изучения влияния глобализации и демократизации на транснациональный терроризм и внешние конфликты, рассматривая мотивы террористических организаций и то, как демократия и глобальная интеграция влияют на негосударственные

экономические субъекты, и обнаружили, что демократия, граждане с более высоким уровнем дохода и открытые общества значительно снижают уровень конфликтов [Blomberg, 2006].

В контексте стремительного развития информационных технологий данная статья предполагает, что безопасность киберпространства и его уникальная структура превратились в новый тип распространения геополитических рисков.

Кибератаки часто происходят в результате международных конфликтов и распространяются на соседние страны

Международные конфликты в цифровую эпоху часто приводят к кибервойнам, которые, хотя и играют в основном лишь вспомогательную роль, представляют серьезную угрозу информационной безопасности соответствующих стран и распространяются на соседние государства.

По данным платформы «Кибератаки во время конфликтов» Института кибернетического мира (Cyber Peace Institute), некоммерческой организации, расположенной в Женеве, Швейцария, по состоянию на ноябрь 2023 г., с момента начала напряженной фазы противостояния Запад-Восток на территории Украины было совершено в общей сложности 3 069 кибератак, из которых 923 кибератаки произошли в России и Украине, причем 23 различные критически важные цифровые инфраструктуры подверглись прямому воздействию. Кибератаки все чаще проводятся параллельно с военными операциями, их основная цель – внедрить вредоносное программное обеспечение для удаления данных в критически важные цифровые инфраструктуры с целью уничтожения зашифро-

ванных данных и парализовать работу сетевых систем.

В начале 2023 г. Николай Мурашов, заместитель руководителя Национального координационного центра по киберинцидентам Федеральной службы безопасности (ФСБ) России, заявил, что количество кибератак на российскую инфраструктуру значительно возросло после начала Специальной военной операции. Необходимость российского энергетического сектора оставаться на связи с внешним миром сделала его сети главной мишенью для кибератак иностранных хакерских групп. Согласно информации, опубликованной цифровым СМИ Cybernews в ноябре 2023 года, кибер-армия взломала «Газпром», а также ключевую цифровую инфраструктуру Федеральной налоговой службы России (ФНС), которая является одной из крупнейших налоговых администраций в мире. Связь между местными российскими налоговыми органами и Федеральной налоговой службой была нарушена.

Международные санкции вынудили российских ИТ-специалистов массово эмигрировать, что также повлияло на российскую кибербезопасность. Нет четких данных о том, сколько из этих эмигрировавших за границу российских ИТ-техников были использованы международными хакерскими организациями. Однако, судя по частоте и вредности кибер-инцидентов, в ходе которых атаквалась критически важная цифровая инфраструктура России, вероятность такого события очень высока.

В этих условиях Россия начала укреплять безопасность своей внутренней критической цифровой инфраструктуры с целью улучшения возможностей кибербезопасности, в том числе путем внесения поправок в законодательство о кибербезопасности с

целью ужесточения контроля над операторами данных. 1 марта 2023 г. в России вступил в силу новый измененный Закон о защите персональных данных. Среди прочего, статьи 178 и 179 предусматривают, что операторы данных должны оценивать ущерб, нанесенный субъекту данных, и соответствие выявленного ущерба действиям, предпринятым оператором данных. В то же время, новая редакция Закона о защите персональных данных также предусматривает, что операторы данных должны информировать Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ о действиях, связанных с трансграничной передачей данных.

Антон Демохин, заместитель министра иностранных дел Украины и главный специалист по цифровым преобразованиям, сказал в интервью СМИ в Сингапуре в октябре 2023 г., что, хотя Украине в основном удалось остановить кибератаки, она заплатила за это немалую цену [ITU].

Украина постоянно модернизирует свою киберзащиту с помощью США и ЕС. В 2023 г. США предоставили Украине помощь в размере 37 млн долларов на цели кибербезопасности, направленную на улучшение способности Украины реагировать на угрозу киберинцидентов и защищать критически важную цифровую инфраструктуру. Агентство кибербезопасности ЕС также подписало с Украиной Рабочее соглашение по кибербезопасности 13 ноября 2023 г., цель которого – усилить сотрудничество с Украиной в области цифровой обороны и тем самым защитить Украину и страны ЕС от потенциальных киберугроз.

Нагорно-карабахский конфликт – это вооруженный конфликт, произошедший в Нагорном Карабахе на юго-западе Азербайджана между Республикой Арцах (которая принадлежит к политическому образованию с ограниченным признанием), поддерживаемой Республикой Армения, и Азербайджанской Республикой. 19-20 сентября 2023 г. Азербайджан начал широкомасштабное военное наступление на Республику Арцах, известное как третий нагорно-карабахский конфликт. Этот конфликт повлиял на нормализацию отношений между Азербайджаном и Арменией и стал причиной различных видов кибератак.

В августе 2023 г. Forti Guard Labs обнаружила в Азербайджане зараженную вредоносным ПО служебную записку. Записка была замаскирована под электронное письмо от руководителя азербайджанского предприятия, утверждавшего, что у него есть информация о пограничном конфликте между Азербайджаном и Арменией. Со своей стороны Армения сообщила о многочисленных кибератаках, предшествовавших третьему конфликту. Самвел Мартиросян, армянский эксперт по кибербезопасности, сказал, что международные аэропорты и правительственные учреждения Армении подверглись серьезным кибератакам до нападения Азербайджана на Нагорный Карабах. По данным армянского новостного агентства Arka, опубликованным в сентябре 2023 г. со ссылкой на Службу национальной безопасности Армении (СНБ), количество кибератак на Армению резко возросло с сентября 2023 года. Эти атаки включали в себя, в частности, попытки распространения ложной информации и кражи данных. Кроме того, 1 ноября 2023 г. армянское государственное информационное

агентство Арменпресс сообщило, что компания Apple Inc. предупредила пользователей телефонов Apple в Армении о том, что хакеры атакуют их с помощью программного обеспечения “Pegasus”. Армянский эксперт по кибербезопасности Мартиросян считает, что эти хакеры были связаны с правительством Азербайджана [U.S. cybersecurity ...].

В 2023 г. Азербайджан увеличил распространение интернета на 5 % по сравнению с 2022 г. В августе 2023 г. Азербайджан представил свою первую стратегию кибербезопасности – Стратегию информационной и кибербезопасности Азербайджанской Республики на 2023-2027 гг. Стратегия направлена на повышение безопасности информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ) страны и безопасности ее граждан. Стратегия направлена на повышение национальных стандартов информационной безопасности и способствует достижению общей цели – дать возможность государству, обществу и отдельным людям безопасно использовать современные ИКТ. Кроме того, Стратегия фокусируется на защите персональных данных и определяет девять последующих приоритетных направлений, а для реализации Стратегии были назначены 23 агентства.

В 2023 г. распространение интернета в Армении увеличилось на 12,1 %. В 2023 г. в Армении насчитывалось более 3 000 компаний, работающих в секторе ИКТ, в которых трудилось около 20 000 квалифицированных ИТ-специалистов, а годовой объем производства превышал \$1 млрд. Армения постоянно укрепляет международное сотрудничество в области кибербезопасности. Например, в апреле 2023 г. Армения и Россия подписали соглаше-

ние о сотрудничестве в области информационной безопасности; в июле Армения и США обсудили возможность сотрудничества в области кибербезопасности; в октябре правительства Армении и Ирана договорились об укреплении связей в области ИКТ и обсудили возможность совместного создания центра обработки данных; в декабре ОАЭ и Армения подписали Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области кибербезопасности.

Заключение

Таким образом, ситуация с кибербезопасностью в Евразийском регионе с началом противостояния Запад-Восток стала критической, а количество инцидентов кибербезопасности в Евразийском регионе остается высоким. К непосредственным причинам такой ситуации относятся:

- прямое влияние региональных международных конфликтов и распространение инцидентов кибербезопасности из стран, находящихся в центре конфликтов, на соседние страны;
- проблемы уязвимости сетей, слабых паролей и раскрытия конфиденциальной информации спровоцировали ряд инцидентов кибербезопасности в районах с высоким уровнем проникновения интернета в странах Евразии;
- страны Евразии с медленным развитием интернета из-за недостатка инвестиций в кибербезопасность стали более уязвимыми.

Страны Евразии также подвержены инцидентам, связанным с кибербезопасностью из-за недостаточных инвестиций в кибербезопасность.

Столкнувшись с проблемой кибербезопасности, страны Евразийского региона приняли различные меры по улучшению кибербезопасности с уче-

том собственных реалий. Во-первых, они увеличили инвестиции в инфраструктуру кибербезопасности на государственном, деловом и общественном уровнях, а также приняли соответствующие законы, регулирующие поведение соответствующих цифровых предприятий и повышающие осведомленность людей в вопросах защиты цифровой информации. Во-вторых, отмечается активное совершенствование потенциала кибербезопасности посредством международного сотрудничества, включая обмен данными между правительствами, обучение талантливых специалистов и помощь (займы) от международных организаций или иностранных правительств. Эти меры положительно влияют на повышение уровня кибербезопасности в Евразийском регионе, но если региональные международные конфликты, связанные с противостоянием Запад-Восток, не будут разрешены своевременно и эффективно, то в краткосрочной перспективе будет трудно кардинально изменить критическую ситуацию с кибербезопасностью в Евразийском регионе.

В то же время ШОС может играть более значительную роль в сотрудничестве в области кибербезопасности:

– во-первых, это укрепление сотрудничества в области кибербезопасности со странами-членами. Сотрудничество включает обмен данными и их совместное использование, обучение персонала и создание институционализированных механизмов двустороннего сотрудничества с ключевыми странами для совместного поддержания кибербезопасности. Это также, может быть, использовано для разрядки возможных споров по кибербезопасности между странами-участницами путем создания

регионального центра по кибербезопасности и координации действий со странами-участницами для улучшения наращивания потенциала кибербезопасности;

– во-вторых, это повышение цифровой грамотности всех людей в странах-участницах. Чтобы усилить проактивный характер социального управления кибербезопасностью и превратить пассивную защиту кибербезопасности в проактивное нападение, необходимо создать «цифровой щит» на социальном уровне. Для этого ШОС должна запустить специальную «программу повышения грамотности в области кибербезопасности», включающую подготовку талантов в области кибербезопасности, усиление пропаганды кибербезопасности и повышение осведомленности об информационной безопасности;

– в-третьих, ШОС должна сотрудничать с Международным союзом электросвязи (МСЭ). Пять стратегических столпов глобальной повестки дня МСЭ в области кибербезопасности (правовой, технический, организационный, наращивание потенциала и сотрудничество) должны быть интегрированы в институционализированное сотрудничество в области кибербезопасности между странами-членами ШОС.

Противостояние Запад-Восток будет продолжать оказывать устойчивое влияние на киберситуацию в Евразийском регионе: кибератаки станут неотъемлемой частью военных операций, кибершпионаж и инциденты в сфере кибербезопасности не прекратятся, а ситуация с кибербезопасностью останется очень серьезной. В то же время с развитием технологий искусственного интеллекта постепенно возникают новые проблемы регулиро-

вания и риски безопасности, что ставит новые задачи перед некоторыми странами Евразийского региона, отстаю-

щими в развитии цифровой инфраструктуры.

Библиографический список

1. Безкоровайный М. М. Кибер-безопасность – подходы к определению понятия / М. М. Безкоровайный, А. Л. Татузов // Журнал Вопросы кибербезопасности. 2014. Выпуск №1 (2). С. 22–27.
2. Бородакий Ю. В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (часть 2) / Ю. В. Бородакий, А. Ю. Добродеев, И. В. Бутусов // Вопросы кибербезопасности. 2014. №1(2). С. 5–12.
3. Всекитайское собрание народных представителей: Закон о сетевой безопасности Китайской Народной Республики. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2016-11/07/content_2001605.htm (Дата обращения: 23.05.2024) (на кит. языке).
4. Зубарев И. В. Уязвимости информационных систем / И. В. Зубарев, И. В. Жидков, И. В. Кадушкин, С. А. Медовщикова // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2016. №3. С. 174–184.
5. Концепция стратегии кибербезопасности Российской Федерации. URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf> (дата обращения: 23.05.2024).
6. Кузнецов С. Кибербезопасность в 21 веке // Открытие системы СУБД. №5. 2013. URL: <http://www.osp.ru> (дата обращения: 23.05.2024).
7. Кулбария Управление интернетом (互联网治理) / Кулбария, Лу Чуаньин [и др.]. Пекин : Изд-во Университета Цинхуа, 2019. (на кит. языке).
8. Лебедь В. Н. Управление процессами обеспечения кибербезопасности как фактор международной стабильности / В. Н. Лебедь, Б. И. Терещенко, К. А. Восканян // Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. Т.2, №4. С. 30–37.
9. Лу Чуаньин (鲁传颖). Эволюция стабильной власти, дилемма безопасности и построение системы управления в глобальном киберпространстве (全球网络空间稳定权力演变、安全困境与治理体系构建) [M]. Шанхай : Гэчжэ/Шанхайское народное издательство, 2022.
10. ITU. Cybersecurity. URL: <https://www.itu.int/itu-d/sites/cybersecurity/> (дата обращения: 23.05.2024).
11. U. S. cybersecurity and infrastructure security agency. What is cybersecurity? URL: <https://www.cisa.gov/news-events/news/what-cybersecurity> (дата обращения: 23.05.2024).
12. 库尔巴利亚, 鲁传颖等. 互联网治理[M]. 北京: 清华大学出版社, 2019: 93.
13. NYE J S. Nuclear lessons for cyber security? // Strategic studies quarterly, 2011, 5(4). P. 21–22.
14. CBS News. AP: U. S. military launches aggressive cyberwar on ISIS. 2016-2-26 URL: <https://www.cbsnews.com/news/isis-targeted-us-military-cyberwar/> (дата обращения: 23.05.2024).
15. Balli, F., Balli, H. O., Hasan, M. et al. Geopolitical risk spillovers and its determinants // The annals of regional science. 2022. Vol. 68, p.464.

16. David L. Huff & James M. Lutz. The contagion of political unrest in independent Black Africa // *Economic Geography*. 1974. Vol. 50(4), p. 352–367.
17. Hill S., & Rothchild, D. The contagion of political conflict in Africa and the world // *The Journal of conflict resolution*. 1986. Vol.30(4), p.716–735.
18. Buhaug H., & Gleditsch, K. S. Contagion or confusion? Why conflicts cluster in space // *International studies quarterly*. 2008. 52(2), p.215–233.
19. Braithwaite A. Resisting infection: How state capacity conditions conflict contagion // *Journal of peace research*. 2010. 47(3), p. 311–319.
20. Blomberg S. Brock and Rosendorff, Bryan Peter, A gravity model of globalization, democracy and transnational terrorism (January 2006). USC CLEO Research paper No. C06-6, Available at URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.904204>.

Reference list

1. Bezkorovajnyj M. M. Kiber-bezopasnost' – podhody k opredeleniju ponjatija = Cyber security – approaches to defining the concept / M. M. Bezkorovajnyj, A. L. Tatu-zov // *Zhurnal Voprosy kiberbezopasnosti*. 2014. Vypusk №1 (2). S. 22–27.
2. Borodakij Ju.V. Kiberbezopasnost' kak osnovnoj faktor nacional'noj i mezhdunarodnoj bezopasnosti XXI veka (chast' 2) = Cybersecurity as a major factor in xxi century national and international security (Part 2) / Ju.V. Borodakij, A.Ju. Dobrodeev, I. V. Butusov // *Voprosy kiberbezopasnosti*. 2014. №1(2). S. 5–12.
3. Vsekitajskoe sobranie narodnyh predstavitelej: Zakon o setевой bezopasnosti Kitajskoj Narodnoj Respubliki = National People's Congress: network security law of the People's Republic of China. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2016-11/07/content_2001605.htm (data obrashhenija: 23.05.2024) (na kit. jazyke).
4. Zubarev I. V. Ujazvimosti informacionnyh sistem = Vulnerabilities of information systems / I. V. Zubarev, I. V. Zhidkov, I. V. Kadushkin, S. A. Medovshhikova // *Informacionnye i matematicheskie tehnologii v nauke i upravlenii*. 2016. №3. S. 174-184.
5. Koncepcija strategii kiberbezopasnosti Rossijskoj Federacii = The concept of the cybersecurity strategy of the Russian Federation. URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf> (data obrashhenija: 23.05.2024).
6. Kuznecov S. Kiberbezopasnost' v 21 veke = Cybersecurity in the XXI Century // *Otkrytie sistemy SUBD*. №5. 2013. URL: <http://www.osp.ru> (data obrashhenija: 23.05.2024).
7. Kulbarija Upravlenie internetom = Internet management (互联网治理) / Kulbarija, Lu Chuan'in [i dr.]. Pekin : Izd-vo Universiteta Cinhua, 2019. (na kit. jazyke).
8. Lebed' V. N. Upravlenie processami obespechenija kiberbezopasnosti kak faktor mezhdunarodnoj stabil'nosti = Managing cybersecurity processes as a factor of international stability / V. N. Lebed', B. I. Tereshhenko, K. A. Voskanjan // *Kommunikologija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2017. T.2, №4. S. 30–37.
9. Lu Chuan'in (鲁传颖). Jevoljucija stabil'noj vlasti, dilemma bezopasnosti i postroenie sistemy upravlenija v global'nom kiberprostranstve = The evolution of stable power, the security dilemma and the construction of a governance system in global cyberspace (全球网络空间稳定权力演变、安全困境与治理体系构建) [M]. Shanhaj : Gjechzhje/Shanhajskoe narodnoe izdatel'stvo, 2022.

10. ITU. Cybersecurity. URL: <https://www.itu.int/itu-d/sites/cybersecurity/> (data obrashhenija: 23.05.2024).
11. U. S. cybersecurity and infrastructure security agency. What is cybersecurity? URL: <https://www.cisa.gov/news-events/news/what-cybersecurity> (data obrashhenija: 23.05.2024).
12. 库尔巴利亚, 鲁传颖等. 互联网治理[M]. 北京: 清华大学出版社, 2019: 93.
13. NYE J S. Nuclear lessons for cyber security? // Strategic studies quarterly, 2011, 5(4). P. 21–22.
14. CBS News. AP: U. S. military launches aggressive cyberwar on ISIS. 2016-2-26 URL: <https://www.cbsnews.com/news/isis-targeted-us-military-cyberwar/> (data obrashhenija: 23.05.2024).
15. Balli F., Balli, H. O., Hasan M. et al. Geopolitical risk spillovers and its determinants // The annals of regional science. 2022. Vol. 68, p.464.
16. David L. Huff & James M. Lutz. The contagion of political unrest in independent Black Africa // Economic Geography. 1974. Vol. 50(4), p. 352–367.
17. Hill S., & Rothchild, D. The contagion of political conflict in Africa and the world // The journal of conflict resolution. 1986. Vol.30(4), p.716–735.
18. Buhaug H., & Gleditsch, K. S. Contagion or confusion? Why conflicts cluster in space // International studies quarterly. 2008. 52(2), p. 215–233.
19. Braithwaite A. Resisting infection: How state capacity conditions conflict contagion // Journal of peace research. 2010. 47(3), r. 311–319.
20. Blomberg S. Brock and Rosendorff, Bryan Peter, A gravity model of globalization, democracy and transnational terrorism (January 2006). USC CLEO Research paper No. C06-6, Available at. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.904204>.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 19.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 27.09.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 329, 316.46, 323.1
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-4-25-72
EDN: SNOIFC

Праворадикальные тенденции во французском политическом лидерстве

Илья Эрнстович Стрелец^{1✉}, Ростислав Романович Тищенко²

¹Кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет), г. Москва.

²Соискатель кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов, г. Москва

¹sagitil@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3520-2502>

²1032211882@pfur.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9075-3494>

Аннотация. В статье приводятся результаты ретроспективного исследования становления ультраправого движения во Франции и его лидеров. Акцент делается на рассмотрении динамических и регрессивных процессов в развитии праворадикальных политических организаций, а также наиболее ярких политиков. Базируясь на историко-генетическом и структурно-функциональном методах исследования, с привлечением данных зарубежных авторов, статья частично восполняет существующую в отечественной политологии исследовательскую лакуну. Особое внимание уделяется процессу реабилитации имиджа «Национального объединения» под руководством Марин Ле Пен, стратегиям смягчения риторики и расширения электоральной базы у ведущей праворадикальной партии. В статье также анализируется вопрос взаимодействия между основными праворадикальными партиями и более мелкими, радикальными группами, выявляются точки соприкосновения и потенциал для конфликтогенности. По итогам проведенного анализа делается вывод о цикличности процесса популяризации правых радикалов, разнородности практик движения в большой политической игре, выходе на авансцену тех или иных его представителей. Праворадикальное движение претерпело значительные изменения за прошедшее столетие и сейчас встраивается в мейнстрим политики, будучи готовым адаптироваться к новым условиям для сохранения и расширения своего влияния. Однако ему удастся сохранять свои базовые идеологические устремления, отражающиеся в публичной риторике лидеров. Помимо прочего, в статье обозначаются сценарии развития праворадикального движения во Франции в контексте современных политических, социальных и экономических вызовов. Данная работа актуализирует рассмотрение основных тенденций на стыке сравнительного и исторического способов анализа политической реальности. Полученные выводы могут дать импульс для новых исследований партийно-политического ландшафта Франции и персонологии французского политического лидерства.

Ключевые слова: ультраправое движение во Франции; персонология политического лидерства; Марин Ле Пен; партия «Народный фронт»; партия «Национальное объединение»; национальный суверенитет; публичная риторика политика; праворадикальные партии

Для цитирования: Стрелец И. Э., Тищенко Р. Р. Праворадикальные тенденции во французском политическом лидерстве // Социально-политические исследования. 2024. № 4 (25). С. 72-91. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-72>. <https://elibrary.ru/SNOIFC>.

Original article

Right-wing trends in french political leadership

Ива Е. Strelets¹✉, Rostislav R. Tishchenko²

¹Candidate of political sciences, associate professor, department of comparative political science, Moscow state institute of international relations (University), Moscow.

²Applicant, department of comparative political science, Peoples' friendship university of Russia, Moscow

¹sagitil@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3520-2502>

²1032211882@pfur.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9075-3494>

Abstract. The article cites the results of a retrospective study on formation of the far-right movement in France and its leaders. The emphasis is on considering dynamic and regressive processes in the development of right-wing radical political organizations, as well as the most prominent politicians. Based on historical-genetic and structural-functional research methods, with the data from foreign authors, the article partially fills the research gap existing in domestic political science. Particular attention is paid to the process of rehabilitating the image of the National Association under the leadership of Marine Le Pen, strategies for mitigating rhetoric and expanding the electoral base of the leading right-wing radical party. The article also analyzes the issue of interaction between the main right-wing radical parties and smaller, radical groups, identifies common ground and the potential for conflict. Based on the results of the analysis, it is concluded that the process of popularization of right-wing radicals is cyclical, the heterogeneity of the movement's practices in a big political game, and certain of its representatives are coming to the fore. The radical right movement has undergone significant changes over the past century and is now building into mainstream politics, ready to adapt to new conditions to maintain and expand its influence. However, it manages to maintain its basic ideological aspirations, reflected in the leaders' public rhetoric. Among other things, the article identifies scenarios for developing the right-wing radical movement in France in the context of modern political, social and economic challenges. This work updates the consideration of the main trends at the intersection of comparative and historical ways of analyzing political reality. The findings could provide impetus for new research into France's party political landscape and French political leadership personology.

Key words: far-right movement in France; personology of political leadership; Marine Le Pen; the Popular Front party; the National Rally party; national sovereignty; the politician's public rhetoric; right-wing radical parties

For citation: Strelets I. E., Tishchenko R. R. Right-wing trends in french political leadership. 2024;4(25): 72-91. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-72>. <https://elibrary.ru/SNOIFC>.

Введение

В последнее десятилетие все большую обеспокоенность у политических аналитиков вызывает рост популярности ультраправых движений в Европе. Так, например, Катрин Торлейфссон, глава Комиссии норвежского правительства по борьбе с экстремизмом, считает, что многие избиратели разочаровались в обычных традиционных политических партиях, и мир переживает новый кризис, во всех странах это завуалированная угроза либеральным ценностям, связанным с либеральной демократией и ЕС. Между тем можно констатировать ценностную подмену: силы, выступающие за возрождение национального суверенитета европейских стран, которые противостоят глобалистским элитам, навязывающим миграционную толерантность и иллюзию мультикультурализма, принято маркировать ярлыками «нацизм», «национализм» и др. При этом неонацистская власть, фактически истребляющая русскоязычное население Украины, объявляется Еврокомиссией поборником свободы и либерального мироустройства. И оба эти тезиса представляются спорными, противоречащими здравому смыслу, и оба нуждаются в научной аргументации вместо публицистических лозунгов.

Без преувеличения можно сказать, что проявление праворадикального вулканизма на территории политической жизни Европейского Союза представляет большую опасность в гло-

бальном масштабе, поскольку возникает угроза целостности нынешнего формата системы международных отношений, как это было незадолго до Второй мировой войны. В региональном плане это может также угрожать непосредственно России, оплоту мирового антифашизма, поскольку в результате этого под вопрос будет ставиться планомерное развитие российского государства-цивилизации и непосредственное существование России как геополитического субъекта. По мере увеличения роли ультраправых движений в политике западного мира конфронтация между Европой и Россией будет усиливаться из-за накопления ценностных и внешнеполитических противоречий.

В контексте изучения данного явления отдельный интерес представляет Франция. Во-первых, как традиционный локомотив Европы в области праворадикальной мысли. Новые правые, неороялизм, националистический корпоративизм – ведущие ультраправые идеологии появились именно в этой стране. Более того, как утверждают некоторые историки, «подлинной колыбелью фашизма является Франция» [Штернхель, 2022, с. 43]. Во-вторых, как одна из мировых держав, влияние которой в блоке стран нелиберальной ориентации, в особенности в Европейском Союзе, заставляет пристально наблюдать за её внешнеполитическими ходами, изменением идей-

но-политической среды, доминирующим публичным дискурсом.

Популяризация праворадикальных движений во Франции носит циклический характер, который подвержен влиянию внешней среды. Время, глубина и качественные особенности каждого цикла имеют национальную специфику, которые подвержены региональным и мировым геополитическим сдвигам. Так, главным отличием текущего цикла от бума популярности правых радикалов в 1920-1930-х гг. является феномен ослабления роли радикальных элементов организаций по мере расширения их электоральной базы. На начальном этапе текущего цикла праворадикальные движения привлекали внимание и получали поддержку за счет радикальной риторики, апеллируя к страхам и недовольству определенных слоев общества. Однако, по мере роста их электоральной базы представители движения начали смягчать свой дискурс и радикальные позиции для привлечения более широкого круга избирателей и самолегитимизации в политическом спектре.

Сейчас этот процесс приводит к утрате первоначальной идентичности, вызывает внутренние конфликты и усиливает популистские тенденции при умиротворении экстремистских наклонностей. Подобно левым в начале прошлого века, ультраправые во Франции сегодня успешно адаптируются к доминирующей повестке дня, перестраивают свой кадровый состав и структуру в соответствии с актуализирующимися политическими трендами, что увеличивает шансы современных ультраправых к овладению властными полномочиями в правовом поле, в то время как экстремистские или крайние крылья организаций переходят в среду опосредованной политической борьбы,

пытаются распространять своё влияние в движениях, связанных с агентами гражданского общества, часто не связанными с политикой, чем поляризуют и политизируют французское общество [Kim, 2022].

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются праворадикальные движения Франции, включающие в себя как крупные политические партии, так и малые радикальные группы, маргинальные экстремистские организации ультраправого толка. В рамках исследования рассматриваются основные этапы аксиологии и праксиологии, изменения политических стратегий, целей и тактик организаций, их влияние на общественно-политическую жизнь страны, а также взаимодействие с другими политическими силами и гражданским обществом.

В ходе работы анализируется история формирования идей и деятельность ультраправых организаций во Франции с конца XIX в. Теоретической рамкой исследования служит структурно-функциональный подход, в контексте которого устанавливается корреляция между политическими явлениями и социально-экономическими процессами. В качестве основного в исследовании используется историко-генетический метод, необходимый для рассмотрения ценностно-теоретических сдвигов в праворадикальном движении при смене действующих субъектов политики и эволюционных процессах в политических отношениях.

Генезис вопроса

Правый радикализм во Франции имеет глубокие исторические корни. Ключевыми событиями формирования аксиологической парадигмы правых

радикалов считаются поражение во Франко-Прусской войне и дело Дрейфуса. Франко-Прусская война из-за появившегося комплекса антигерманских и реваншистских настроений, призывов к национальному возрождению спровоцировала появление корневых ультраправых движений: буланжистов и Лиги патриотов. Дело Дрейфуса возбудило острое общественное противостояние, политическую турбулентность и общенациональный диспут, которые в результате привели к появлению интегрального национализма, “Action Française”, и возрождению после непродолжительного роспуска Лиги патриотов. Тенденции реваншизма, шовинизма и радикализма серьезно проникли в политическое тело страны, дав импульс «националистического возрождения», в полной мере проявившегося после Первой мировой войны.

В результате непомерных долгов перед Великобританией и США, образовавшихся после слома западного фронта, в экономике Франции возникли системные ошибки, затруднявшие её торговый и финансовый рост. Это противоречило статусу страны-победительницы и разбивало ожидания масс о скором экономическом процветании. Усилилась инфляция, повысились налоги, стоимость жизни как для рабочих, так и для мелкой буржуазии. Даже после войны бремя спасения государства оставалось на плечах широких слоёв населения страны. Война укрепила позиции пролетариата на заводах благодаря дефициту рабочей силы, снижению конкуренции на рынке и его представительства в парламенте. Реакционные круги Франции обеспокоились становлением левых сил, стремившихся разрушить традицион-

ные государственные институты. Неудачные внешнеполитические решения, слабость правительства, экономическая нестабильность и доминирование британской политики в международных отношениях привели к упадку глобального положения Франции в рамках Версальско-Вашингтонской системы, вызывая разочарование ветеранов войны и интеллигенции.

Указанные выше причины привели ультраправых к необходимости консолидации и образованию своих политических сил, способных отстаивать свои интересы, попирая наступление прогрессивных движений на традиционные устои страны. Роберт Суси в своих исторических исследованиях выделял *три волны правого радикализма* (следует отметить, что его исследования касались непосредственно фашизма, но эксперты, как правило, либерального толка, указывают на то, что всплески активности фашистских организаций совпадают с общим настроением в стране крайне правых).

Первая волна захлестнула страну в 1924 г., после победы «Картеля Гошей», и в 1925 г. она достигла своего пика. В это время были образованы значимые радикально правые лиги, такие как “Jeunesses Patriotes”, “Les Croix de Feu”, “Le Faisceau”, “Comités de Défense des Paysans” и пр. [Soucy, 1986, p. 1–20].

После 1933 г. поднялась *вторая волна правого радикализма*, весь крайне правый политический спектр захватили фашистские настроения. Это стало возможным благодаря упадку и переосмыслению старых интегралистских, традиционалистских и националистических концепций в более технической оснащённой форме, адаптированной к фашизму. Катализаторами стали социально-политический кризис

и влияние итальянского фашизма. Праворадикальное движение раскололось на интегралистское, национально-фашистское и транснационально-фашистское направления, что привело к появлению многочисленных партий и организаций, таких как “Parti Franciste”, “Solidarité Française” и “Cagoule” [Soucy, 1995].

В 1934 г. попытка государственного переворота показала возросшее влияние этих лиг. Внутривидовая конкуренция усилилась: интегралисты и национальные фашисты боролись с транснациональными движениями, которые также конкурировали между собой за иностранное финансирование и влияние [Millington, 2019].

В 1936 г., с формированием Народного фронта, усилилось давление на правых. Политический кризис и неудачи Версальско-Вашингтонской системы увеличили симпатии к умеренным и экстремистским националистам, что привело к появлению массовых партий: фашистской Французской Народной Партии Жака Дорио и национал-консервативной Французской Социальной Партии Франсуа де ля Рока. До 1939 г. наблюдался рост фашистских настроений, но сплотившаяся перед лицом войны с Германией нация и усиление репрессий парализовали деятельность фашистских партий до начала оккупации. Следует подчеркнуть, что интегралистское и фашистское направления разительно отличаются своими акциями и идейно-ценностным аппаратом. Бенефициары и спонсоры у всех течений разные. В основном именно благодаря им можно разделить фашистское направление на национальное и транснациональное (внедрённое извне).

Летом 1940 г. Франция пала под натиском немецких войск и была раз-

делена на «свободную» и «оккупированную» зоны, где «свободная» часть оказалась в номинальной власти реорганизованного правительства под руководством маршала Филиппа Петена, а «оккупированная» – под прямым контролем немецкой администрации (в 1942 г. зоны были переименованы в Южную и Северную, соответственно). Таким образом, теперь «...перед маршалом Петеном стояла труднейшая задача – обозначить масштабы и границы вынужденного взаимодействия с немцами» [Бурлаков, 2016, с. 262].

В ходе перестройки режима парламентская система была самораспущена депутатами Национального собрания, большинство движений и партий оказались под преследованием властей. Хотя они продолжали существовать неформально, в особенности бывшие партии ультраправого толка. На территории «оккупированной зоны» полноправно властвовала, выражаясь языком Шарля Морраса, «франко-немецкая партия» [Моррас, 2018, с. 79] – совокупность всех партий и движений пронацистской, коллаборационистской ориентации. В свою очередь, на территории Виши движение раскололось на представителей:

а) пронемецкого, расистского крыла, пытавшегося перестроить государство по образу и подобию национал-социалистического режима, и

б) антинемецкого, изоляционистского течения, желавшего углубить коренную, национальную революцию.

Последующий крах Вишистского режима и деокупация Севера привели к значительной реконфигурации политической системы Франции. Ультраправые потеряли престиж и влияние, их попытка проведения реформ по своему образу и подобию провалилась, дискредитировав движение. К 1945 г.

власть перешла к христианским демократам и левым, в то время как ультраправые оказались на периферии властной борьбы. Идеи крайнего национализма к тому моменту оставались лишь уделом узкого круга интеллигенции, большая часть которой была запятнана сотрудничеством с национал-социалистами и находилась в бегах или в заключении.

С середины 1940-х до начала 1960-х гг., несмотря на гегемонию антифашистского блока, во Франции появилось множество правоэкстремистских кружков и групп. Представители развивающейся неофашистской тенденции не могли организовать в единую силу. Только в 1960-х гг. из-за неудач правительства, социальных волнений и краха колониальной империи правые радикалы начали консолидироваться в структурированные движения: «Федерация студентов-националистов», движение «Запад», «Новый порядок», неонацистская «Федерация национальных и европейских действий» и террористическая «Организация секретной армии» [Remon, 1966, p. 308–338].

За 20 лет лишь одна легальная политическая сила, которую условно можно назвать праворадикальной, за счёт своего популизма, смогла достичь хороших электоральных успехов. В 1956 г. на выборах в парламент «Союз французского братства», движение Пьера Пужада, бывшего фашиста, смогло набрать 11,6 % голосов и получить 52 места в Национальном собрании [Macridis, 1960]. Значительный всплеск популярности, однако, продлился недолго, так как вскоре движение распалось, и на следующих выборах ультраправые партии получили 3,3 % голосов, после чего окончательно

но исчезли из парламентской борьбы. В конце 1960-х гг. возникли «Новые правые», желавшие обновления теории и практики движения после майских событий 1968 г. Они выступали против глобализации и иммиграции, за кардинальный пересмотр традиционных правых идей. Их замыслы обрели популярность по всей Европе и стали одним из главных трендов правого течения того времени.

Полноценное возвращение праворадикальных партий на парламентскую арену политической борьбы произошло благодаря изменению институциональных условий и развитию широких националистических тенденций. Наиболее удачно этим воспользовалась партия Национальный фронт (*дальше НФ*) – на выборах 1984 г. она набрала по регионам от 0,2 до 11,1 % голосов. Более того, разобщённость центрального правительства и кризис левого блока позволили правым силам вырваться вперёд куда больше, чем того ожидали социологи того времени, НФ смог успешно мобилизовать недовольные слои населения, предложив им новые идеи и программы, чем привлёк широчайшее внимание для организации явно маргинальной политической направленности.

Популяризация правых настроений, основанных на шовинизме, расизме, фундаментализме и ксенофобии, была вызвана мировыми и региональными тенденциями: конфликтами на Ближнем Востоке, терактами, ростом радикальных исламских группировок, социально-экономическим неравенством и изменениями в сельскохозяйственной политике ЕС, превращавшей Францию из выгодополучателя в донора. Эти факторы раскалывали общество, вызывали споры о французской идентичности и безопасности. Право-

радикальные партии, особенно НФ, использовали страх и неприязнь в своих кампаниях для привлечения недовольных действующей системой, благодаря чему начали входить в большую политическую игру. Упадок традиционных партий и неспособность изменить социально-политический ландшафт способствовали возрождению ультраправых, создавая ситуацию, схожую с бумом правых радикалов 1920-30-х гг., когда ситуация привела к популяризации альтернативных политических сил. С начала 1980-х гг. крайне правые партии медленно, но, верно, наращивали электоральную поддержку и политическую власть в Европе, возвращаясь в рамки борьбы за собственное властное пространство.

Таким образом, праворадикальное движение претерпело ряд метаморфоз в историческом и практическом плане, от агрессивного экстремизма крупных партий и лиг с сотнями тысяч сторонников в начале-середине прошлого века до преобразования в сеть маргинальных уличных и террористических группировок, затем к переформатированию в ведущего политического игрока, потенциально крупнейшую силу в парламенте, имеющую значительное влияние на национальную политику.

Результаты и их обсуждение

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. НФ стал главенствующей ультраправой силой в стране, несмотря на раскол и рост числа мелких, маргинальных организаций сопоставимой ориентации, которые потенциально могли «оторвать» часть электората. 2000-е гг. начались с наращивания политического веса партии. В 2002 г. Жан-Мари Ле Пен, тогдашний лидер партии, добился триумфа, выйдя во второй тур президентских выборов против действующе-

го президента Жака Ширака. Этот результат стал прорывным, подчеркнув способность фронтисов захватить протестное голосование и мобилизовать избирателей, разочаровавшихся в традиционных партиях.

Однако несмотря на значительный рост, этот прорыв не привел к немедленному укреплению позиций на последующих выборах в законодательные органы. НФ не удалось конвертировать этот успех в места в Национальном собрании из-за двухтуровой избирательной системы, которая ставит партии меньшинства в невыгодное положение, а также эксцентричности и чрезмерного неконформизма лидера и лица партии – Жан-Мари Ле Пена, отпугивавшего умеренный электорат. С этого момента партия начала проведение ревизии своих ценностей и своего позиционирования в СМИ, переняла у социалистических и умеренных партий целый ряд традиционных способов мобилизации избирателей, чтобы привлечь к себе большее число сторонников, «поменять лицо» и стать более презентабельной для колеблющихся [Чернега, 2023].

В 2011 г. Марин Ле Пен сменила своего отца на посту лидера НФ, что ознаменовало начало новой эпохи. Под ее руководством партия начала процесс реабилитации своего имиджа, переориентировавшись с шовинизма и ксенофобии на протекционистские программы, социальную поддержку и борьбу с «капитализмом без границ», посредством чего стремилась привлечь на свою сторону рабочих и средний класс, положение которого постоянно ухудшалось [Лафлин, 2014]. Среди доминирующих ценностей в дискурсе партии, после обновления её руководящего состава под руководством молодой

Ле Пен, стали превалировать этатизм и патриотизм, отличавшиеся от примитивного национализма тяготением к сакрализации патриархальных традиций, что контрастировало с мировоззрением правящей элиты [Стрелец, 2015, с. 196]. При этом, повторимся, было проведено обновление медиапроекта, интеграция в свою информационно-пропагандистскую практику новейших средств агитации, пиара и репрезентации в интернете [Скривел, 2022].

Процесс прошёл плодотворно. Уже на президентских выборах 2012 г. Марин Ле Пен набрала 17,9 % голосов, что подтвердило укрепление позиций партии в качестве крупной политической силы [Mauger, 2013]. Европейские выборы 2014 г. стали решающим переломным моментом, когда НФ набрал 24,86 % голосов и стал ведущей партией Франции по количеству мест в Европейском парламенте [2014 Election results ...]. Региональные выборы 2015 г. продемонстрировали дальнейший рост. Партия показала впечатляющие результаты, заняв первые места в шести из тринадцати регионов в первом туре, а в 2017 г. Марин Ле Пен удалось выйти во второй тур в борьбе с Эмманюэлем Макроном, преумножив свой рейтинг вдвое по сравнению с предыдущими выборами. Несмотря на то, что она потерпела поражение, набрав около 33,9 % голосов, выборы укрепили идею о том, что НФ стал лицом ультраправого движения Франции в правовом политическом поле и окончательно закрепил за собой этот статус [Красикова, 2022].

Во время реструктуризации и ребрендинга НФ особенно выиграл от того, что радикальность ультраправых движений начала уже отталкивать и

пугать широкие народные массы [Darbaidze]. Так, например, в эти годы общественность была взбудоражена деятельностью “Génération identitaire”, ультраправой группы, созданной в 2012 г. и пропагандировавшей идентитарное видение Европы, в центре которого была защита европейской этнической и культурной идентичности от миграционных и исламистских угроз. Она использовала зрелищные акции прямого действия для привлечения внимания СМИ, например, захват строительной крыши мечети в Пуатье в 2012 г. [Occupation de la ...] и антииммигрантские погромы в Лиле [Generation Hate ...]. В условиях политической нестабильности и боязни возобновления насилия на улицах, репозиционирование «Объединения» позволило ему начать притягивать большое количество умеренных избирателей.

В 2018 г. Марин Ле Пен переименовала партию в «Национальное объединение» (НО) в рамках предпринимавшихся попыток модернизации аксиологии и расширения электоральной базы. Смена названия символизировала разрыв с противоречивым прошлым организации и стремление привлечь большее число избирателей, включая сторонников умеренных и правых взглядов, а также тех, кто разочаровался в левых течениях. «Национальное объединение» стало позиционировать себя как партию, способную управлять страной, опираясь на четкую диверсифицированную программу по экономике, безопасности, иммиграции и взаимоотношениям с Европейским Союзом. Эта трансформация включала в себя стремление казаться более авторитетной и компетентной политической силой, сохраняя при этом жесткую критику истеблишмента [Mondon, 2023].

Очевидно, с целью обновления имиджа партии, а также, ориентируясь на ожидания женского и молодежного сегментов французского электората, Марин Ле Пен оставила пост председателя «Национального объединения» в 2021 г. (официальный предлог – участие в кампании по выбору президента), поддержав кандидатуру молодого соратника – первого вице-президента партии Жордан Барделла, который в ноябре 2022 г. занял пост председателя НО.

Напомним здесь, что родившийся в рабочей семье (1995 г. р., сын этнической итальянки и этнического алжирца, бакалавр экономических и социальных наук) Ж. Барделла в 16 лет вступил в «Национальный фронт» и через два года возглавил партийную организацию в северном пригороде Парижа, застроенном социальным жильем. Ради политической карьеры в 2014 г. он оставил учебу в Университете Париж IV Сорбонна. Его возвышение началось в период раскола партии в 2015 г., а уже в 2017 г. он оказался в предвыборном штабе Марин Ле Пен, получив известность у французской телеаудитории как официальный представитель «Национального фронта», ни в чём не конкурируя и не противореча лидеру НФ.

Судя по результатам внеочередных парламентских выборов во Франции (июнь 2024 г.), ставка на медийную узнаваемость, прагматику и амбициозность Жордана Барделлы в сочетании с опытом и политическим весом Марин Ле Пен себя оправдала. Нынешний председатель «Национального объединения» привлекает голоса молодёжи, демонстрируя возможности и перспективы продвижения кадров с нехарактерным для прежнего «Национального фронта» происхождением, которые полностью оторваны от старой ради-

кальной партийной элиты, ушедшей из активной политики вместе с отцом Марин Ле Пен. Хотя приписывать реальную лидерскую роль Ж. Барделле в партии преждевременно, поскольку можно предположить, что в случае возникновения противоречий или даже конкуренции за власть Марин способна избавиться от вышедшего из-под контроля преемника, как в свое время от собственного отца в НФ. А пока она пророчит ему позицию премьер-министра Франции, отмечая его растущую роль как одного из ведущих лиц партии, а также потенциал, необходимый чиновнику на столь высоком посту.

Можно сделать предположение, что определенная часть глобалистской элиты благоволит архетипическому дублированию брачного альянса Эммануэля Макрона с Брижитт в виде внутривнутрипартийного идеологического союза Марин Ле Пен с Жорданом: однажды сработавший сценарий политических маркетологов можно отзеркалить и выставить снова, если электоральный спрос на «классику» лишает перспектив тандем Г. Атталя с С. Сежурне, своей «пикантностью» успевший набить оскомину французским избирателям.

Между тем, несмотря на усилия руководства «Национального объединения», направленные на дерадикализацию и смягчение агрессивной риторики, данная партия продолжает представлять собой правых радикалов во французском политическом спектре. Оно по-прежнему выступает за введение дискриминационных законов, декларирует стремление увеличить льготы исключительно для граждан Франции за счёт урезания социального обеспечения для иммигрантов, усилить роль католической церкви в семье, социуме, государстве вразрез с конфессиональным

разнообразием и доминирующими светскими принципами в стране [Гришель, 2017]. Внутри партии, на низовом уровне, по-прежнему процветает пропаганда национализма, ксенофобии, натовизма, жёсткий иерархизм и авторитарные тенденции в подходе к обеспечению порядка, законотворчества, обществу единства.

В целом «Национальное объединение», особенно на низовом уровне, по-прежнему является одним из бастионов традиционных правых ценностей, таких как государственный суверенитет, семья, религия, общественная консолидация, врождённые национальные институты, нативизм и прочие. В области пропаганды и репрезентации своей приверженности этим идеям, партия находится значительно правее других ведущих правых партий, таких как “Les Républicains”, “Horizons”, “Debout la France!” и другие.

Популистские праворадикальные партии Пятой республики используют социальные проблемы для продвижения идей, противоречащих универсализму и социальной интеграции, акцентируя внимание на уникальности французского народа и критике мультикультурализма и экономической политики ЕС. Вместе с тем правые радикалы во Франции активизировали продвижение «зеленой политики», используя темы природной гармонии, защиты окружающей среды и сельского образа жизни для продвижения своего националистического нарратива. Этот акцент помогает представить их как современную и ответственную политическую силу, критикующую глобализацию и капитализм. Они связывают экологические проблемы с необходимостью локализма и национального суверенитета, выступая против между-

народных соглашений, ограничивающих независимость стран в экологической политике.

Правые радикалы во Франции являются, возможно, передовой силой среди ультраправых в регионе в области экологического популизма, обличая неэффективность и лицемерие нынешней власти в стране и ЕС в области защиты национальных богатств. «Национальное объединение», похоже, ещё не достигло пика, связывая тему иммиграции с истощением ресурсов, вызванным неумеренным ростом населения [Бурмистрова, 2022]. При Мари Ле Пен «зелёная» повестка была плотно интегрирована в ценностную платформу партии в рамках более широкой стратегии по избавлению от экстремистского имиджа и обретению легитимности во французском политическом ландшафте, что активно перенимают и соседствующие по политическому спектру движения [Faghan, 2024].

Патриотизм и требования национального суверенитета занимают центральное место в стратегиях партии. «Национальное объединение» клеймит элиту за ее приверженность так называемой «глобалистской» и «мультикультуралистской» идеологии, против которой оно выступает как единственная подлинная «патриотическая» сила. Даже Эмманюэль Макрон, избранный президентом после кампании против Ле Пен в 2017 г., перенял важные элементы ее пропаганды, в том числе в своей кампании против «исламо-гошизма», или «исламо-левого» движения.

Электоральное будущее правых и ультраправых движений во Франции выглядит многообещающе, по крайней мере, в краткосрочной и среднесрочной перспективе. «Национальное объединение» укрепило свои позиции в

качестве основной оппозиционной силы справа, что подтверждается результатами, полученными Марин Ле Пен на президентских выборах 2017 и 2022 гг., где она вышла во второй тур. Способность ее партии привлечь широкий электорат, включая молодежь и рабочих, укрепляет ее политический потенциал [Тимофеев, 2023]. В то же время появление новых партий, таких как «Реконкиста» Эрика Земмура, демонстрирует внутреннюю динамику ультраправых, стремящихся сочетать элементы «Национального объединения» с более элитаристской риторикой, ориентированной на эпатаж в СМИ [Sung-Eun Shim, 2022].

Особую угрозу представляют ультраправые идеи, проникающие в полицию и армию. В опросах отмечается растущая поддержка этих идей среди правоохранителей. Например, на выборах 2022 г. в Сатори, военной базе в Версале, М. Ле Пен и Э. Земмур набрали почти 60 % голосов, как сообщает Le Canard Enchaîné [Police, gendarmerie ...]. Такое проникновение вызывает беспокойство, поскольку оно уже влияет на работу полиции и управление общественным порядком во время акций протеста и осуществления мер по обеспечению порядка. Некоторые полицейские профсоюзы, такие как France Police – Policiers en Colère, открыто занимают позиции, близкие к маргинальным ультраправым (многие из которых носят откровенно профашистскую или пронацистскую ориентацию), яростно критикуя политику общественной безопасности сменяющих друг друга правительств и призывая к более репрессивным мерам

и нередко прибегая к помощи неофашистских дружинников в подавлении акций протеста и беспорядков.

Подводя итоги, можно констатировать, что ретроспективный анализ позволил понять, как социальные и экономические изменения во Франции, такие как глобализация, миграционные кризисы и системные ошибки в экономике, способствовали видоизменению движения. Кроме того, благодаря анализу было выявлено, почему современные ультраправые организации опираются на эгалитаризм, велфаризм, экологизм, укрепление национального суверенитета, легальные методы политической борьбы, политическую канонизацию демократических ценностей.

Рассмотрев направления роста, спада, пики и электоральные ямы циклов популярности праворадикального движения, можно обнаружить спад и период стагнации, приходящийся на 1945–1986 гг. Однако на графике, приведенном ниже (рисунок 1), можно отметить некоторые всплески роста. Связаны они, как правило, с кризисными состояниями общества, умело используемыми радикалами в своих интересах во все времена, а также появлением харизматических лидеров, которые могли на время примирить атомизированные экстремистские организации и привлечь к своей фигуре избирателей. В этот период, однако, не находилось стройной, устойчивой структуры, которая могла бы объединить ведущие праворадикальные группы в «один кулак» и направить их в единое политическое русло.

Рис. 1. Циклы электоральной популярности праворадикальных партий

Особенностями роста популярности ультраправых в начале XX в. и в настоящий период являются: пред- и посткризисное состояние общества, упадок доверия и престижа традиционных политических сил (которые в середине XX в. были в полном расцвете под руководством голлистов, республиканцев и социалистов), дестабилизация системы международных отношений (три всплеска которых хорошо коррелируют с динамикой популяризации движения: после крушения социалистического блока, арабской весны и текущих событий в Украине), вялотекущий социальный кризис, связанный с французской идентичностью и безопасностью.

Сейчас же цикл превзошёл прошлый благодаря своему устойчивому мирному развитию (чего не было позволено прошлому из-за Второй мировой войны), более умелой кадровой политике, способностью пользоваться самыми современными медиатехнологиями, более развитым популистским механизмом, и, до недавнего времени,

раскола и пробуксовки левого движения, от которого в рабочей и сельской среде ультраправые «оторвали» огромную долю электората.

В 2000-х в стране начался новый цикл роста популярности крайне правых, впервые, в национальном масштабе, после 1940-х гг. Обозначенные тенденции указывают, что он еще не достиг своего пика, и непросто сказать, когда и чем он кончится, но ввиду сопутствующих обстоятельств есть вероятность, что политика Франции в ближайшем десятилетии будет ещё больше поляризована, а в ближайшие два электоральных цикла стоит ожидать начало периода доминирования ультраправых во главе с НО в органах законодательной и исполнительной власти.

Во время выхода статьи этот сценарий либо уже сбывался, либо сбывается на наших глазах. С 6 по 9 июня 2024 г. в странах ЕС прошли выборы в Европарламент. По его результатам в французской группе депутатов ультраправые получили небывалое прежде представительство, обогнав ближайших

соперников из «возрождения» в два раза по полученным голосам [Macron dissout l'Assemblée ...]. Сразу после этого президент страны Макрон объявил о роспуске Национальной ассамблеи и проведении досрочных выборов, в два тура – 30 июня и 7 июля 2024 г., соответственно.

Результатом досрочных выборов стал ожидаемый электоральный фурор, произведённый «Национальным объединением». 33,21 % голосов, набранных в первом туре, и 37,06 % во втором, что опережает их ближайших соперников из объединённой коалиции левых партий «Новый народный фронт» (ННФ) на 5 % в первом и 11 % во втором соответственно. Лишь мажоритарная избирательная система, объединение левых партий и тактический союз ННФ и макронистов не позволили совершиться прогнозируемому разгрому политических оппонентов правых радикалов на выборах.

Чисто тактическая победа со стороны противников НО, однако, не снимает всю важность этих выборов для радикалов. Они доказали, что являются самой популярной силой страны с наибольшей долей поддержки среди населения. Их неудача по обеспечению своего представительства в парламенте из-за технических барьеров в виде избирательной системы государства потенциально радикализирует массы, что может в обозримом будущем привести к скачку политического насилия, утрате доверия избирателей к демократическим и выборным институтам, вызвать волну уличных столкновений, социально-политическую дестабилизацию и появление экстремистских группировок.

Более того, ультраправых не стоит списывать со счетов и в текущем парламентском собрании. Коалиция Макрона, несмотря на пророчимый ей крах,

смогла в нём удержаться, сохранив за собой достаточно мест, чтобы оставаться второй по значимости силой. Учитывая опыт прошлых выборов, незадолго после которых коалиция, наподобие ННФ распалась, стоит ожидать, что противоречия конкурирующих левых сил в итоге также могут расколоть фронтистов. Это позволит «Ренессансу» занять лидирующее место в новом парламенте и успешно лавировать между левыми и правыми для сохранения своих позиций. При потенциальном расколе коалиции левых или возникновении непримиримых разногласий между социалистами и Макроном, «Ренессанс», хоть и маловероятно, но вполне может пойти на сотрудничество или даже парламентский альянс с партией Марин Ле Пен и Жордана Барделла.

Выводы и прогнозы

Появление новых движений и лидеров, продолжающаяся адаптация их дискурса и политических практик позволяют предположить, что правые радикалы в обозримом будущем начнут играть центральную роль на французской политической сцене. Эволюция правых и ультраправых во Франции за последние несколько десятилетий свидетельствует о глубоких потрясениях в обществе и неустойчивости института власти. Эти движения не только стали более заметными и влиятельными, но трансформировали свою аксиологию и переориентировали стратегии, чтобы заручиться поддержкой растущей части электората.

Анализ идейно-теоретической и информационной политики крайне правых показывает, что во многом дальнейший успех популяризации движения опирается на усиление их популизма. Сейчас она представляет собой заикленность

на национализме, конфронтации между суверенитетом и глобализацией, государственной безопасности, ксенофобии, защите традиционных ценностей, таких как семья и религия. Но что значительно важнее – на увеличении роли автаркии, экологизма, социального обеспечения коренного населения. Таким образом, на наших глазах смещается акцент с шовинизма на вопросы экономики, защищённости и социальной справедливости, что в случае общественного кризиса или системных ошибок в экономике повлечёт за собой продвижение своих контрэлит, позиционирующихся как более профессионально пригодная альтернатива текущему истеблишменту.

В ходе проведенного исследования ретроспективный анализ позволил проследить изменения в праворадикальном движении, начиная с ранних форм, имевших более радикальные и антидемократические черты, относительно современного, умело адаптирующего свою риторику и стратегию под изменяющиеся политические и социальные условия, чтобы стать легитимной политической силой.

Ультраправый популизм претерпел несколько этапов значительной трансформации за сто лет, минувших с его последнего бума. Сегодня он заметно отличается от своего исторического аналога с точки зрения идеологического оформления, политических стратегий и акцентов. Старые партии активно выставляли свой радикализм, инаковость, опирались на маргинальные концепции и авторов для распростра-

нения своих идей, активно проповедовали элитаризм, изоляционизм, жёсткую автаркию, обструкционизм политических систем, нескрываемые призывы к нужде авторитарных методов управления обществом и воспевали интеллигенцию, рабочих и крестьян. Это значительно отличает их от последующих итераций.

В связи с этим следует признать, что налицо опасность, идущая от тенденций роста популярности ультраправых как во Франции, так и во всей Европе. В Италии и Нидерландах к власти уже пришли ультраправые правительства, на очереди стоят Франция, Германия, Бельгия, Испания, Чехия и другие. Некоторые исследователи также заявляют об экстернализации опыта европейских правых радикалов, то есть проникновении их идей и практик в те регионы, где они традиционно не приживались [Gattinara, 2020]. Влияние ультраправого движения в Европе распространяется с большой скоростью, что зависит от решительности лидеров партий, степени поляризации общества и состояния международных отношений. Поэтому в обозримом будущем можно ожидать либо крупный социально-политический кризис, связанный с противостоянием ультраправого движения и блока «народного фронта» (если говорить условно), как это сейчас происходит во Франции, либо адаптацию радикалов к реалиям умеренной политики, а также массовую дерадикализацию по мере встраивания во властные институты.

Библиографический список

1. Берри Ф. Фашизм во Франции. Ленинград : Прибой, 1927. 101 с.
2. Бурлаков А. Н. Маршал Петен и Гитлер: встреча в Монтуре // Преподаватель XXI век. 2016. №1. С. 262–272.

3. Бурмистрова Е. С. Традиционные ценности в дискурсе французских правых популистов: пример партии «Национального объединения» // Вестник РУДН. Политология. 2022. Том 2, №24. С. 221–233.
4. Гришель А. М. Взаимоотношения католической церкви и ультраправого национального фронта во Франции // Религия и общество – 11. Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. С. 13–15.
5. Красикова Л. В. Трансформация Евроскептицизма партии «Национальное объединение» (2017–2022) // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. №3/2022. С. 91–103.
6. Лафлин М. Историография французского фашизма: «Национальный фронт» – аватар сегодняшнего дня? // Берегиня. 777. Сова. №4. Воронеж: «Научно-исследовательский центр «Еврошкола», 2014. С. 328–340.
7. Моррас Ш. Фрагменты. Об Англии, Германии, Франции и монархии. Москва : Тотенбург, 2018. 218 с.
8. Скривел К. Новые медиа как инструмент политической коммуникации Марин Ле Пен // МедиаАльманах. 2022. №5. С. 104–114.
9. Стрелец И. Э. Личность лидера и политическая среда: персонологический подход к политическому лидерству Марин Ле Пен // Личность в пространстве и времени : сборник научных статей V Международной научно-практической конференции / под ред. Н. П. Сенченкова, К. Е. Кузьминой, И. В. Морозиковой. Вып.5. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2015. С. 194–199.
10. Тимофеев П. П. «Национальное объединение» в Национальном собрании Франции: может ли разрушитель быть созидателем? // Актуальные проблемы Европы. 2023. №4. С. 177–195.
11. Чернега В. Н. Правые во Франции: эволюция от «партии власти» к угрозе маргинализации // Актуальные проблемы Европы. Москва : ИНИОН РАН, 2023. С. 155–176.
12. Штернхель З. Рождение фашистской идеологии / З. Штернхель, М. Шнайдер, М. Ашери. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2022. 800 с.
13. 2014 Election results: European elections [2014]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/elections2014-results/en/country-results-fr-2014.html> (дата обращения: 18.06.2024).
14. 2024 Election results: European elections. [2024] URL: <https://results.elections.europa.eu/en/france/> (дата обращения: 10.06.2024).
15. Darbaidze E. The rise of the right-wing political forces in France and the successful rebranding of the National Rally: ResearchGate. [2023]. URL: https://www.researchgate.net/publication/375164354_The_Rise_of_the_Right-Wing_Political_Forces_in_France_and_the_Successful_Rebranding_of_the_National_Rally (дата обращения: 07.06.2024).
16. Farhan A. The rise of ecofascism: climate change and the far right // International Affairs. 2024. Vol 1, №100. P. 438–439.
17. Gattinara P. C. The study of the far right and its three E's: why scholarship must go beyond Eurocentrism, Electoralism and Externalism // French Politics. 2020. Vol 2, №18. P. 314–333.

18. Generation Hate: French far right's violence and racism exposed: Al Jazeera. [2018]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/12/9/generation-hate-french-far-rights-violence-and-racism-exposed> (дата обращения: 08.06.2024).
19. Joly B. L'évolution de Paul Déroulède et de la Ligue des patriotes (1900-1913) // Mil neuf cent. Revue d'histoire intellectuelle. 2001. Vol. 19, №1. P. 109-117.
20. Kim S. Far-right local governments and civil society: Findings from France and Italy // Political Studies Review. Vol 1, №21, 2022. С. 183–189.
21. Les candidats du RN: Contre Attaque. [2024]. URL: <https://contre-attaque.net/2024/06/29/les-candidats-du-rn/> (дата обращения: 30.06.2024).
22. Macridis R. C., Brown B. E. The De Gaulle Republic. Belmont, The Dorsey Press, INC, 1960. 419 p.
23. Macron dissout l'Assemblée: l'extrême droite au pouvoir dans un mois ? : Contre Attaque [2024]. URL: <https://contre-attaque.net/2024/06/09/macron-dissout-lassemblee-lextreme-droite-au-pouvoir-dans-un-mois/> (дата обращения: 10.06.2024).
24. Mayer N. From Jean-Marie to Marine Le Pen: Electoral Change on the Far Right // Parliamentary Affairs. 2013. Vol 1, №66. P. 160–178.
25. Millington C. A history of fascism in France: From the First World War to the National Front. London: Bloomsbury Academic, 2019. 256 p.
26. Mondon A. The mainstreaming of the far right in France: Republican, liberal and illiberal articulations of racism // Political Studies Review. 2023. Vol 3, №34. P. 329–339.
27. Occupation de la mosquée à Poitiers en 2012: la provocation à la haine raciale prescrite : La Nouvelle République. [2020] URL: <https://www.lanouvellerepublique.fr/poitiers/occupation-de-la-mosquee-a-poitiers-en-2012-la-provocation-a-la-haine-raciale-prescrite> (дата обращения: 08.06.2024).
28. Police, Gendarmerie: L'extrême Droite Déjà au Pouvoir ? : Contre Attaque. [2022]. URL: <https://contre-attaque.net/2022/04/14/police-gendarmerie-lextreme-droite-deja-au-pouvoir/> (дата обращения: 21.05.2024).
29. Publication des candidatures et des résultats aux élections : Ministère de l'Intérieur. [2024]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.782ee74b-668bda4e-cbd3c672-74722d776562/https/www.resultats-elections.interieur.gouv.fr/legislatives2024/ensemble_geographique/index.html (дата обращения: 08.07.2024).
30. Remon R. The right wing in France from 1815 to De Gaulle. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1966. 452 p.
31. Soucy R. French Fascism: the First Wave 1924-1933. New Haven and London: Yale University Press, 1986. 276 p.
32. Soucy R. French fascism: the second Wave 1933-1939. New Haven and London: Yale University Press, 1995. 352 p.
33. Sung-Eun Shim Why does France turn to be far-rightist?: Reconquête as a niche party faced with RN // Korean Society for European Integration. 2022. Vol 3, №12. P. 149–188.
34. Why the far-right is increasingly getting into power across Europe: Euronews. [2023]. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2023/06/19/why-the-far-right-is-increasingly-getting-into-power-across-europe> (дата обращения: 08.06.2024).

Reference list

1. Berri F. *Fashizm vo Francii = Fascism in France*. Leningrad : Priboj, 1927. 101 s.
2. Burlakov A. N. *Marshal Peten i Gitler: vstrecha v Montuare = Marshal Pétain and Hitler: Meeting at Montoir // Prepodavatel' XXI vek*. 2016. №1. S. 262–272.
3. Burmistrova E. S. *Tradicionnye cennosti v diskurse francuzskih pravyh populistov: primer partii «Nacional'nogo ob#edinenija» = Traditional values in the discourse of the French right-wing populists: an example of the National Rally party// Vestnik RUDN. Politologija*. 2022. Tom 2, №24. S. 221–233.
4. Grishel' A. M. *Vzaimootnoshenija katolicheskoj cerkvi i ul'trapravogo nacional'nogo fronta vo Francii = Relationship between the Catholic Church and the far-right national front in France // Religija i obshhestvo – 11. Mogiljov : MGU im. A. A. Kuleshova*, 2017. S. 13–15.
5. Krasikova L. V. *Transformacija Evroskepticizma partii «Nacional'noe ob#edinenie» (2017–2022) = Transformation of Euroscepticism of the National Association Party (2017–2022)// Analiz i prognoz. Zhurnal IMJeMO RAN*. 2022. №3'2022. S. 91–103.
6. Laflin M. *Istoriografija francuzskogo fashizma: «Nacional'nyj front» – avatar segodnjashnego dnja? = Historiography of French fascism: “National Front” – avatar of today?// Bereginja*. 777. Sova. №4. Voronezh: «Nauchno-issledovatel'skij centr «Ev-roshkola», 2014. S. 328–340.
7. Morras Sh. *Fragmenty. Ob Anglii, Germanii, Francii i monarhii = Fragments. About England, Germany, France and the monarchy*. Moskva : Totenburg, 2018. 218 s.
8. Skrivel K. *Novye media kak instrument politicheskoj kommunikacii Marin Le Pen = New media as a tool of political communication Marine Le Pen // Medi-aAl'manah*. 2022. №5. S. 104–114.
9. Strelec I. Je. *Lichnost' lidera i politicheskaja sreda: personologicheskij podhod k politicheskomu liderstvu Marin Le Pen = The personality of the leader and the political environment: a personological approach to the political leadership of Marine Le Pen // Lichnost' v prostranstve i vremeni : sbornik nauchnyh statej V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. N. P. Senchenkova, K. E. Kuz'minoy, I. V. Morozikovoj. Vyp.5. Smolensk : Izd-vo SmolGU*, 2015. S. 194–199.
10. Timofeev P. P. *«Nacional'noe ob#edinenie» v Nacional'nom sobranii Francii: mozhet li razrushitel' byt' sozidatelem? = “Rassemblement National” at the French National Assembly: Can a Destroyer Be a Creator? // Aktual'nye problemy Evropy*. 2023. №4. S. 177–195.
11. Chernega V. N. *Pravye vo Francii: jevoljucija ot «partii vlasti» k ugroze marginalizacii = France's right: Evolution from 'party in power' to threat of marginalization // Aktual'nye problemy Evropy*. Moskva : INION RAN, 2023. S. 155–176.
12. Shternhel' Z. *Rozhdenie fashistskoj ideologii = The birth of fascist ideology / Z. Shternhel', M. Shnajder, M. Asheri. Sankt-Peterburg : Vladimir Dal'*, 2022. 800 s.
13. 2014 Election results: European elections. URL: <https://www.europarl.europa.eu/elections2014-results/en/country-results-fr-2014.html> (data obrashhenija: 18.06.2024).
14. 2024 Election results: European elections. URL: <https://results.elections.europa.eu/en/france/> (data obrashhenija: 10.06.2024).
15. Darbaidze E. *The rise of the right-wing political forces in France and the successful rebranding of the National Rally: ResearchGate*. [2023]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/368111111>

https://www.researchgate.net/publication/375164354_The_Rise_of_the_Right-Wing_Political_Forces_in_France_and_the_Successful_Rebranding_of_the_National_Rally (data obrashhenija: 07.06.2024).

16. Farhan A. The rise of ecofascism: climate change and the far right // *International Affairs*. 2024. Vol 1, №100. P. 438–439.

17. Gattinara P. C. The study of the far right and its three E's: why scholarship must go beyond Eurocentrism, Electoralism and Externalism // *French Politics*. 2020. Vol 2, №18. P. 314–333.

18. Generation Hate: French far right's violence and racism exposed: Al Jazeera. [2018]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/12/9/generation-hate-french-far-rights-violence-and-racism-exposed> (data obrashhenija: 08.06.2024).

19. Joly B. L'évolution de Paul Déroulède et de la Ligue des patriotes (1900-1913) // *Mil neuf cent. Revue d'histoire intellectuelle*. 2001. Vol. 19, №1. P. 109-117.

20. Kim S. Far-right local governments and civil society: Findings from France and Italy // *Political Studies Review*. Vol 1, №21. 2022. S. 183–189.

21. Les candidats du RN: Contre Attaque. [2024]. URL: <https://contre-attaque.net/2024/06/29/les-candidats-du-rn/> (data obrashhenija: 30.06.2024).

22. Macridis R. C., Brown B. E. *The De Gaulle Republic*. Belmont, The Dorsey Press, INC, 1960. 419 p.

23. Macron dissout l'Assemblée: l'extrême droite au pouvoir dans un mois ? : Contre Attaque [2024]. URL: <https://contre-attaque.net/2024/06/09/macron-dissout-lassemblee-lextrême-droite-au-pouvoir-dans-un-mois/> (data obrashhenija: 10.06.2024).

24. Mayer N. From Jean-Marie to Marine Le Pen: Electoral Change on the Far Right // *Parliamentary Affairs*. 2013. Vol 1, №66. P. 160–178.

25. Millington S. *A history of fascism in France: From the First World War to the National Front*. London: Bloomsbury Academic, 2019. 256 p.

26. Mondon A. The mainstreaming of the far right in France: Republican, liberal and illiberal articulations of racism // *Political Studies Review*. 2023. Vol 3, №34. P. 329–339.

27. Occupation de la mosquée à Poitiers en 2012: la provocation à la haine raciale prescrite : La Nouvelle République. [2020]. URL: <https://www.lanouvellerepublique.fr/poitiers/occupation-de-la-mosquee-a-poitiers-en-2012-la-provocation-a-la-haine-raciale-prescrite> (data obrashhenija: 08.06.2024).

28. Police, Gendarmerie: L'extrême Droite Déjà au Pouvoir ? : Contre Attaque. [2022]. URL: <https://contre-attaque.net/2022/04/14/police-gendarmerie-lextrême-droite-deja-au-pouvoir/> (data obrashhenija: 21.05.2024).

29. Publication des candidatures et des résultats aux élections : Ministère de l'Intérieur. [2024]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.782ee74b-668bda4e-cbd3c672-74722d776562/https/www.resultats-elections.interieur.gouv.fr/legislatives2024/ensemble_geographique/index.html (data obrashhenija: 08.07.2024).

30. Remon R. *The right wing in France from 1815 to De Gaulle*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1966. 452 p.

31. Soucy R. *French Fascism: the First Wave 1924-1933*. New Haven and London: Yale University Press, 1986. 276 p.

32. Soucy R. French fascism: the second Wave 1933-1939. New Haven and London: Yale University Press, 1995. 352 p.

33. Sung-Eun Shim Why does France turn to be far-rightist?: Reconquête as a niche party faced with RN // Korean Society for European Integration. 2022. Vol 3, №12. P. 149–188.

34. Why the far-right is increasingly getting into power across Europe: Euronews. [2023]. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2023/06/19/why-the-far-right-is-increasingly-getting-into-power-across-europe> (data obrashhenija: 08.06.2024).

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 18.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 25.09.2024; approved after reviewing 18.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Научная статья
УДК 93/94
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-4-25-92
EDN: RITMDN

**Традиции и новации в политике Петра I в отношении молодых дворян:
мировоззренческие установки**

Елена Леонидовна Сараева

Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль
els5656@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>

Аннотация. Проблема формирования мировоззренческих установок, значимых для власти и личности, является актуальной для современного общества. Понимание ими ориентиров развития России в условиях внешних вызовов объединяет усилия государства и социальных групп по решению насущных и долговременных задач, используя потенциал своего отечества. Для современной власти и общества важен опыт предшественников, в том числе Петра Великого, который смог мобилизовать дворян и другие социальные группы на решение внешнеполитических, социокультурных, экономических задач.

В статье приведены разные точки зрения историков на методы воздействия государя на дворян и итоги политики власти в этом направлении. Источниковую базу исследования составили эпистолярное наследие Петра I и законодательные акты первой четверти XVIII в., опубликованные в различных собраниях и сборниках. Исследователи признают законы инструментами политики Петра Великого, который выстраивал социально-политическое взаимоотношение в стране на основе правовых норм. Указы транслировали подданные ценности, идеи самодержца.

Использование дискурсивного метода изучения текстов императора позволило выявить их аксиологическую составляющую, прежде всего, политические ценности, определявшие взаимоотношения правителя с подданными. Анализ источников позволил выяснить требования самодержца к подданным: учитывать свой статус, определенный законами, – подданство, рабство, и воспринять моральные основы служения государю и государству: верность, честность, совестливость.

В заключении выделены традиционные и новые черты в политике Петра в отношении молодого дворянства.

Ключевые слова: Петр I; Россия в первой четверти XVIII в.; русское дворянство; самодержавие; подданные; традиционные дворянские ценности; Юности

честное зеркало; российское законодательство; государственное сознание; Артикул воинский 1715 г.; Генеральный регламент

Для цитирования: Сараева Е. Л. Традиции и новации в политике Петра I в отношении молодых дворян: мировоззренческие установки // Социально-политические исследования. 2024. № 4 (25). С. 92-111. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-92>. <https://elibrary.ru/RITMDN>.

SOCIO-POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Original article

Traditions and innovations in the policy of Peter I to young nobles: worldview attitudes

Elena L. Saraeva

Doctor of historical sciences, professor at department of russian history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
els5656@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>

Abstract. The problem of formation of worldview attitudes significant for power and personality is relevant for modern society. Their understanding of the guidelines for the development of Russia in the face of external challenges unites the efforts of the state and social groups to solve urgent and long-term problems, using the potential of their homeland. For modern government and society, the experience of predecessors is important, including Peter the Great, who was able to mobilize nobles and other social groups to solve foreign policy, socio-cultural, and economic problems.

The article provides different points of view of historians on the methods of the sovereign's influence on the nobles and the results of the government's policy in this sphere. The source base of the study was the epistolary heritage of Peter I and the legislative acts of the first quarter of the XVIII century, published in various collections and works. Researchers recognize laws as instruments of the policy of Peter the Great, who built socio-political relations in the country on the basis of legal norms. Decrees broadcast subjects of values, ideas of the autocrat.

The use of a discursive method of studying the texts of the emperor made it possible to identify their axiological component, primarily political values, which determined the relationship of the ruler with his subjects. The analysis of the sources made it possible to find out the autocrat's requirements for subjects: to take into account his status determined by laws – citizenship, slavery, and to perceive the moral foundations of serving the sovereign and the state: loyalty, honesty, conscientiousness.

The conclusion highlighted traditional and new features in Peter's policy towards the young nobility.

Key words: Peter I; Russia in the first quarter of the XVIII century; Russian nobility; autocracy; subjects; traditional noble values; Youth is an honest mirror; Russian legislation; state consciousness; Article military of 1715; General Regulations

For citation: Saraeva E. L. Traditions and innovations in the policy of Peter I to young nobles: worldview attitudes. *Social and political researches*. 2024;4(25): 92-111. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-92>. <https://elibrary.ru/RITMDN>.

Введение

Взаимоотношения российской власти и общества – актуальная тема в отечественной исторической науке. Ее анализ позволяет осознать мировоззренческие основы прочности государственности в определенные периоды истории и ее ослабления в другие. Политика Петра I, не поддержанная изначально представителями родовитой аристократии и церкви, в конце его царствования воспринималась дворянами как патриотическая, поскольку удалось создать Великую Россию.

Проблематика дискуссии о политике Петра I и ее последствиях обширная. Одна из основных ее тем – оценка внутреннего потенциала России в конце XVII в. и значимости для страны того времени обращения к европейскому опыту. Длительная дискуссия о причинах, целях и последствиях преобразований Петра I, определяемая различными идейно-ценностными позициями мыслителей и историков, привела к формированию несхожих концепций реформаторской деятельности государства в первой четверти XVIII в. Традиционалисты, доказывавшие, что Россия имела свой внутренний потенциал развития, определявший своеобразие ее исторического пути, были убеждены, что Петр I недооценивал русскую культуру и традиции, восторженно относился к Европе, под влиянием современников-иностранцев стал навязывать стране чуждые нормы, ценности, убеждения, модели развития, уподобляя отечество западным странам [Хомяков, 1900].

Сторонники трансформирования страны в общество, создававшее возможности для самореализации личности, доказывали, что быстрые реформы на основе европейского опыта были необходимы, поскольку страна отстала от ведущих западных стран, бросивших свой вызов России, на который она не смогла бы дать должный ответ и сохранить свой суверенитет без учета достижений более развитых государств. Они утверждали, что Петр I действовал в интересах отечества [Белинский, 1981; Кавелин, 1989].

Полагаем, что дискуссия в значительной степени вызвана разными оценками экономических и социокультурных ресурсов России на рубеже XVII–XVIII вв., в том числе готовностью высшего сословия участвовать в преобразованиях.

В либеральной отечественной историографии второй половины XIX – начала XX в. преобладали две точки зрения на политику Петра в отношении дворянства. Первая развита в текстах В. О. Ключевского. Он назвал мероприятия этого самодержца в отношении дворян «малоуспешными», поскольку дворяне продолжали обходить нормы законов, были ограничены в правах, оставались рабами государя, поэтому не могли быть инициативными управленцами, гвардия стала «слепым орудием» Петра I, его вооруженной опорой [Ключевский, 1989, с. 67, 68]. Вторая точка зрения представлена в работах М. М. Богословского, считавшего, что Петр законодательными мерами содействовал образованию дворян, а оно способствовало знаком-

ству с иностранцами и росту интереса к западной культуре [Богословский, 2003; Богословский, 1906].

Большинство современных специалистов характеризуют цели и направления политики Петра I, анализируя законодательство первой четверти XVIII в. Историки раскрыли содержание указов Петра I в отношении дворян. Наиболее подробную характеристику изменения социального положения дворянства дал Е. В. Анисимов [Анисимов, 2009]. Он выделил тенденцию резкого усиления власти государя над дворянами, обременения их более тяжелыми обязанностями; результатом политики стало создание из дворян «военно-бюрократической корпорации»; основой многих российских законов были документы «развитых стран Европы» [Анисимов, 2009, с. 272–288]. Анисимова в политике государя преимущественно интересовали сословные права дворян. Большинство историков, в том числе Ю. М. Овсянников, акцентировало внимание на насильственных методах петровских преобразований, поскольку, по мнению государя, люди без принуждения не будут воспринимать «новое дело» [Овсянников, 2008, с. 159]. Тема сословной политики Петра Великого остается в проблематике историков. В статье В. В. Дзюбана сделана заявка на изучение социальной политики первого российского императора, но, к сожалению, эта тема в данной работе не получила должного развития [Дзюбан, 2020].

Полагаем, что недостаточный интерес специалистов к идейному обоснованию политики Петра I был вызван мнением о государе начала XVIII в. как деятеле-практике, принимавшем решения по ситуации. С этой точкой зрения не согласен Д. А. Редин. Он доказыва-

ет, что «представления о неспособности русского царя к концептуальным обобщениям» – это недооценка интеллектуальных способностей первого российского императора [Редин, 2020, с. 53]. Он привел аргументы в пользу оценки Петра Великого как монарха, обладавшего «достаточным интеллектуальным потенциалом» для определения целей и методов преобразований [Редин, 2020, с. 55].

В последние два десятилетия вырос интерес историков к изучению идеологического оформления Петром I своей политики. Е. Н. Марасинова объясняет использование властью насильственных методов решения своих задач мобилизационным вариантом развития России, когда государство, обладая недостаточными ресурсами, было вынуждено принуждать население страны [Марасинова, 2008]. Изучая составляющие государственной идеологии в России XVIII в., она пришла к выводу, что в петровскую эпоху был создан механизм «воздействия на сознание многонациональной элиты», одним из элементов которого стали законодательные акты [Марасинова, 2008, с. 80–81]. Анализ современными историками основ духовно-нравственного воспитания, а также образования в эпоху Петра I позволил прийти к выводу, что государь задумал «духовную трансформацию русского общества», повел борьбу с лицемерием и ханжеством [Крашенинникова, 2022, с. 34, 47]; меры государя по открытию школ были поддержаны современниками, понимавшими их необходимость [Тихонова, 2022]; к «числу наиболее значимых качеств Петр I относил благочестие, патриотизм, дисциплинированность, храбрость, самообладание, воинскую честь» [Фетулова, 2022, с. 50]. О. С. Гилязова утверждает, что в

ходе реформ Петра I произошел разрыв социокультурной матрицы, которая проявилась в развитии дворянско-интеллигентской культуры, отличной от православно-народной [Гилязова, 2024, с. 27].

Филологи анализируют лексику Петра I. И. В. Колчева выявила постепенное формирование единых лексических норм в петровскую эпоху, светско-делового стиля общения государя с представителями администрации [Колчева, 2000]. К сожалению, предметом данного исследования не стали нормы лексики монарха о дворянстве.

Особенности оценки политики Петра I в современной англо-американской историографии выявлены в работе Я. В. Пуневского [Пуневский, 2022]. Общей чертой концепций американских и британских ученых он считает их представление о том, что Петр стремился быстро европеизировать традиционную Россию. В книге профессора университета Иллинойса Дж. Кракрафта “The Revolution of Peter the Great” Пуневский выделил мысль историка о ментальной революции, осуществленной Петром I, основа которой заключалась в развитии научного секулярного мышления, однако «эта ментальная революция произошла лишь в небольшой группе петровской элиты» [Пуневский, 2022, с. 1462].

В большинстве работ по заявленной теме не акцентируется внимание на развитии Петром I государственного сознания молодых дворян. С нашей точки зрения, в исторической литературе недостаточно изучены идеологические основы политики Петра I в отношении дворянства. *Новизна* данного исследования заключается в анализе сформулированных Петром I мировоз-

зренческих установок, которые необходимо было усвоить молодым дворянам, а также в выявлении традиционных и новых черт политики государя в отношении высшего сословия. Необходимо проанализировать деятельность Петра I по формированию государственного сознания молодых дворян.

Источниками по данной теме являются российские законы первой четверти XVIII в., письма Петра I.

Методы исследования

Исследование выполнено в контексте современных подходов – культурно-исторического, системно-деятельностного, аксиологического, требующих раскрывать возможности самореализации личности в конкретных исторических условиях, мотивы деятельности, воздействия социальной среды на личность, характеризовать потенциал, который использует историческое лицо, его систему ценностей.

Результаты исследования

Выстраивание отношений Петра I с дворянством

Выстраивание отношений государя с подданными в первой четверти XVIII в., с нашей точки зрения, должно оцениваться в контексте российской политической культуры, формировавшейся веками, со времени Ивана III. Ее стержень – идея права монарха определять путь развития России. Это представление о власти было укоренено в сознании правителей и социальных групп. Петр I был носителем этой идеи и никогда не сомневался в ее справедливости. Можно утверждать, что Петр I, задумавший преобразования, осознанно решал задачу выстраивания отношений с подвластными ему людьми в контексте своих представлений о национальных ориентирах раз-

вития страны, раскрывая их значение для страны и заставляя воспринимать его идеи. Он реализовывал потенциал самодержавной власти для решения своих задач.

Петр I изначально вынужден был использовать традиционные ресурсы страны, воспроизводя ранее определенные требования к дворянам. В последние пятнадцать лет своего царствования он стал активно влиять на сознание дворян, формируя новые смыслы их жизнедеятельности, актуализируя лучшие традиционные ментальные установки. Он первым из государей стал объяснять основные цели своей политики, надеясь на их понимание населением страны, в поддержке которого он нуждался. Действенным способом решения этой задачи было издание законов, определявших права и обязанности подданных, и переписка с офицерами и чиновниками.

Петр I воспринял идею законности, развиваемую европейскими мыслителями. Он был намерен регулировать законами деятельность государственных учреждений и социально-экономические отношения. В его восприятии правовых актов был элемент русской политической ментальности: волю самодержца нельзя оспаривать и не исполнять подданными. Письменное законодательство, с его точки зрения, должно было ограничивать произвол чиновников, помогать в борьбе с нежеланием обывателей принимать во внимание государственные интересы. В традиции российского законодательства XVIII в., начиная с эпохи Петра I, было объяснение причин и целей издания указов для раскрытия задач деятельности государства.

Петр использовал законы и для укрепления своей власти. Следует обратить внимание на некоторые изменения

в представлении статуса монарха в первых строках указов. В период регентства царевны Софьи Алексеевны нередко издавались указы, в которых звучал только один титул «Великие Государь»: «Великие Государь и Великая Государыня Царевна» [Петр I, 2013, с. 16, 23]. В первые годы царствования Петра законы начинались традиционно с воспроизведения основной части его титула: «Великий Государь» [О печатании газет ... , 2013, с. 117]. Однако в 1710-е гг. во многих указах преобладали уже титулы царь и самодержец, указывавшие на абсолютный характер его власти. Если в законах 1680–1690-х гг. нередко перечислялись социальные группы в порядке уменьшения их статуса (бояре, окольные, думные и приказные чины, дворяне московские, жильцы, городовые дворяне и т. д.), то в 1710-е гг. все люди в стране назывались «подданными». Это означало, что для царя было важно не их место в социальной иерархии, а подчинение самодержцу. Указ о единонаследии от 23 марта 1714 г. начинался с четкого определения разницы в статусах монарха и подданных, последние обязаны были помнить о своей зависимости от монарха, а следовательно, исполнять нормы закона. «Мы, Петр первый, царь и самодержец всероссийский и протчая, и протчая, и протчая. Объявляем сей указ всем подданным нашего государства, какого чину и достоинства оные ни есть» [О порядке наследования ... , 1830, с. 91–94]. Стилистика указа не оставляла сомнений в том, что дворянам напоминали, что они подданные государя и обязаны выполнять пункты его закона вне зависимости от их знатности. Во многих указах государя последнего десятилетия отдельно отмечалось, что их нормы написаны для всех дворян, прежде всего, молодых.

Царь Алексей Михайлович в Соборном уложении 1649 г. провозгласил о своем самодержавии, но реально оставался «тишайшим». Его сын Петр I на практике утверждал свое всевластие, формировал сознание подданных как слуг, а в прошениях требовал называть себя рабами, подчиняя себе. Во всех законах воля государя определялась как непреклонная. Петр I намеренно в нормативных актах подчеркивал самодержавный характер своей власти, указывая статус жителей страны как лично от него зависимых.

Законодательным путем Петр I укреплял самодержавие, наделявшее его неограниченной властью. Артикул Воинский 1715 г. называл монарха «самовластным». «Власть и сила» в стране принадлежали только «Его Царскому Величеству», могущему наделять начальников правом распоряжаться: «Его Величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воли и благомнению управлять» [Артикул воинский, 1961, с. 324–325]. Этим правовым актом утверждалась, что царь обладает самовластием, имеет волю самостоятельно принимать решения, возможность никому отчета в своих действиях не давать. Петр I не только закреплял неограниченную власть, но и объяснял национально ориентированный ее характер. Целью самодержца, утверждалось в законе, было обеспечение блага государства, понимаемое как независимость и благополучие. Петр I ясно объяснил всем военным из разных сословий, что порядок в стране будет наводить государь, имеющий право определять судьбу страны и подданных.

Главное требование к воинским чи-

нам всех рангов – послушание: «...в Его Царского Величества службе суть, послушны быть» [Артикул воинский, 1961, с. 325]. Петр настаивал на повиновении, регламентации всех сторон жизни в государстве. Артикул воинский и Табель о рангах насаждали чиновничество, но прежде всего, преданность царю.

Военно-правовое законодательство содержало немало статей, обязывавших защищать царя, а помыслы и деяния против него наказывались смертной казнью и конфискацией имущества: «Арт. 19. Если кто подданный войско вооружит или оружие предпримет против Его Величества, или умышлять будет помянутое Величество полонить или убить, или учинить ему какое насильство, тогда имеют тот и все оные, которые в том вспомогали, или совет свой подали, яко оскорбители Величества, четвертованы быть, и их пожитки забраны» [Артикул воинский, 1961, с. 324–325]. Петр I сам продумал жесткие правовые методы защиты самодержца, чтобы ни у кого не возникло желание его убивать.

В тексте присяги чиновников всех уровней, приведенной в Генеральном регламенте 1720 г., четко указано, что они не только должны быть по отношению к самодержцу «верными, честными и добрыми людьми и слугами», «послушными рабами и подданными», но и хотеть думать о его пользе, не допустить ущерба «его величества интересам», «по совести своей» исполнять его указы [Генеральный регламент, 1937, с. 109]. Присяга требовала от дворян не только проявлять верность, но и совесть, понимать, что есть «польза» и «вред» государю, цели самодержца. Служба должна быть не только обязанностью, но и велением совести.

Как видно, важнейшей целью Петра было выстраивание взаимоотношений между государем и подданными на основе жесткого принципа «повеление – повиновение»: самодержец управляет в соответствии со своим замыслом на основе законов, а подданные ему послушны, преданны, исполняют его указы. Петр укреплял самодержавную традицию, сложившуюся ранее, означавшую в то время «власть силы». Решение этой задачи усиливало позиции традиционализма в политической сфере, ограничивало возможности трансформации общественных отношений. Петр характеризовал самодержавие как главный институт власти, определявший вектор развития страны. Самодержец предписывал всем российским подданным считать интересы государя и государства высшими ориентирами своей жизни и деятельности: «*Всем должно хранить интерес Государев и Государственной*» [Устав морской, 1997, с. 232–233]. Петр развивал правовое сознание дворян; 16 марта 1714 г. издан именной указ об обязательной типографской публикации законодательных актов [Серов, 2017], царь требовал от подданных знания указов.

Участие Петра Великого в разработке важнейших законов, а также внесение изменений и дополнений в тексты, написанные его сподвижниками, позволяют утверждать, что указы есть выражение его воли, они воспроизводили черты его мировоззрения.

Формирование Петром I государственного сознания дворян

Петр I использовал правовые акты для идейного обоснования ориентиров его политики, хотел заинтересовать дворян в восприятии его идей. На рубеже XVII – XVIII вв. дворяне в усло-

виях плохого учета служилых людей пользовались возможностью, по словам Посошкова, «*сабли из ножен не вынимать*», уклоняться от реальной службы [Цит. по: Ключевский, 1989, с. 66]. В этих обстоятельствах, царь обратил особое внимание на формирование молодого поколения дворянства, которому он должен был оставить в наследие государственные институты, законы, идеи о России, ее благе и силе. Петр обязывал дворян понять его требования к ним и сознательно служить отечеству. В 1714 г. царь решил изменить традицию обеспечения дворян землей за службу. Указ 23 марта 1714 г. можно охарактеризовать как политику «кнута и пряника»: в интересах дворян он на законодательном уровне закрепил за ними право на наследование своих имений, но лишил большую часть молодых дворян (всех, кроме одного сына в семье) временно до покупки земли быть помещиками, обязывая службой зарабатывать средства к существованию. Отказ от прежнего способа развития дворянского землевладения стал проявлением политической воли самодержца, возмущенного ленью многих дворян, игнорировавших его волю. Петр компенсировал потерю многими молодыми дворянами права на недвижимость выдачей денежного жалованья в зависимости от заслуг, что гарантировало их явку на службу в соответствии с рангом.

В указе о единонаследии 1714 г. Петр доказывал возможность согласования интересов государства и дворян на основе идеи взаимного благополучия. В преамбуле этого указа он восемь раз употребил слово государство и государственный, разъясняя дворянам, что следует мыслить в контексте общих интересов отечества и родовых фамилий. Он доказывал, что разделе-

ние *«имений после отцов детям недвижимых великой есть вред в государстве нашем, как интересам государственным, так и подданным и самим фамилиям падение»* [Указ о порядке наследования ... , 1830, с. 91–94]. В понимании Петра, общими интересами государства и дворян были благополучие отечества и землевладельцев (*«государственные доходы будут справнее»*, *«славная трапеза»*), платежеспособность крестьян (*«которые исправнее в казну и господину подати платить могут»*), *«знатность фамилий»* [Указ о порядке наследования ... , 1830, с. 91–94]. Вред государству Петр видел в разорении казны и дворян, в их лени и праздности, которые царь считал худшими из всех зол: *«ищет всякой уклоняцца и жить в праздности, которая (по святому писанию) материю есть всех злых дел»* [Указ о порядке наследования ... , 1830, с. 91–94]. Петр предлагал дворянам помнить, что славу их фамилиям принесла многовековая служба отечеству. Он хорошо знал ментальность дворян, гордившихся знатностью, а возвышение родов происходило благодаря преданности царю. Петр предлагал дворянам осмысливать цели его указа в контексте значимых для них ценностей: *«слава отца»*, *«честь рода»*, *«знатная фамилия»*. Однако, учил он, фамильные ценности надо уметь соотносить с государственными. Петр выстроил ряд антонимов: *«разорение»* – *«доходы справные»*; *«сиро жить»* – *«дом довольной»*; *«бедные подданные»* – *«славныя и великия дома»*, *«лень, праздность»* – *«хлеба своего искать службою, учением, торгоми»*. Он дал четкие ориентиры деятельности подданных: материальная благоустроенность государства и дворян, их слава и

величие. Петр считал, что лучше давать льготы подданным, а не разорять их: *«...лучше льготить подданных, а не разорять»*. В указе о единонаследии речь шла о правах на собственность молодых дворян. Совершенно очевидно, что царь стремился мотивировать юношей к реальной службе, которую следует посвящать и своей семье, и государству. В этом указе Петр несколько раз сопоставлял и связывал интересы государства и подданных, доказывая, что их благо может быть обеспечено только совместной работой. Идейной основой этого указа была мысль о взаимной ответственности дворян и самодержца. Указ сочетал традиционный взгляд на дворян как служилое сословие, обязанное подчиняться царю, с новой мыслью о службе как нравственном долге обеспечивать благо государства.

Петру было важно убедить молодых дворян, что они должны стать верными сынами отечества. Введение военной присяги, которую давали молодые дворяне, вышедшие на службу, обязывало посвящать свою жизнь защите государя и государства. Интересы воинской службы должны были стать приоритетными для молодых дворян. Петр I создал образ защитника отечества в Артикуле воинском 1715 года [Артикул воинский, 1961], Устав воинский 1716 года [Устав воинский, 1997, 115–116], Устав морской 1720 г. [Устав морской, 1997, с. 232–242]. Петр велел офицерам и солдатам *«чинить»* присягу государю: *«тщательно радеть»* за интересы государства, быть верными, храбрыми, честными, образованными, покорными, послушными, знать военное дело, *«должное чинить послушание, и весьма повелению их (командиров) не противиться»*, *«И во всем так посту-*

пать, как честному, верному, послушному, храброму и неторопливому солдату надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог» [Устав воинский, 1997, с. 115–116]. Он развивал правовое сознание дворян, объясняя, что их первостепенной обязанностью является соблюдение законов. Морской устав 1720 г. воспитывал морских офицеров в послушании законам самодержца: «И долженствую исполнять все уставы и указы, сочиненные или впредь сочиняемые от Его Величества, или Командиров над Нами, учиненных в деле Его Величества и Его Государства» [Устав морской, 1997, с. 232–242].

Новацией в отношениях Петра I с дворянами было требование к ним не только быть преданными и верными, но и думать о благе государства, понимать его интересы и считать их приоритетными. Он ориентировал их на службу отечеству как главный смысл своей жизни, развивал государственное сознание дворян, желая видеть в них не только слуг, но и «помощников». Согласно риторике законодательных актов, «вред государству» Петр видел в неспособности русской армии до реформ противостоять неприятелю; в нехватке денег в казне; в уклонении дворян от службы, в их невежестве, лени, в пренебрежении офицерами и чиновниками своими обязанностями, в следовании традиции назначения на должности по принципу знатности рода; в стремительном обеднении дворян и превращении их в однодворцев («...в такую бедность придут, что сами однодворцами заставить могут...») [Указ о порядке наследования, 1830, с. 91-92]; в разорении помещиками крестьян оброками и барщиной («...вред интересам государственным, ибо податей так исправно не могут

платить...») [Указ о порядке наследования, 1830, с. 91-92]; в слабом развитии торговли и промышленности; в потере Россией земель около Балтийского моря; во взяточничестве («мздоимстве») и волоките («...бывают многия волокиты и убытки, а иные из приказных людей многие, для своего излишнего мздоимания, отговаривая всякими приказными будто нужными делами, волочат за крепостями недели по три и четыре, а иных месяца по два и по три; и от тое продолжительное волокиты...») [Указ об обряде совершения ... , 1961, с. 234], в неграмотности дворян, в отсутствии в стране научных учреждений, малом количестве школ, в бегстве крестьян и дворовых людей. По мнению Петра, многие проблемы в стране возникли из-за нежелания дворян воспринимать интересы России. В 1714–1722 гг. Петр принудил юных дворян учиться [О посылке во все губернии ... , 1937], выходить на смотры [Гурьева], служить с низов [О произведении офицеров ... , 1803]; он обязывал надеяться на свои деловые качества, а не на знатность рода. Он сформировал у них представления о гвардейском братстве, гордость за свое мужество в боях, за службу в элитарных полках, за военные победы, развил интерес к новому образу жизни в Петербурге.

В официальных документах первой четверти XVIII в. заслуги Петра I определяются в попечении «о благополучии Государства» [Акт поднесения ... , 1961]. В 1721 г. царь в ответ на преподнесение ему титула императора высказал основную мысль о целях политики: «Надлежит Бога всею крепостию благодарить; однако ж, надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с Нами не так

стало, как с Монархией Греческою. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, которой Бог Нам пред очьми кладет, как внутрь, так и вне, от чего облегчен будет народ» [Акт поднесения ... , 1961, с. 166]. Петр завещал современникам и потомкам обеспечивать силу России и ее самостоятельность, не допустить ее исчезновения с исторической сцены. Он снова напомнил дворянству, что надо много трудиться, думая о пользе и доходах государства и населения.

Реальная служба дворян государству обязывала овладевать профессией, знакомиться с принципами социальной мобильности, правовыми и деловыми нормами поведения, обеспечивала знакомство с требованиями государя, создавала условия для их индивидуального развития.

Личное влияние царя на дворян с целью развития их представлений об обязанностях перед государем и государством было исключительно велико. Петр I выстроил деловой стиль общения с должностными лицами: он руководил, ставил конкретные задачи, требовал подробного письменного отчета об их решении. Он научил военных и высших чиновников писать ему не уклончиво, а лаконично, предельно точно. Его личное участие и пример были значимы для дворян. В реляции о Полтавской битве дана высокая оценка победы, одержанной благодаря «славному оружию», мудрому командованию: «...Его Величество в том воинскую свою храбрость, мудрое великодушие и воинское искусство» проявил, «не опасаясь никакого страха своей царской высокой особе, в вышнем градусе показал, и притом шляпа на нем пулюю пробита». Реляция ставила за-

дачу рассказать о мужестве государя всем [Обстоятельная реляция о Полтавской битве, 2013]. В этом документе дана достойная оценка русским офицерам и солдатам [Обстоятельная реляция о Полтавской битве, 2013].

Петр широко использовал переписку с военными и чиновниками разных уровней для объяснения значимости порученного им дела. Несомненно, этот деловой личностный контакт способствовал профессиональному росту и самодержца, и его сподвижников, развивал чувство ответственности за государство, решение конкретной задачи. В частности, только в 1710 г. Петр написал 624 письма и указа. Он требовал «неусыпного старания» от всех чиновников. Так, в письме сенаторам от 16 апреля 1717 г. царь указывал, почему, например, иностранным купцам удастся уйти от уплаты таможенной пошлины, и как можно увеличить доходы казны: поднять пошлины с посадского населения, но его не разорять, не допускать «великого отягчения людям», поскольку это нанесет вред государству [Петр I. О строгом со стороны Сената ... , 1873, с. 348–349]. Царь писал, что совесть побуждает его потребовать от сенаторов управлять губерниями не общими фразами, а постановкой конкретных задач. Он проявлял заинтересованность в том, чтобы сенаторы работали честно, думали о справедливости, решали задачи «точно», чтобы не допустить «убытков» государству и разорения людей. Царь призывал их помнить об ответственности перед Богом и судом.

Самодержец четко определял нравственные нормы служения, одновременно предлагал чиновникам руководствоваться и Божьими заповедями. Петр в письмах к деловым людям не

только ставил задачи, но и учил совестливому служению государству. Узнав о том, что губернаторы и другие чиновники в губерниях взяли себе жалованье на 3 года вперед, но не выполнили порученного дела, Петр приказал сенатором честно решить вопрос о сборе налогов [Петр I. О взыскании с губернаторов ... , 1873].

Значимым для Петра было объяснение дворянам, что они должны стать профессионалами в своем деле, знать в совершенстве свои обязанности и иметь все необходимые знания и умения. В начале Северной войны, в 1701 г. И. Т. Посошков в сочинении «О ратном поведении» писал о неподготовленности дворян к военной службе: «У них клячи худые, сабли тупые, сами нужны и бездежны и ружьем владеть никаким неумелые» [Ключевский, 1989, с. 66]. А уже в 1709 г. после разгрома войском Петра I шведов под Полтавой причиной победы названы высокие достоинства русской армии, владевшей военным искусством и проявлявшей редкое мужество. «...перед полуднем атака и жестокий огонь с обеих сторон начался, которая атака от наших войск с такою храбростию учинена, что вся неприятельская армия по получастном бою с малым уроном наших войск...» [Обстоятельная реляция о Полтавской битве ... , 2013, с. 218]. Петру удалось не только побудить многих дворян выходить на службу, но и воевать искусно, храбро, поскольку русские воины в войне со шведами понимали, что защищали отечество. На поле боя царю нужны были не рабы, а патриоты родины. Блестящие победы в Северной войне – проявление высоких военных навыков и патриотического сознания русских солдат и офицеров. Петр создал мотивированное на защиту

отечества поколение дворян. Применение системно-деятельностного подхода, когда мотивы определяются решением задач на практике, позволяет с уверенностью утверждать, что царь смог сформировать патриотические мировоззренческие установки у молодых воинов России.

Петр, введя разделение службы на отдельные виды и выстроив иерархию чинов, добивался от дворян высокого профессионализма. В Морском уставе 1720 г. говорилось, что закон издан с целью, «дабы всякой знал свою должность, и неведением никто б не отговаривался» [Устав морской ... , 1997, с. 232–233].

Другой новацией в политике Петра I в отношении дворянина было создание образа личности, на который он должен ориентироваться. Исследователи предполагают, что сочинение «Юности честное зеркало» имело в своей основе работы по этикету, написанные западноевропейскими авторами. «Зерцало» следует рассматривать как сочетание традиционных и европейских этических и этикетных норм. «Юности честное зеркало» 1717 г. предлагало дворянским недорослям усвоить такие нормы, как почитание родителей, «отца и мать в великой чести содержать», не прекословить родителям, во взаимоотношениях с людьми быть учтивыми, вежливыми, приветливыми, рассудительными, уметь их слушать, на службе проявлять прилежность, трудолюбие, смирение, верность данному слову и присяге, уважение собственного достоинства и чести других людей, скромность, знание наук и языков; а также избегать бахвальства, удерживаться от пьянства, ярости, ссор [Юности честное зеркало, 2013]. Следование указанным нормам коммуни-

кации способствовало формированию личности, способной к саморазвитию. Петр не только готовил высшее сословие к верной службе, но и надеялся на появление в стране молодого поколения дворян, способных стать «помощниками» государя в деле создания великой России. Дворяне не должны быть слепыми орудиями в руках правителя. Идею патриотизма как любви к родине Петр дополнил мыслью об осознанном служении с целью не только защиты от внешних врагов, но и обеспечения благополучия отечества. Благодаря государю, военной и административной элите, формировавшейся из наиболее достойных дворян, Россия приобрела статус сильной державы; и дворяне гордились своим отечеством, хотя на праздниках в честь побед и кричали по-французски «Виват!». Несомненно, в отношениях государя с подданными в петровскую эпоху были элементы патернализма, проявлявшегося в подчинении личности правителю-патерналисту, который определяет ценности, мотивы и образцы поведения.

Заключение

Изучение законодательства начала XVIII в. позволяет утверждать, что Петр активно использовал социально-политический потенциал страны, его наращивал, преобразовывал, одновременно выборочно заимствуя опыт ряда европейских стран, в частности, стимулирования службы. Важнейшим направлением деятельности Петра I было выстраивание отношений государя с дворянством. Самодержцу предстояло преобразовывать страну, опираясь на разные социальные группы в своем отечестве, ему следовало продумать условия включения их в деятельность. Он использовал людские ресур-

сы традиционной России. Политика Петра I в отношении дворян была прагматичной, сочетала в себе значимые русские традиции и отчасти европейские законодательные акты и этикетные нормы.

В политике Петра I в отношении высшего сословия были традиционные и инновационные черты. Преобладающей тенденцией в политике самодержца в отношении дворян было усиление требования к подчинению их воле государя. Оно определялось спецификой российской политической культуры, чертой которой было восприятие дворян как слуг государя. Петр учитывал традиционную дворянскую ментальность, прежде всего, гордость за принадлежность к знатым фамилиям. На военной службе он включил дворян в гвардейские полки, разрешил им учиться в специализированных учебных заведениях. Однако отдельные его меры, в частности, участие в ассамблеях, работа в коллегиях, расширяли коммуникацию дворян с представителями «подлых» людей. Петр не мыслил себе дворянство как закрытое привилегированное сословие, каким оно формировалось ранее, а подчеркивал его подданство царю и необходимость взаимодействия с другими социальными группами.

Определение единого правового статуса дворян стало важнейшим новым направлением в петровской политике. Его целью был отказ от принципа знатности, ликвидация прежней структуры чинов и иерархии в среде дворян, создание равных условий службы для представителей высшего сословия. Нивелирование в правовой сфере различий между разными группами дворян было важным обстоятельством

роста их самосознания и успехов в профессиональной области.

Петр I законодательно изменил ряд условий службы высшего сословия государству, ограничил молодых дворян в праве наследования имений, в выборе места учебы и профессии, но неизменно сохранял их статус «подданных» самовластного царя. Он продолжил традицию формирования дворянского служилого сословия в интересах России. Петр использовал и принудительные, и идеологические меры воздействия на дворян, чтобы сформировать патриотически настроенную социальную группу, заинтересованную не только в своем материальном благополучии, но и в честном служении отечеству. Уже при Петре Великом в сознании лучших представителей дворянства сложилось представление о службе «за веру, царя и отечество».

Инновационные черты во взаимоотношениях царя и дворян, полагаем, сформировались, во-первых, в контексте осознания Петром необходимости повысить дееспособность государственного аппарата и создания регулярной армии, во-вторых, стремлением Петра I включить дворян в осознанное решение военно-политических и социокультурных задач. Важнейшей новой чертой отношения государя к дворянам было развитие их государственного сознания, представлений об их нравственном долге перед Россией, независимость и слава которой должны стать первостепенными ценностями. Петр объяснял им, что они должны думать об интересах государства, понимать, что является благом отечества. Для дискурса Петра I характерны понятия «отечество», «слава», «величие» государства, «преданность», «верность», «чест-

ность». Их сочетание обеспечивало осмысление цели служения России.

Новым началом в петровской политике в отношении дворян стало воспитание их в уважении к законам. Петр хотел, чтобы дворяне законы исполняли не из страха наказания, хотя указы и предусматривали санкции за их пренебрежение, а потому что сознательная законопослушность стала нормой их жизни. Исполнение законов позволяло дворянам усваивать идеи государя-учителя.

Другой новацией в этой сфере стала идея профессионализации службы дворян, подготовка специалистов, заинтересованных в достижении результатов. С решением этой задачи было связано и предоставление выходцам из других сословий права служить государству и приобретать личное дворянство. Это норма, введенная Табелью о рангах, породила скрытый конфликт между властью и дворянством, отстаивавшим традиционную социальную иерархию, которая базировалась на принципе знатности. Табель о рангах 1722 г. позволял дворянам участвовать в формировании политической и военной элиты.

В законах, сочинениях того времени указаны черты образа дворянина, на который должны быть сориентированы молодые люди. Предложенная в «Зерцале» модель личности имела традиционно русские черты и нововременные – послушание и уважение своего достоинства.

В исторической литературе доминирует мнение о том, что главным последствием политики Петра I в отношении дворян было их превращение в опору монархии. Полагаем, что со времени первого императора шел рост самосознания дворян. Петр видел в дворянах не только инструмент своей политики, но и людей, способных быть

ответственными перед государем и Россией.

Полагаем, что развитие национально-государственного сознания дворян в

петровскую эпоху стало важнейшим обстоятельством решения Россией того времени геополитических и стратегических задач.

Библиографический список

1. Акт поднесения государю царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества // Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. Москва : Госюриздат, 1961. С. 166-170.
2. Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы. Санкт-Петербург : Питер, 2009. 448 с.
3. Артикул Воинский // Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. Москва : Госюриздат, 1961. С. 324–325.
4. Белинский В. Г. Россия до Петра Великого // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Москва : Художественная литература, 1981. С. 7–63.
5. Богословский М. М. Петр Великий по его письмам // Петр Великий: pro et contra. Санкт-Петербург : РХГИ, 2003 (Русский путь). С. 518–552.
6. Богословский М. М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. Москва : Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1906. 52 с.
7. Генеральный регламент // Реформы Петра I. Сборник документов / сост. В. И. Лебедев. Москва : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. С. 108–134.
8. Гилязова О. С. Традиционные российские ценности: понятия, назначение, достоинства и ограничения // Социально-политические исследования. 2024. № 2. С. 27–45.
9. Гурьева. А. В. Законодательство о смотрах дворянских недорослей в России XVIII в. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/44250> (дата обращения: 01.09.2024).
10. Дзюбан В. В. Влияние личности Петра I на решение социальных вопросов // Власть. 2020. № 3. С. 248–253.
11. Именной указ «О печатании газет для извещения оными о заграничных и внутренних происшествиях» // Петр I. Труды и дни императора Всероссийского. Москва : Эксмо, 2013. С. 117.
12. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Москва : Правда, 1989. С. 11–67.
13. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 4. Москва : Мысль, 1989. 398 с.
14. Колчева И. В. К проблеме формирования общенациональных лексических норм в Петровскую эпоху // Пятое Полювановские чтения. Сб. статей / Отв ред. Н. А. Максимчук. Смоленск : СГПУ, 2000. Т 2. С. 79–88.
15. Крашенинникова О. А. Петр I как духовный реформатор России // Россия: общество, политика, история. 2022. № 3 (3) август. С. 34–55.
16. Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. Москва : Наука, 2008. 458 с.
17. Обстоятельная реляция о Полтавской битве // Петр I. Труды и дни императора Всероссийского. Москва : Эксмо, 2013. С. 218–222.

18. Овсянников Ю. М. Петр Великий. Первый русский император. Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 304 с.
19. О печатании газет для извещения оными о заграничных и внутренних происшествиях // Петр I. Труды и дни императора Всероссийского. Москва : Эксмо, 2013. С. 117.
20. О посылке во все губернии из школ математических, по несколько человек для учения дворянского чина детей арифметике и геометрии. (Именной указ, данный Сенату 20 января 1714 г.) // Реформы Петра I. Сборник документов / Сост. В. И. Лебедев. Москва : Гос. соц-экон. изд-во, 1937. С. 320.
21. О произведении офицеров на вакансии. Именной указ. [Февраля 26 дня 1714 года] // Указатель российских законов, временных учреждений, суда и расправы, по высочайшему соизволению изданный Л. Максимовичем. Москва, 1803. Ч. 3. С. 155.
22. Петр I. Труды и дни императора Всероссийского. Москва : Эксмо, 2013. 544 с.
23. Петр I. О взыскании с губернаторов, ландратов и приказных людей взятого ими жалованья и о высылке губернаторов и всех ландратов в С-Петербург с переписными книгами о крестьянских дворах // Бумаги императора Петра I. Изданы академиком А. Бычковым. Санкт-Петербург : Типография II отделения СЕИВК, 1873. С. 354.
24. Петр I. О строгом со стороны Сената за справедливым управлением в губерниях и за денежными сборами // Бумаги императора Петра I. Изданы академиком А. Бычковым. Санкт-Петербург : Типография II отделения СЕИВК, 1873. С. 348–349.
25. Тихонова А. Ю. Реформы Петра I в области образования: проблемы и уроки // Реформы Петра Первого в области просвещения и их дальнейшее влияние на образовательные процессы в России. Ульяновск : УлГТУ, 2022. С. 13–25.
26. Пуневский Я. В. Современная англо-американская историография правления Петра I // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 6. С. 1458–1466.
27. Редин Д. А. Очарование «регуляторства». Еще раз о «ментальном государстве» Петра Великого. Часть 1. Петр I: интеллект и психология мышления // диалог со временем. Москва : ИВИ, 2020. Вып. 73. С. 49–59.
28. Серов Д. О. Н. А. Воскресенский (1889–1948) – Подвижник науки истории русского права // Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. С. 3–39.
29. Указ об обряде совершения всякого рода крепостных актов // Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. Москва : Госюриздат, 1961. С. 234.
30. Указ о порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах 23 марта 1714 // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Санкт-Петербург : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. V. 1713–1719. № 2789. С. 91–94.

31. Устав воинский 30 марта 1716 г. // Законодательство Петра I. Отв. редакторы А. А. Преображенский и Т. Е. Новицкая. Москва : Юридическая литература, 1997. С. 115–231.

32. Устав морской. 13 января 1720 г. // Законодательство Петра I. Отв. редакторы А. А. Преображенский и Т. Е. Новицкая. Москва : Юридическая литература, 1997. С. 232–384.

33. Феткулова И. А. Духовно-нравственные основы военной реформы Петра Первого в истории российской армии // Реформы Петра Первого в области просвещения и их дальнейшее влияние на образовательные процессы в России. Ульяновск : УлГТУ, 2022. С. 44–53.

34. Хомяков А. С. О старом и новом // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Москва : Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. С. 11–29.

35. Юности честное зерцало // Петр I. Труды и дни императора Всероссийского. Москва : Эксмо, 2013. С. 356–384.

Reference list

1. Akt podnesenija gosudarju carju Petru I titula Imperatora Vserossijskogo i naimenovanija: Velikogo i Otca Otechestva = The act of presenting to Tsar Peter I the title of Emperor of All-Russia and the name: Great and Father of the Homeland // Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 8. Zakonodatel'nye акты Petra I. Pervaja chetvert' XVIII v. Moskva : Gosjurizdat, 1961. S. 166-170.

2. Anisimov E. V. Petr Velikij: lichnost' i reformy = Peter the Great: Personality and Reform Sankt-Peterburg : Piter, 2009. 448 s.

3. Artikul Voinskij = Article Military // Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 8. Zakonodatel'nye акты Petra I. Pervaja chetvert' XVIII v. Moskva : Gosjurizdat, 1961. S. 324–325.

4. Belinskij V. G. Rossija do Petra Velikogo = Russia before Peter the Great // Belinskij V. G. Sobranie sochinenij: v 9 t. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1981. S. 7–63.

5. Bogoslovskij M. M. Petr Velikij po ego pis'mam = Peter the Great according to his letters // Petr Velikij: pro et contra. Sankt-Peterburg : RHGI, 2003 (Russkij put'). S. 518–552.

6. Bogoslovskij M. M. Byt i nrawy russkogo dvorjanstva v pervoj polovine XVIII veka = The life and customs of the Russian nobility in the first half of the XVII century. Moskva : Tipografija G. Lissnera i D. Sovko, 1906. 52 s.

7. General'nyj reglament = General regulations // Reformy Petra I. Sbornik dokumentov / Sost. V. I. Lebedev. Moskva : Gos. soc.-jekon. izd-vo, 1937. S. 108–134.

8. Giljazova O. S. Tradicionnye rossijskie cennosti: ponjatija, naznachenie, dostoinstva i ogranichenija = Traditional Russian values: concepts, purpose, advantages and restrictions // Social'no-politicheskie issledovanija. 2024. № 2. S. 27–45.

9. Gur'eva. A. V. Zakonodatel'stvo o smotrah dvorjanskih nedoroslej v Rossii XVIII v. = Legislation on reviews of noble undergrowths in Russia of the XVIII century. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/44250> (data obrashhenija: 01.09.2024).

10. Dzuban V. V. Vlijanie lichnosti Petra I na reshenie social'nyh voprosov = The influence of the personality of Peter I on the solution of social issues // *Vlast'*. 2020. № 3. S. 248–253.

11. Imennoj ukaz «O pechatanii gazet dlja izveshhenija onymi o zagranichnyh i vnutrennih proisshestvijah» = “On printing newspapers to notify them of foreign and internal incidents” // Petr I. *Trudy i dni imperatora Vserossijskogo*. Moskva : Jeksmo, 2013. S. 117.

12. Kavelin K. D. Vzgljad na juridicheskij byt drevnej Rossii = A look at the legal life of ancient Russia // Kavelin K. D. *Nash umstvennyj stroj*. Moskva : Pravda, 1989. S. 11–67.

13. Kljuchevskij V. O. Sochinenija: v 9 t. T. 4 = Works: in 9 vols. V. 4. Moskva : Mysl', 1989. 398 s.

14. Kolcheva I. V. K probleme formirovanija obshhenacional'nyh leksicheskikh norm v Petrovskuju jepohu = To the problem of the formation of national lexical norms in the era of Peter the Great // *Pjatye Polivanovskie chtenija*. Sb. statej / Otv. red. N. A. Maksimchuk. Smolensk : SGPU, 2000. T 2. S. 79–88.

15. Krasheninnikova O. A. Petr I kak duhovnyj reformator Rossii = Peter I as a spiritual reformer of Russia // *Rossija: obshhestvo, politika, istorija*. 2022. № 3 (3) avgust. S. 34–55.

16. Marasimova E. N. *Vlast' i lichnost': ocherki russkoj istorii XVIII veka* = Power and personality: essays on Russian history of the XVIII century. Moskva : Nauka, 2008. 458 s.

17. *Obstojatel'naja reljacija o Poltavskoj bitve* = Detailed report on the Battle of Poltava // Petr I. *Trudy i dni imperatora Vserossijskogo*. Moskva : Jeksmo, 2013. S. 218–222.

18. Ovsjannikov Ju. M. *Petr Velikij. Pervyj russkij imperator* = Peter the Great. First Russian Emperor Moskva : AST-PRESS KNIGA, 2008. 304 s.

19. O pechatanii gazet dlja izveshhenija onymi o zagranichnyh i vnutrennih proisshestvijah = On printing newspapers to notify about foreign and internal incidents // Petr I. *Trudy i dni imperatora Vserossijskogo*. Moskva : Jeksmo, 2013. S. 117.

20. O posylke vo vse gubernii iz shkol matematicheskikh, po neskol'ku chelovek dlja uchenii dvorjanskogo china detej arifmetike i geometrii. (Imennoj ukaz, dannyj Senatu 20 janvarja 1714 r.) = About sending to all provinces from mathematical schools, several people for teaching the noble rank of children arithmetic and geometry. (A personal decree given to the Senate on January 20, 1714 r.) // *Reformy Petra I. Sbornik dokumentov / Sost. V. I. Lebedev*. Moskva : Gos. soc.-jekon. izd-vo, 1937. S. 320.

21. O proizvedenii oficerov na vakansii. Imennoj ukaz. [Fevralja 26 dnja 1714 goda] = About the work of officers for vacancies. Personal decree. [February 26, 1714] // *Ukazatel' rossijskikh zakonov, vremennyh uchrezhdenij, suda i raspravy, po vysochajshemu soizvoleniju izdannij L. Maksimovichem*. Moskva, 1803. Ch. 3. S. 155.

22. Petr I. *Trudy i dni imperatora Vserossijskog* = Peter I. Works and days of the All-Russian Emperor. Moskva : Jeksmo, 2013. 544 s.

23. Petr I. O vzyskanii s gubernatorov, landratov i prikaznyh ljudej vzjatogo imi zhalovan'ja i o vysylke gubernatorov i vseh landratov v S-Peterburg s perepisnymi

knigami o krest'janskih dvorah = Peter I. On the recovery from governors, landrats and clerical people of the salary they took and on the expulsion of governors and all landrats to St. Petersburg with census books on peasant households // Bumagi imperatora Petra I. Izdany akademikom A. Bychkovym. Sankt-Peterburg : Tipografija II otdelenija SEIVK, 1873. S. 354.

24. Petr I. O strogom so storony Senata za spravedlivym upravljeniem v gubernijah i za denezhnymi sborami = Peter I. On the strict on the part of the Senate for fair management in the provinces and for monetary fees // Bumagi imperatora Petra I. Izdany akademikom A. Bychkovym. Sankt-Peterburg : Tipografija II otdelenija SEIVK, 1873. S. 348–349.

25. Tihonova A. Ju. Reformy Petra I I v oblasti obrazovanija: problemy i uroki = Reforms of Peter I in the field of education: problems and lessons // Reformy Petra Pervogo v oblasti prosveshhenija i ih dal'nejshee vlijanie na obrazovatel'nye processy v Rossii. Ul'janovsk : UIGTU, 2022. S. 13–25.

26. Punevskij Ja. V. Sovremennaja anglo-amerikanskaja istoriografija pravlenija Petra I = Modern Anglo-American historiography of the reign of Peter I // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2022. T. 27. № 6. S. 1458–1466.

27. Redin D. A. Ocharovanie «reguljatorstva». Eshhe raz o «mental'nom gosudarstve» Petra Velikogo. Chast' 1. Petr I: intellekt i psihologija myshlenija = The charm of “regulation”. Once again about the “mental state” of Peter the Great. Part 1. Peter I: Intelligence and Psychology of Thinking // dialog so vremenem. Moskva : IVI, 2020. Vyp. 73. S. 49–59.

28. Serov D. O. N. A. Voskresenskij (1889–1948) – Podvizhnik nauki istorii russkogo prava = Voskresensky (1889-1948) – Ascetic of the science of the Russian law history // Voskresenskij N. A. Petr Velikij kak zakonodatel'. Issledovanie zakonodatel'nogo processa v Rossii v jepohu reform pervoj chetverti XVIII veka. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. S. 3–39.

29. Ukaz ob obrjade sovershenija vsjakogo roda krepostnyh aktov = Decree on the rite of committing all kinds of serfs // Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 8. Zakonodatel'nye akty Petra I. Pervaja chetvert' XVIII v. Moskva : Gosjurizdat, 1961. S. 234.

30. Ukaz o porjadke nasledovanija v dvizhimyh i nedvizhimyh imushhestvah 23 marta 1714 = Decree on inheritance in movable and immovable property March 23, 1714 // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda. Sankt-Peterburg : Tipografija II otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii, 1830. T. V. 1713–1719. № 2789. S. 91–94.

31. Ustav voinskij 30 marta 1716 g. = Military Charter March 30, 1716 // Zakonodatel'stvo Petra I. Otv. redaktory A. A. Preobrazhenskij i T. E. Novickaja. Moskva : Juridicheskaja literatura, 1997. S. 115–231.

32. Ustav morskij. 13 janvarja 1720 g. = Maritime charter. January 13, 1720 // Zakonodatel'stvo Petra I. Otv. redaktory A. A. Preobrazhenskij i T. E. Novickaja. Moskva : Juridicheskaja literatura, 1997. S. 232–384.

33. Fetkulova I. A. Duhovno-nravstvennye osnovy voennoj reformy Petra Pervogo v istorii rossijskoj armii = Spiritual and moral foundations of the military reform of Peter the Great in the history of the Russian army // Reformy Petra Pervogo v oblasti prosveshhenija i ih dal'nejshee vlijanie na obrazovatel'nye processy v Rossii. Ul'janovsk : UIGTU, 2022. S. 44–53.

34. Homjakov A. S. O starom i novom = About old and new // Homjakov A. S. Polnoe sobranie sochinenij. Moskva : Universitetskaja tipografija na Strastnom bul'vare, 1900. S. 11–29.

35. Junosti chestnoe zercalo = Honest Mirror of Youth // Petr I. Trudy i dni imperatora Vserossijskogo. Moskva : Jeksmo, 2013. S. 356–384.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 19.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 27.09.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 340.0(09)
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-4-25-112
EDN: FPGFJF

**Экономическое и политическое значение земства
в России во второй половине XIX века**

Ло Айлинь

Доктор исторических наук, профессор Института истории культуры,
Центрально-Китайский государственный педагогический университет, г. Ухань, КНР
pkuyide@163.com, <https://orcid.org/0000-0003-1099-0151>

Аннотация. Отмечается, что земство являлось неизбежным результатом политического и социально-экономического развития России во второй половине XIX в. и представляло собой местные представительные учреждения буржуазного характера. Выделяются причины появления земства в России. Подчеркивается, что царское правительство было вынуждено каким-то образом компенсировать экономические потери дворянства, ставшие следствием отмены крепостного права в 1861 г., и несколько расширить его политические права введением земства. Кроме того, разрушение феодально-крепостнических производственных отношений открывало дорогу развитию капитализма и формированию новых капиталистических производственных отношений, что потребовало трансформации как органов власти, так и системы управления. Отмечается важное значение негативной реакции крестьян на механизмы и способы осуществления крестьянской реформы, утвержденных в Манифесте 19 февраля 1961 г. Рассматривается активная деятельность российских либералов, требовавших создания органов местного самоуправления, начиная с середины XIX в. Подчеркивается, что введение земства стало компромиссом, уступкой, на которую царизм был вынужден пойти под влиянием многих факторов, включая угрозу революции. Акцентируется внимание на том, что создание земства означало начало превращения феодальной монархии в буржуазную. Рассматриваются взаимоотношения земства и самодержавия, отмечается существенный вклад земства в развитие российского общества и, прежде всего, в развитие систем образования и здравоохранения. Подчеркивается, что деятельность земства в то же время отрицательно влияла на боевой дух народа в преддверии революции.

Ключевые слова: Россия; царизм; отмена крепостного права; либеральное дворянство; земство; хозяйственная, культурно-просветительская деятельность

Для цитирования: Ло Айлинь Экономическое и политическое значение земства в России во второй половине XIX века // Социально-политические исследования. 2024. № 4 (25). С. 112-126. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-112>. <https://elibrary.ru/FPGFJF>.

Original article

**The economic and political significance of the zemstvo
in Russia in the second half of the XIX century**

Luo Ailin

Doctor of historical sciences, professor of the Institute of cultural history,
Central China normal university, Wuhan, PRC
pkuyide@163.com, <https://orcid.org/0000-0003-1099-0151>

Abstract. It is noted that the zemstvo was an inevitable product of the political and socio-economic development of Russia in the second half of the 19th century and was a local representative institution of a bourgeois nature. The reasons for the emergence of the zemstvo in Russia are highlighted. It is emphasized that the tsarist government was forced to somehow compensate for the economic losses of the nobility, which resulted from the abolition of serfdom in 1861, and to somewhat expand its political rights by introducing the zemstvo. In addition, the destruction of feudal-serf production relations opened the way for the development of capitalism and the formation of new capitalist production relations, which required the transformation of both government bodies and the management system. The importance of the negative reaction of the peasants to the mechanisms and methods of implementing the peasant reform, approved in the Manifesto of February 19, 1961, is noted. The active work of Russian liberals, who demanded the creation of local government bodies, starting from the mid-19th century, is considered. It is emphasized that the introduction of the zemstvo was a compromise, a concession that tsarism was forced to make under the influence of many factors, including the threat of revolution. Attention is focused on the fact that the creation of the zemstvo meant the beginning of the transformation of the feudal monarchy into a bourgeois one. The relationship between the zemstvo and the autocracy is considered, and the significant contribution of the zemstvo to the development of Russian society and, above all, to the development of the education and health care systems is noted. It is emphasized that the activities of the zemstvo at the same time negatively affected the fighting spirit of the people on the eve of the revolution.

Key words: Russia; tsarism; abolition of serfdom; liberal nobility; zemstvo; economic, cultural and educational activity

For citation: Luo Ailin The economic and political significance of the zemstvo in Russia in the second half of the XIX century. *Social and political researches*. 2024;4(25): 112-126. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-112>. <https://elibrary.ru/FPGFJF>.

Введение

В последнее время значительный интерес для историков представляет исследование эпохи буржуазных реформ в России в середине XIX в., с которой тесно связана история земства

[Буланая, 2023; Литвинов, 2017; Саевская, 2018], в том числе в региональном аспекте [Калиниченко, 2019; Лукьянова, 2024], являющегося результатом этих реформ и также одним из важных шагов на пути превращения

феодальной монархии в буржуазную монархию, просуществовавшую вплоть до победы Октябрьской революции 1917 г. Среди проблем, привлекавших внимание автора, находились такие вопросы, как причины формирования, характер земства и его место в истории России. В настоящей статье рассматриваются вышеназванные вопросы.

Результаты исследования

1 января 1864 г. царское правительство издало указ «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», в соответствии с которым создавались органы местного самоуправления в уездах и губерниях – земские собрания и их исполнительные органы – земские управы. К концу 70-х гг. XIX в. земство было введено в 34 губерниях Европейской России. Национальные регионы (Польша, Литва, Белоруссия, Казахстан, Кавказ, Средняя Азия), а также Сибирь, Астраханская, Архангельская и Оренбургская губернии земств не имели. Накануне Первой мировой войны земство распространилось уже в 43 губерниях.

Российское земство было новым общественным органом, который появился в ходе всеобщей социальной реформы после падения крепостного права в России. Его появление было неслучайным, а имело глубокие политические и общественно-экономические предпосылки.

Земство явилось результатом общественного и экономического развития в России. С одной стороны, отмена крепостного права в 1861 г. нанесла ущерб экономическим интересам крепостников-дворян, лишив их привилегий владения крепостными, уменьшив площадь их земельных владений, что вызвало у дворянства недовольство и протест. В связи с этим царское правительство бы-

ло вынуждено тем или иным образом компенсировать экономические потери дворянства расширением их политических прав, чтобы укрепить господствующую основу. С другой стороны, отмена крепостного права высвободила значительные производительные силы, разрушила отсталые феодально-крепостнические производственные отношения, открыла дорогу развитию капитализма. Это изменение в производственных отношениях неизбежно требовало соответствующей трансформации надстройки – как органов власти, так и системы управления. Вместе с тем крестьяне также выражали значительное недовольство отжившей феодальной формой управления, при которой дворянское поместье было основной единицей управления. В 1861-1863 гг., то есть сразу после отмены крепостного права, в 29 губерниях России произошли 1 100 крестьянских бунтов [Цейтлин, 1907]. В этих условиях в 1864 г. царизму пришлось пойти на введение учреждений местного самоуправления, которые должны были заниматься вопросами народного образования, здравоохранения, благотворительности, местного хозяйства. Известный публицист того времени, Н. В. Шелгунов, определённо заметил, что «земство явилось не в виде уступки каким-то мечтательным либеральным требованиям, а как следствие осознанной правительством необходимости. Это простой вопрос разделения труда и неизбежный выход из того затруднения, в котором почувствовало себя правительство» [Веселовский, 1911, с. 1-2].

Кроме того, земство было порождением длительной борьбы русского либерализма с самодержавным правительством. Русский либерализм начал выходить на историческую арену в

качестве самостоятельной политической силы с середины XIX в. Сначала его деятельность заключалась в требовании создания органов местного самоуправления, с тем, чтобы разделить власть с самодержавием и наконец добиться конституции. Исходя из этих целей был предпринят ряд мер: *во-первых*, либералы предъявили царю требования по организации органов местного самоуправления путём легальных способов, например, адреса и заявления. Поражение России в Крымской войне активизировало либеральную оппозицию, смерть же Николая I создала благоприятные условия для открытого выражения критики сложившегося положения. В 1855 г., настаивая на местном самоуправлении, либерально настроенный дворянский публицист А. И. Кошелев в записке «О финансовых средствах России к продолжению борьбы с Турцией и Европою» писал о том, что для выхода из кризиса необходимо созвать Земскую думу, призванную скрепить «союз царя с народом» [Буланая, 2023]. Известный представитель либерального движения К. С. Аксаков, обвиняя царизм в злоупотреблении властью, считал идеальным учреждением всесословный Земский собор [История СССР ... , 1968].

Во-вторых, либералы вели идеологическую агитацию в печати, теоретически обосновывая необходимость создания земства. Так, в конце 1850-х гг. начал выходить «Русский вестник», ставший ведущим органом либерально-западнического направления. В его редакцию входили М. Н. Катков, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьёв, А. М. Унковский и другие деятели раннего либерального движения. В журнале широко дискутировалась проблема соотношения поли-

тической и административной централизации, глубоко анализировались их положительные и отрицательные стороны. По итогам проведенных дискуссий большинство представителей либерального дворянства разделяло точку зрения французского социолога А. де Токвиля о необходимости сочетания политической централизации и административной децентрализации в государстве: «Я не могу себе представить, чтобы нация могла существовать и в особенности достигнуть благосостояния без сильной правительственной централизации. Но я думаю, что административная централизация способна только обезсилить подчиняющиеся ей народы, потому что она постоянно стремится к уменьшению в них общинного духа» [Токвиль, 1897, с. 67]. Либералы желали разделить власть с самодержавием при сохранении самодержавия. Они полагали целесообразным рассредоточение государственной административной власти из центра на места, где со своей стороны возможна определенная активность со стороны местных органов самоуправления. В отношении типа государственного устройства либералы высоко ценили парламентский строй Англии и считали, что распространение местного самоуправления в России явилось бы первым шагом к государственной организации подобной английской. К. Д. Кавелин даже утверждал, что «пока земские учреждения не сложатся, не принесут пользы стране, не выкажут понимания местных интересов и умения вести их хорошо, до тех пор я не жду никакой хорошей перемены в центральном управлении государством» [Кавелин, 1898, с. 157].

В-третьих, представители либерализма один за другим на губернских

дворянских собраниях ставили вопрос организации земств с целью оказывать давление на правительство внутри господствующего класса. После крестьянской реформы, отмечал В. И. Ленин, «самый сплочённый, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс – дворянство – обнаружил с полной определенностью стремление ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений» [Ленин, 1967, с. 26]. Очагом либеральной оппозиции была Тверская губерния. В предреформенные годы тверские дворянские либералы подняли вопрос о местном самоуправлении. В 1859 г. в «записке» губернского комитета, работавшего над разрешением крестьянского вопроса, известный тверской либеральный деятель и предводитель дворянства А. М. Унковский писал, что формальное уничтожение крепостного права не решит всех проблем Российской Империи. Необходимо, считал он, «положить основание самоуправлению» [Пирумова, 1977, с. 63]. В «соображениях по докладам Редакционных комиссий» Унковский перечислил четыре требования, одним из которых было «выборное земское самоуправление» [Пирумова, 1977, с. 63]. После отмены крепостного права 19 февраля 1861 г., когда был решен вопрос о земской реформе, интерес к нему оказался всеобщим. Многие дворянские собрания представили правительству свои проекты устройства земских учреждений, требовали создания земства. Тверское дворянство, проявлявшее наиболее радикальный взгляд, ожесточённо критикуя бессилие существующего правительства и на дворянских собраниях, и в адресах, требовало «создания выборных всей земли русской, как

единственного средства к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных Положением 19-ого февраля» [Ленин, 1967, с. 27]. Следом за тверским рязанское, московское, тульское и другие дворянства тоже непрерывно выдвигали требования расширения основ выборности и осуществления местного самоуправления. На дворянских собраниях 1862 г. и в Смоленске, и в Новгороде речь даже шла о созыве «народных представителей» [Веселовский, 1911, с. 9]. Предводитель дворянства Царскосельского уезда А. П. Платонов предлагал учредить «народное представительство, т. е. соединить в одну Государственную земскую думу представителей или выборных людей от всех частей государства», чтобы совокупно обсуждать готовившиеся законоположения и важные правительственные меры [Пирумова, 1977, с. 68]. Именно в предреформенные и последующие годы под давлением либерально настроенного дворянства царское правительство было вынуждено обязать министерство внутренних дел организовать специальную комиссию под председательством Н. А. Милютина, затем П. А. Валуева, с целью разработки проекта о земской реформе.

Итак, либеральное дворянство сыграло заметную роль в содействии земской реформе царизма.

Земство представляло собой продукт компромисса и уступок, на которые царизму пришлось пойти перед революционной ситуацией. В 50-60 гг. XIX в. революционно-демократическое движение бурно развивалось, и деятельность революционеров-демократов непосредственно угрожала существованию разлагавшегося самодержавия. Революционеры-демократы А. И. Гер-

цен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и др. в журналах «Полярная звезда», «Колокол», «Современник» вели широкую пропаганду революционных идей, беспощадно разоблачали гнилость самодержавия, призывали народ к его свержению и разгрому «тёмного царства». В 1859-1861 гг. массовое движение вступило в новую фазу развития, возникла революционная ситуация. Хотя господствующий класс подавил её, но боясь новой революционной волны, ощутил невозможность прежнего безраздельного господства и необходимость смягчения классовых противоречий, частичного изменения структуры власти, в том числе системы местного управления.

Таким образом, «земская реформа была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска» [Ленин, 1967, с. 33], была побочным продуктом революционной борьбы.

Земство было единственным учреждением в России, избранным народом, и его появление внесло оживление в российскую политическую жизнь, которая длительное время находилась в застое, деятельность земства объективно продвигала общество России по пути прогресса и развития, поэтому земство заняло важное место в Российской истории.

Во-первых, создание земства знаменовало начало превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Земства как новые органы местного управления, в отличие от различных бюрократическо-административных учреждений в России, принадлежали к буржуазным по своему характеру сословным местным представительным органам.

Буржуазная избирательная система воплотилась в лежащем в основе организации земств «Положении» 1864 г. Согласно ему, земство состояло из выборных представителей (гласных) от всеобщих по имущественному цензу, по куриям, то есть оно основано на всеобщем, имущественном и избирательном принципах. Разумеется, это буржуазная избирательная система. «Положение» по имущественному цензу разделило избирателей всей страны на три курии: уездную (землевладельческую), городскую, сельских крестьянских обществ. Правом участия в выборах по первой курии пользовались землевладельцы, владевшие минимумом 200 дес. земли или различной недвижимой собственностью в сельской местности стоимостью не ниже 15 тыс. руб., или лица, имевшие годовой доход свыше 6 тыс. руб. Избирателями городской, то есть второй курии, являлись владельцы недвижимого имущества в городе, оцененного в сумме от 500 до 3 тыс. руб., или владельцы торгово-промышленных заведений с оборотом не ниже 6 тыс. руб. в год [Полное собрание ... , 1867]. Представители первой и второй курии избирались непосредственно. Выборы по крестьянской, то есть третьей курии, были многостепенными. Сельские общества выбирали представителей на волостные сходы, которые избирали выборщиков, последние выбирали гласных в уездное земское собрание. Губернские гласные избирались на уездных земских собраниях. В уездах и губерниях земские органы делились на распорядительные – собрания гласных (земские собрания) – и исполнительные – земские управы. Земские собрания избирались раз в три года и регулярно собирались раз в год. По размеру уездное земское собрание состояло из 10-96 представителей (гласных),

губернское земское собрание составляли 15-100 представителей. Таким образом, русское земство избиралось по буржуазному представительному принципу и состояло из представителей всех сословий, причём, переизбиралось раз в три года.

Результаты выборов также свидетельствовали о буржуазном представительном характере земства. «В 1865-1867 гг. среди уездных гласных земств в 30 губерниях было 42 % дворян, 10 % купцов, 38 % крестьян, 6,5 % духовенства и 3 % представителей других сословий; между тем в этих губерниях крестьяне составляли 74 %, дворяне – 11 %, купцы – 11 %, другие лица 4,3 %» [История СССР, 1984, с. 36]. Несмотря на преобладание дворянских представителей в уездных и губернских земствах, приведенные цифры доказывают то, что в земствах действительно имелись представители крестьян, купцов и других сословий. Кроме того, наряду с развитием капитализма число промышленно-торговых буржуазных гласных увеличивалось из года в год. В 70 – 80-е гг. XIX в. в некоторых губерниях с преобладанием капиталистической системы хозяйства уже начался процесс вытеснения дворян из земства [Захарова, 1968].

Хотя земское собрание не было буржуазным парламентом, а земская управа не была буржуазным представительным правительством, тем не менее был сделан первый, важный шаг на пути превращения страны в буржуазную монархию. Земство было единственным в стране избранным органом, порождённым буржуазной избирательной системой, основанной на имущественном внесословном цензе, которая существенно отличалась от феодального сословного строя, продолжавшегося

несколько веков с тех пор, как была образована династия Романовых.

Во-вторых, оппозиционная деятельность земства объективно пошатнула господствующие основы самодержавия. Прежде всего, дворянство, на которое всё время опирался царизм, сильно расслоилось. Посредством выборов прогрессивные дворяне вступили в ряды земских гласных и постепенно шли по пути к оппозиции. Это привело к кризису верхов. Согласно «Положению» 1864 г., земские гласные избирались от трёх курий, однако, «дикие» и консервативные помещики от курии землевладельцев не интересовались земской деятельностью, например, открытием школ, созданием больниц, распространением агрономии, строительством дорог и т. п. Зачастую они не являлись на выборы. «Во многих уездах на первом избирательном собрании явившихся на выборы оказывалось часто не более положенного по расписанию числа гласных и все прибывшие зачислялись в гласные» [Черменский, 1970, с. 14]. Большинство таких гласных принадлежало к обуржуазившимся либеральным дворянам. Они обладали огромными средствами, получали систематическое образование, служили высшими или средними чинами. Такое состояние привело к тому, что они без труда могли захватить руководящую роль в земстве.

С другой стороны, с самого начала земство чинило препятствия царской власти. В сущности, земство появилось как принятый царизмом паллиатив, поэтому, отмечал В. И. Ленин, «с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления» [Ленин, 1967, с. 30]. Лежащее в основе земства «Положение» 1864 г. не ввело земство

в общую систему государственного управления России, а поставило, как писал тайный советник В. П. Безобразов, подле ее, «как отдельные государственно-общественные тела, [Государственно, а не чисто общественные, потому что им присвоены некоторые прерогативы государственной власти (каково главнейшее право налога и выбор судеб).] не имеющие никаких органических связей с этой системой, а без этих связей они не могут продолжать развиваться здоровым образом» [Безобразов, 1874, с. 38]. Высочайше утвержденное 19 сентября 1869 г. «Положение» комитета министров даже явственнее подчеркивало, что земские учреждения ни по своему составу, ни по основным началам не власть правительственная. Земства были организованы только «для заведывания делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда» [Полное собрание ... , 1897, с. 1]. Несмотря на ограничения, «были сразу поставлены под контроль администраций» [Ленин, 1967, с. 30]. Это неизбежно привело к возмущению и протесту земско-либеральных гласных, потому что они провозгласили земство зародышем конституции и представительной школой. «В России было зерно, из которого ‘самотёком’ росла конституция, – утверждал один из земских либералов, позже известный кадет В. Маклаков – Это было местное самоуправление, т. е. земство ... Стоило постепенно развивать это начало к низу и кверху и конституция сама бы собой пришла» [В. И. Ленин о социальной ... , 1970, с. 169]. Чтобы осуществить эту мечту, либеральные гласные сделали земство базой оппо-

зиционной деятельности, то и дело оказывали давление на правительство, требуя расширить власть земства и создать властное всероссийское земство. Либералы стремились ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений, тем самым добивались разделения власти.

То, что царизм пытался держать земство в руках, привело к противодействию и борьбе между ними. Постепенно, земство стало центром либерального оппозиционного движения XIX в. По подсчетам Ф. А. Петрова, с конца 1878 г. до начала 1882 г. земствами было подано 22 либеральных адреса на «высочайшее имя» и 50 ходатайств в правительство с просьбой о разрешении сношений между земствами различных губерний и о созыве центрального земского собрания [Петров, 1974, с. 33]. 14 губернских (Московское, Тамбовское, Пензенское, Харьковское, Владимирское, Олонекское, Вятское, Нижегородское, Орловское, Рязанское, Полтавское, Казанское, Тульское) и 12 уездных земств откликнулись на этот призыв [Пирумова, 1977, с. 128]. В 1894 – 1895 гг. адреса были поданы девятью земствами: Тверским, Тульским, Уфимским, Полтавским, Тамбовским, Саратовским, Курским, Орловским и Черниговским. Главная их политическая линия состояла в просьбах «единения царя с народом» путём «доступа голоса земств к престолу» [Мирный, 1896, с. 3]. Помимо этого, речь шла об «уповании» на торжество законности, об охране прав отдельных лиц общественных учреждений [Мирный, 1896, с. 3].

До 1890 г. правом ходатайства пользовались как губернские, так и уездные земства. Поэтому собрание,

адрес и ходатайство было главной легальной формой земско-либеральной оппозиционной деятельности XIX в. По примерному подсчёту, лишь в 1865-1884 гг. было подано 1 273 ходатайства от уездных земств, 1350 – от губернских земств [Карышев, 1900]. Ходатайства касались организации самоуправления, финансовых, судебных, межевых, продовольственных дел, путей сообщения и почты, медицины и общественного призрения, народного образования.

Во второй половине XIX в. в России, находившейся под властью самодержавия, противостояние земства царизму и оппозиционная деятельность земских гласных объективно ослабляли господствующие основы царизма, что способствовало прогрессу российского общества.

В-третьих, общественно-экономическая деятельность земства стимулировала развитие капитализма и способствовала общественному прогрессу России.

Поскольку «Положение» 1864 г. установило, что земства были организованы для ведения дел, относящихся к местным хозяйственным проблемам каждой губернии и каждого уезда [Полное собрание ... , 1867], большая часть их деятельности относилась к обществу и хозяйству. Особенно большие успехи были достигнуты в сферах распространения образования и здравоохранения.

Дореформенная Россия, в основном, была неграмотной страной. Земские гласные полагали: «Улучшение сельского хозяйства и экономического положения населения, оказалось настолько тесно связано с народным образованием, что не могло быть обсуждено вне связи с ним» [Чехов, 1904, с. 358]. Исходя из этого, они создавали

комитеты грамотности, открывали начальные школы, распространяли программы обучения, организовывали народные библиотеки и воскресные школы, бесплатно раздавали дешёвые издания, чтобы увеличить культурный уровень населения. Начальные школы в дореволюционной России открывались земствами в сельских местностях. По статистике в первые десять лет (1864-1874 гг.), было открыто 10 000 земских школ в деревнях [Большая советская ... , 1952, с. 40]. К 1911 г. в России было 27 486 земских школ, из них 3/4 школ имели 3-летний срок обучения и являлись однокомплектными (не более 50 учащихся с 1 учителем), остальные – были 4-летними и двухкомплектными (более 50 учащихся с 2 учителями) [Большая советская ... , 1972, с. 507]. «Уже к концу 1890-х гг., в таких школах обучалось 3500 тыс. учащихся, в том числе 800 девушек» [История СССР ... , 1968, с. 562]. Благодаря проводившейся земствами работе количество грамотных людей среди населения в России сильно увеличилось: если пропорция грамотных людей в дореформенной России была 1:15, то к 1897 г. она составила 1:5 (около 21,1 %), среди населения от 10 до 39 лет число грамотных увеличилось с 1/4 до 1/3 [История СССР ... , 1968, с. 566]. Итак, земства сыграли большую роль в распространении грамотности и начального образования среди крестьян.

Положение здравоохранения в сельских местностях дореформенной России было крайне неудовлетворительным: не доставало лечебных учреждений и лекарственных средств, заболевания охватывали огромные территории, смертность была велика, средняя продолжительность жизни –

мала. С целью изменить сложившееся положение земства в течение почти полувека принимали целый ряд мер: приглашали врачей, создавали постоянные лечебные пункты, открывали училища медсестер, обували и одевали

сельских первичных медработников, улучшали коммунальную гигиену, усиливали противоэпидемическую работу в деревнях. В итоге сельское здравоохранение значительно улучшилось (таблица 1).

Таблица 1.

Сравнительные данные о развитии земских медицинских учреждений в 1870 и 1910 г. [Большая советская ... , 1972, с. 505]

Врачебная сеть	1870	1910
Число врачебных участков	530	2 686
Из них: амбулаторных	135	641
больничных в сельских местностях	70	1 715
больничных в уездных городах	325	330
Средний радиус в вёрстах	39	17
Население на один врачебный участок	950 000	28 000
Число селений в среднем врачебном участке	550	105
Число коек на 10 000 жителей	1.5	4.8
Число самостоятельных фельдшерских пунктов	1 350	2 620
Отношение числа фельдшерских пунктов к врачебным	2.5:1	1:1
Число врачей на службе уездных земств	610	3 100
Из них в сельской местности	240	2 335

Кроме того, земства также занимались общественным страхованием, местным сообщением, сельской статистикой, изданием печатных органов, распространением агроминимума, «охранением» местной торгово-промышленной деятельности, управлением местными финансами и т. п. Земцы работали тщательно, внимательно, серьёзно и полно. Так, в процессе ведения статистики сельского хозяйства сначала за статистическую единицу была принята община, но они посчитали, что это не точно, и поэтому с 1880 г. сделали из семьи статистическую единицу. Ведя полное социально-экономическое обследование, они печатали огромные статистические своды по губерниям и уездам, снабдили развитие капитализма богатыми первичными материалами. Работники земств

завоевали общее уважение народных масс, потому что проявляли усердие и осмотрительность, потому что не боялись ни трудов, ни нареканий.

Заключение

Экономическая и общественная работа земств сыграла значительную роль: во-первых, повысилась грамотность и культурный уровень народных масс; во-вторых, земства снабдили развивающийся капитализм большим количеством крепкой и здоровой рабочей силы; в-третьих, ускорилось превращение науки и техники в производительные силы, в-четвёртых, создались благоприятные внутренние и внешние условия для развития капитализма, были заложены материальные основы для экономического прогресса.

На самом деле земства были все-таки паллиативной мерой, на которую был вынужден пойти царизм, чтобы укрепить свое господство. Это была весьма ограниченная уступка, на которую ему пришлось пойти перед революционной ситуацией. В конце концов, руководство земств держалось в руках либералов, в жилах которых всё ещё текла аристократическая кровь, поэтому земства неизбежно имели серьезные ограничения.

Во-первых, борьба, проводимая земствами, носила умеренный и непоследовательный характер. Земство не затрагивало фундаментальных вопросов ликвидации феодального режима и самодержавного правления царя. Долгосрочная цель земства состояла только в том, чтобы «успешно завершить здание», то есть создать общегосударственный центральный орган самоуправления, и оно хотело только немного разделить власть с царским правительством; оно боялось революции и хотело проводить лишь постепенное реформирование. Земство не осмеливалось призывать народ к разрушению старого государственного аппарата путем борьбы, а только выстраивало перспективы об использовании мягких средств, таких как адреса и ходатайства, чтобы повлиять на царя в обмен на уступки. Когда революционное движение набрало силу, земства и земские либералы были запуганы и западничили, видя в нем врага, но они ис-

пользовали его как капитал для заключения сделок с самодержавной властью. Известный земский деятель Н. Н. Львов высказывал мнение, что революция разрушит «сохранение общественного спокойствия и безопасности» и задержит «правильное и покойное развитие государства». Он заключил: «Если взглянуть на это революционное движение объективно, то необходимо признать его злом». Он предупреждал царское правительство: «Рано или поздно, но взрыв революционный будет неизбежно, если отношения между правительством и обществом останутся те же» [Шацилло, 1985, с. 118]. Очевидно, что земства и их либералы больше боялись революции, чем царизма.

Во-вторых, деятельность, проводимая земствами, носила обманчивый характер. Политическая деятельность земства действительно «поколебала» царизм, но в то же время объективно играла отрицательную роль в привлечении к власти народа, парализуя его боевой дух, вызывая отклонение революционного движения от правильного направления, в период обострения революционной ситуации и кризиса самодержавия выполняя для царского правительства функции пожарных команд. Позже это ограничение становилось все более очевидным, что в конечном итоге привело к тому, что партия большевиков отказалась от сотрудничества с ними.

Библиографический список

1. Безобразов В. П. Земские учреждения и самоуправление. Москва : Унив. тип. (Катков и К^о), 1874. 52 с
2. Большая советская энциклопедия. Том 17. Москва : Большая советская энциклопедия, 1952. 631 с.
3. Большая советская энциклопедия. Том 9. Москва : Сов. Энциклопедия, 1972. 623 с.

4. Буланая Ю. В. Местное управление земства в России – исторический опыт гражданского самоуправления // В книге: Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий. материалы VII Международной научно-практической конференции. Донецк : Донецкая академия управления и государственной службы, 2023. С. 209-214.
5. Веселовский Б. История земства за сорок лет = История земства. Санкт-Петербург : Изд-во О. Н. Поповой, 1911. 708 с.
6. В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. / Ред. коллегия: ... Иванов Л. М. (отв. ред.) [и др.]; АН СССР. Ин-т истории СССР. Москва : Наука, 1970. 317 с.
7. Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. / Под ред. проф. П. А. Зайончковского. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1968. 178 с.
8. История СССР с древнейших времен до наших дней. Том 5. Развитие капитализма и подъем революционного движения в пореформенной России. Москва : Наука, 1968. 732 с.
9. История СССР. 1861-1917: Учебник для пед. ин-тов / под ред. Н. Д. Кузнецова. Москва : Просвещение, 1984, 480 с.
10. Кавелин К. Д. Собрание сочинений К. Д. Кавелина. Публицистика [разсуждения, статьи и заметки К. Д. Кавелина] / с портр. авт., вступ. ст. В. Д. Спасовича и примеч. проф. Д. А. Корсакова. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. XXXII с., 1258 стб.
11. Калининченко В. П. Вятское губернское земство: развитие медицины и школьного образования // Медицинское образование сегодня. 2019. № 1 (5). С. 43-61.
12. Карышев Н А Земские ходатайства 1865-1884 гг. / Земские ходатайства тысяча восемьсот шестьдесят пятого – 1884 гг. Москва: А. А. Ланг, 1900. 272 с
13. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т.5. Москва : Политиздат, 1967. 550 с.
14. Литвинов М. А. Роль земств в общественно-политической жизни России // XIX международные научные чтения (памяти Ухтомского А. А.): сборник статей Международной научно-практической конференции. Москва : Европейский фонд инновационного развития, 2017. С. 83-86.
15. Лукьянова Т. В. Деятельность Пензенского губернского земства в области медицины во второй половине XIX века / Т. В. Лукьянова, Е. В. Семелева // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 5 (143).
16. Мирный С. (Шаховской Д. И.) Адресы земств 1894-1895 и их политическая программа. Женева : Украинская типография, 1896. 24 с.
17. Петров Ф. А. Нелегальные общеземские совещания и съезды конца 70-х – начала 80-х годов XIX века // Вопросы истории. 1974. № 9. С. 33-45.
18. Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. Москва : Наука, 1977. 288 с.
19. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Том 39. Отделение 1. № 40457. Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. 976 с.

20. Саевская М. А. Власть и земства: отношение власти к политической Активности земств (1864-1905 гг.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14. № 3. С. 39-49.

21. Токвиль А. О демократии в Америке. Москва : Издание магазина «Книжное Дело», 1897. 620 с.

22. Цейтлин С. Я. Земская реформа // История России в XIX веке. Т.3 :Ч.2. Эпоха реформ. Санкт-Петербург : Издание Товарищества Братья А. и И. Гранат и К°, 1907. С. 179-231.

23. Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Мысль, 1970. 448 с.

24. Чехов Н. В. Народное образование // Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности / Изд. Н. Н. Львова и А. А. Стаховича, при участии ред. газ. «Право». Т. 1. Санкт-Петербург, 1904. С. 358.

25. Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: Организация. Программы. Тактика / отв. ред. В. И. Бовыкин. Москва : Наука, 1985. 347 с.

Reference list

1. Bezobrazov V. P. Zemskie uchrezhdenija i samoupravlenie = Zemstvo institutions and self-government Moskva : Univ. tip. (Katkov i K°), 1874. 52 s

2. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. Tom 17 = Great Soviet Encyclopedia. Volume 17. Moskva : Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija, 1952. 631 s.

3. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. Tom 9 = Great Soviet Encyclopedia. Volume 9. Moskva : Sov. Jenciklopedija, 1972. 623 s.

4. Bulanaja Ju. V. Mestnoe upravlenie zemstva v Rossii – istoricheskij opyt grazhdanskogo samoupravlenija = Local zemstvo administration in Russia – historical experience of civil self-government // Puti povyshenija jeffektivnosti upravlencheskoj dejatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti v kontekste social'no-jekonomicheskogo razvitija territorij : materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Doneck : Doneckaja akademija upravlenija i gosudarstvennoj sluzhby, 2023. S. 209-214.

5. Veselovskij B. Istorija zemstva za sorok let = Istorija zemstva = History of the Zemstvo for forty years = History of the Zemstvo. Sankt-Peterburg : Izd-vo O. N. Popovoj, 1911. 708 s.

6. V. I. Lenin o social'noj strukture i politicheskom stroe kapitalisticheskoy Rossii = V. I. Lenin on the social structure and political structure of capitalist Russia / Red. kollegija: ... Ivanov L. M. (otv. red.) [i dr.] ; AN SSSR. In-t istorii SSSR. Moskva : Nauka, 1970. 317 s.

7. Zaharova L. G. Zemskaja kontrreforma 1890 g. = Zemsky counter-reform of 1890 / pod red. prof. P. A. Zajonchkovskogo. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1968. 178 s.

8. Istorija SSSR s drevnejshih vremen do nashih dnei. Tom 5. Razvitie kapitalizma i pod#em revoljucionnogo dvizhenija v poreformennoj Rossii = The history of the USSR from ancient times to the present day. Volume 5. The development of capitalism and the rise of the revolutionary movement in post-reform Russia. Moskva : Nauka, 1968. 732 s.

9. Istorija SSSR. 1861-1917 = History of the USSR. 1861-1917: Uchebnik dlja ped. in-tov / pod red. N. D. Kuznecova. Moskva : Prosveshhenie, 1984, 480 s.
10. Kavelin K. D. Sobranie sochinenij K. D. Kavelina. Publicistika [razsuzhdenija, stat'i i zametki K. D. Kavelina] = Collected works of K. D. Kavelin. Journalism [judgments, articles and notes by K. D. Kavelin] / s portr. avt., vstup. st. V. D. Spasovicha i primech. prof. D. A. Korsakova. Sankt-Peterburg : Tip. M. M. Stasjulevicha, 1898. XXXII s., 1258 stb.
11. Kalinichenko V. P. Vjatskoe gubernskoe zemstvo: razvitie mediciny i shkol'nogo obrazovanija = Vyatka provincial zemstvo: development of medicine and school education // Medicinskoe obrazovanie segodnja. 2019. № 1 (5). S. 43-61.
12. Karyshev N A Zemskie hodatajstva 1865-1884 gg. = 1865-1884 Zemsky petitions. / Zemskie hodatajstva tysjacha vosem'sot shest'desjat pjatogo – 1884 gg. Moskva : A. A. Lang, 1900. 272 s
13. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. T.5 = Complete works. V.5. Moskva : Politizdat, 1967. 550 s.
14. Litvinov M. A. Rol' zemstv v obshhestvenno-politicheskoj zhizni Rossii = The role of zemstvos in the social and political life of Russia // XIX mezhdunarodnye nauchnye chtenija (pamjati Uhtomskogo A. A.) : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva : Evropejskij fond innovacionnogo razvitija, 2017. S. 83-86.
15. Luk'janova T. V. Dejatel'nost' Penzenskogo gubernskogo zemstva v oblasti mediciny vo vtoroj polovine XIX veka = The activity of the Penza provincial zemstvo in the field of medicine in the second half of the XIX century / T. V. Luk'janova, E. V. Semeleva // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2024. № 5 (143). S. 131-136.
16. Mirnyj S. (Shahovskoj D.I.) Adresy zemstv 1894-1895 i ih politicheskaja programma = Zemstvo addresses in 1894-1895 and their political program. Zheneva : Ukrainskaja tipografija, 1896. 24 s.
17. Petrov F. A. Nelegal'nye obshhezemskie soveshhanija i s#ezdy konca 70-h – nachala 80-h godov XIX veka = Illegal general district meetings and congresses of the late 70s – early 80s of the XIX century // Voprosy istorii. 1974. № 9. S. 33-45.
18. Pirumova N. M. Zemskoe liberal'noe dvizhenie: Social'nye korni i jevoljucija do nachala HH veka = Zemsky liberal movement: Social roots and evolution until the beginning of the XX century. Moskva : Nauka, 1977. 288 s.
19. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie 2. Tom 39. Otdelenie 1. № 40457 = Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Volume 39. Division 1. № 40457. Sankt-Peterburg: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1867. 976 s.
20. Saevskaia M. A. Vlast' i zemstva: otnoshenie vlasti k politicheskoi Aktivnosti zemstv (1864-1905 gg.) = Power and zemstvos: the attitude of power to the political activity of zemstvos (1864-1905) // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. 2018. T. 14, № 3. S. 39-49.
21. Tokvil' A. O demokracji v Amerike = About Democracy in America Moskva : Knizhnoe Del», 1897. 620 s.

22. Cejtin S. Ja. Zemskaja reforma = Zemstvo reform // Istorija Rossii v XIX veke. T.3 :Ch.2. Jepoha reform. Sankt-Peterburg: Izdanie Tovarishhestva Brat'ja A. i I. Granat i K^o, 1907. S. 179-231.

23. Chermenskij E. D. Burzhuazija i carizm v pervoj russoj revoljucii = Bourgeoisie and Tsarism in the First Russian Revolution 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Mysl', 1970. 448 s.

24. Chehov N. V. Narodnoe obrazovanie = National education // Nuzhdy derevni po rabotam komitetov o nuzhdah sel'skohozjajstvennoj promyshlennosti / Izd. N. N. L'vova i A. A. Stahovicha, pri uchastii red. gaz. "Pravo". T. 1. Sankt-Peterburg, 1904. S. 358.

25. Shacillo K. F. Russkij liberalizm nakanune revoljucii 1905-1907 gg.: Organizacija. Programmy. Taktika = Russian liberalism on the eve of the 1905-1907 revolution: Organization. Programs. Tactics / Otv. red. V. I. Bovykin. Moskva : Nauka, 1985. 347 s.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 24.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

**ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Научная статья
УДК 378.184 ; 316.3
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-4-25-127
EDN: FYGPZW

**Социально-педагогический анализ нормативных репрезентаций
современной студенческой молодежи**

Ирина Юрьевна Тарханова

Доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью, директор Института педагогики и психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
tarhanova3000@mail.ru, orcid.org/0000-0002-7166-650X

Аннотация. В статье представлен социально-педагогический анализ нормативных репрезентаций современной студенческой молодежи в условиях цифровизации. Основная цель исследования заключалась в определении и анализе нормативных представлений, формируемых молодежью в процессе цифрового общения и взаимодействия в сети. В работе использовались методологические положения социокультурного подхода, который основывался на идеях неклассической рациональности, а также анкетирование среди студентов различных вузов России. Исследование показало, что молодежь активно использует социальные сети, причем значительная часть считает это нормой. Однако многие участники выразили обеспокоенность по поводу возможного негативного влияния цифрового пространства на развитие личности. Были выявлены изменения, происходящие с человеком под влиянием цифровой среды, включая эмоциональную привязанность к интернету, снижение ответственности за поведение в интернете и ухудшение качества межличностного общения. Результаты анкетирования 350 студентов из 12 регионов России показали, что большая часть респондентов осознает наличие определенных норм в цифровом пространстве, однако мнения разделились относительно их характера и обязательности следования этим нормам. Кроме того, молодежь склонна считать девиантным поведением, в первую очередь, действия, наносящие вред конкретным лицам, тогда как действия, угрожающие обществу и государству, вызывают меньшую тревогу. Выводы исследования подчеркивают необходимость разработки комплексных моделей профилактики цифровых девиаций, направленных на усиление социального контроля и повышение осведомленности молодежи о возможных последствиях девиантного поведения в интернете. Важно отметить, что в рамках исследования было выявлено отсутствие четких критериев оценки девиантности в цифровом пространстве. Это создает до-

© Тарханова И. Ю., 2024

полнительные трудности в формировании эффективного механизма предотвращения негативных последствий цифрового общения.

Ключевые слова: нормативные репрезентации; цифровизация; молодежь; девиантное поведение; профилактика; риски цифровой социализации

Для цитирования: Тарханова И. Ю. Социально-педагогический анализ нормативных репрезентаций современной студенческой молодежи // Социально-политические исследования. 2024. № 4 (25). С. 127-141. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-127>. <https://elibrary.ru/FYGPZW>.

THEORY, METHODS AND ORGANIZATION OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Original article

Socio-pedagogical analysis of modern student youth's normative representations

Irina Y. Tarkhanova

Doctor of pedagogical sciences, professor at department of social pedagogy and organization of work with youth, director of Institute of pedagogy and psychology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
tarhanova3000@mail.ru, orcid.org/0000-0002-7166-650X

Abstract. The article presents a socio-pedagogical analysis of normative representations of modern student youth in the context of digitalization. The primary objective of the study was to identify and analyze normative perceptions formed by the youth in the process of digital communication and networking. The work used the methodological provisions of the sociocultural approach, which was based on the ideas of non-classical rationality, as well as a survey among students of various universities in Russia. The study showed that young people actively use social networks, with a significant part considering it the norm. However, many participants are concerned about the possible negative impact of the digital space on personal development. Changes occurring with a person under the influence of the digital environment were revealed, including emotional attachment to the Internet, a decrease in responsibility for behavior on the Internet and a deterioration in the quality of interpersonal communication. The results of the survey of 350 students from 12 regions of Russia showed that most of the respondents are aware of the presence of certain norms in the digital space, but opinions are divided regarding their nature and the obligation to follow these norms. Moreover, young people tend to consider deviant behavior, first of all, actions that harm specific persons, while actions that threaten society and the state are less alarming. The findings of the study emphasize the need to develop comprehensive models for preventing digital deviations aimed at strengthening social control and raising awareness among young people about the possible consequences of deviant behavior on the Internet. It is important to note that the study revealed a lack of clear criteria for assessing deviance in the digital space. This causes more difficulties in forming an effective mechanism to prevent the negative consequences of digital communication.

Key words: normative representations; digitalization; youth; deviant behavior; prevention; risks of digital socialization

For citation: Tarkhanova I. Yu. Socio-pedagogical analysis of modern student youth's normative representations. *Social and political researches*. 2024;4(25): 127-141. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-127>. <https://elibrary.ru/FYGPZW>.

Введение

В современном обществе цифровые технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни, особенно для молодежи. Социальные сети, мессенджеры и другие платформы формируют новое пространство для общения и обмена информацией, которое воспринимается подрастающим поколением как аномичное и свободное от контроля взрослых. Как следствие в цифровой среде широко распространяются виды и формы общения и поведения? нарушающие общепринятые нормы морали, этики, а зачастую и носящие противоправный характер.

В результате аксиологических сдвигов в цифровом обществе происходит перенос виртуальных ценностей в настоящую реальность: смерть не воспринимается как нечто конечное, по мнению молодого «цифрового человека», ведь есть функция перезагрузки и выход на новый уровень; демонстрация насилия и жестокости приносит популярность в сети, деструктивный имидж является привлекательным; преступление, совершенное с помощью компьютерной программы, вызывает восторг, а не отторжение; интернет-пропаганда становится главным оружием экстремистов; субъективные ощущения свободы и вседозволенности в цифровой среде порождают феномен «новой девиантности» – новых форматов отклоняющегося поведения, присущих цифровой эпохе. Особую группу риска при этом представляет

молодежь, в том числе студенты вузов, являющиеся одним из ключевых ресурсов научно-технического развития Российской Федерации. Совершение противоправных действий данной группой молодежи приводит не только к росту социальной напряженности, но и к снижению качества человеческого капитала и потенциала будущего нашей страны. В связи с недостаточностью причинно-следственного и факторного анализа, интерпретации и обоснования действенных практик превенции новых типов и форм девиантного поведения студенческой молодежи, связанных с особенностями и рисками цифровой социализации, проблема эффективной профилактики отклоняющегося поведения современной молодежи остается нерешенной и имеет высокий научный потенциал и практическую значимость.

Таким образом, актуальность исследования влияний цифровой среды на формирование нормативных репрезентаций молодежи обусловлена прогностическими возможностями его результатов относительно трансформации понятия норм и границ их применения в современном обществе в целом, и в молодежной среде в частности.

Цель исследования: определение и анализ нормативных репрезентаций, формируемых молодежью в ходе цифрового общения и взаимодействия в сети.

Методология и методы исследования

Исследование построено на методологических положениях социокультурного подхода, получившего в последние годы новые основания для развития, связанные с идеями неклассической рациональности, обоснованными в трудах В. Г. Буданова [Буданов, 2007], В. С. Степина [Степин, 2009], А. М. Цирульникова [Цирульников, 2022]. Специфика применения социокультурного подхода в исследовании процессов цифровизации заключается в анализе новых форматов социального взаимодействия, опосредованного интернет-пространством и цифровыми коммуникационными технологиями, трансформации под их воздействием социальных практик, досуга и других традиционных социальных сфер [Pelea, 2023], что позволяет акцентировать внимание исследования на изменениях процессов социализации, порожденных широким использованием цифровых технологий.

В качестве методов сбора эмпирической информации было применено анкетирование, в котором приняли участие 350 студентов из 19 вузов, расположенных в 12 регионах России, из них мужчины – 88 человек (25,1 %), женщины – 262 человека (74,9 %). Возраст респондентов составил от 17 до 28 лет.

При разработке анкеты учитывались сформировавшиеся в современной педагогической науке концепты «сетевой личности» [Ахаян, 2019], «расширенной личности» [Семенов, 2020], «цифрового человека» [Danilyan, 2023], а также результаты ранее проведенных исследований особенностей цифровой социализации [Солдатова, 2018], девиаций в цифровой среде [Воробьева, 2021; Кемалова, 2022; Шитько, 2021].

Результаты исследования

Важной проблемой социального становления взрослеющей личности является понимание того, как молодые люди отражают в своём сознании окружающий их мир [Gelman, 2006]. В психологической науке термин репрезентация используется для обозначения процесса и результатов отображения реальности в сознании человека. Репрезентация включает в себя представление, интерпретацию и хранение информации о внешнем мире и внутреннем состоянии субъекта. Это понятие охватывает широкий спектр психических явлений, таких как образы, мысли, чувства, убеждения и воспоминания. Идея о связи психического и социального развития и форм репрезентации реальности была обоснована Д. Румельхартом и Д. Норманом, которые трактуют репрезентацию как ориентировочную основу действия в окружающем мире, позволяющую человеку строить модели поведения и предвидеть последствия своих действий [Rumelhart, 2013].

Нормативная репрезентация связана с отражением в сознании индивидов различного рода норм и правил, формирование представления о нормах, их понимания и отношения к ним как к регуляторам личного и группового поведения индивида. В контексте исследуемой темы нас интересуют, прежде всего, репрезентация молодежью социальных норм, как исторически сложившихся в конкретном обществе пределов, мер, интервалов допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных организаций [Гишинский, 1971].

В научных исследованиях по проблемам девиантного поведения чаще

всего выделяют следующие *виды социальных норм*: правовые; нравственные; этические. Также можно говорить о религиозных, деловых, корпоративных и эстетических и других видах норм.

Правовые нормы – это общеобязательные и охраняемые государством правила поведения, регулирующие общественные отношения с целью их упорядочения в интересах общества. Правовые нормы, в отличие от других видов норм, всегда формально определены и зафиксированы в юридических документах, их исполнение обязательно для всех, а нарушение влечет за собой неизбежное наказание.

Правовые нормы, обладая качествами норм социального регулирования, имеют свои, специфические признаки, выделяющие их из системы других социальных норм:

«1. Нормы права регулируют наиболее важные общественные отношения, представляющие ценность для общества, его социальных групп, личности, и выражающие идеи справедливости, свободы, равенства, гуманизма.

2. Нормы права закрепляют типичные, часто повторяющиеся социальные процессы, имеющие ценность для общества.

3. Нормы права представляют собой модель идеального поведения субъектов права, исходя из интересов всего общества.

4. Общеобязательный характер норм права означает неукоснительное их соблюдение субъектами права, к которым норма права адресуется» [Алексеев, 2013, с. 40].

Нравственные и этические нормы могут существовать и на уровне незакрепленных документально. Они являются отражением традиций, обусловлены социальными и культурными

особенностями, базируются на общечеловеческих ценностях. За их нарушение не следуют юридические санкции, но следует общественное осуждение и порицание. Эти виды норм имеют аксиологическую природу – они задают ценностные ориентации людей. Говоря об отклоняющемся поведении молодежи мы всегда используем ценностные предпосылки суждений (отношение к ценностям), хотя бы в целях достаточно адекватного описания социокультурной реальности [Каданина, 2022, с. 126].

Нормативное поведение полагает соответствующее всем видам норм взаимодействие человека с социумом, отвечающее потребностям и возможностям его личного развития и социализации, и одновременно не противоречащее ожиданиям окружающим. Такое поведение является результатом целенаправленной социализации (воспитания): если ближайшее окружение способно своевременно и адекватно реагировать на те или иные нарушения ребенком общепринятых норм, то его поведение с большой долей вероятности будет нормальным. В то время как девиантное (отклоняющееся) поведение проявляется в поведенческом противодействии общепринятым нравственным, этическим, а в своих крайних проявлениях и правовым нормам.

Социальные ожидания от поведения индивидов меняются в зависимости от исторического, политического или социального контекстов. Это может привести и к изменению норм. Согласно теории моральных аргументов [Strimling, 2018], люди могут изменить свое суждение о поведении, если его аргументация находит отклик в их системе ценностей.

Всё это ещё раз актуализирует необходимость эмпирического исследования нормативных репрезентаций, проявляемых современной молодежью, социализирующейся одновременно в двух мирах – реальном и виртуальном. И если в реальном мире существуют различные регуляторы соблюдения социальной нормативности, а также санкции за нарушение норм (от морального порицания до уголовного наказания), то в цифровом пространстве регламентации, как таковой нет. Исследование нормативных репрезентаций в цифровых коммуникациях молодежи способно не только продуцировать новое научное знание о нормативной картине мира современного молодого человека, но и дать основания для выработки эффективных профилактических решений по предупреждению распространения цифровых девиаций.

Источником для анализа нормативных репрезентаций может быть восприятие цифрового мира, своего места в нём и способов коммуникации с другими его субъектами. Относительно последнего аспекта есть целый ряд исследований, отмечающих изменения в языке общения молодежи в социальных сетях [Вартанова, 2023], изменения ценностных ориентаций под влиянием цифровой среды [Патрушева, 2023], проблемы с идентификацией личности [Митрофанова, 2023] и нарушения иерархии в цифровом общении [Томберг, 2023]. Удобство и разнообразие виртуальной среды, обусловленные ее доступностью, приводят к тому, что межличностное общение все чаще перемещается из реального мира в виртуальный, при этом представления о нормативности общения и вза-

имодействия в цифровом формате не сформированы.

По результатам опроса 350 студентов 19-ти российских вузов, расположенных в 12 регионах Российской Федерации, проведенного нами в октябре 2024 года, современная молодежь является активными пользователями социальных сетей: для 16 % респондентов постоянное пребывание в цифровом пространстве является нормой, для 34 % нормальным является пребывание в течение 4-5 часов в день, 28 % видят приемлемым для себя интервал в 2-3 часа и менее 3 % выделяют себе на данный вид активности менее 1 часа в день. При этом 93 % опрошенных считают, что любые социальные сети оказывают влияние на социальное и коммуникативное пространство их пользователей, а 85 % респондентов высказывают опасения по поводу негативного влияния цифрового пространства на становление и развитие личности, хотя и обратное мнение также существует – 13 % опрошенных заявляют о положительном влиянии цифровизации мира на личностное развитие.

Важным для анализа нормативных репрезентаций являлся вопрос о персональной идентичности, трансформируемой посредством социализации в виртуальном пространстве. Данный вопрос был включен в исследование для проверки гипотезы о том, чувствует ли себя современный человек «расширенной личностью». В основе идей расширения персональной идентичности за счет «цифровых дополнений» лежит идея Л. С. Выготского о том, что включение нового орудия в процесс выполнения каких-либо действий приводит не только к появлению новых функций, связанных с использованием

данного орудия, но и может видоизменить всю структуру поведения [Выготский, 1928].

Респондентам был задан вопрос с множественным выбором: «Какие изменения происходят с человеком под влиянием цифровой среды?». На него были получены следующие варианты ответов:

- цифровые «расширения» становятся частью личности, неотъемлемой принадлежностью человека (57,4 %);

- появляется эмоциональная привязанность к интернету (57,4 %);

- возникает субъективное ощущение неразлучности с гаджетами (51,4 %);

- существенно расширяется сеть социальных контактов за счёт виртуальных знакомств (43,7 %);

- появляется номофобия (страх остаться без доступа к социальным сетям) (41,4 %);

- снижается ответственность человека за своё поведение в интернет-пространстве (38,2 %);

- ухудшается качество межличностного общения и взаимодействия (34,6 %);

- ухудшаются когнитивные способности человека: память, внимание, мышление и др. (31,7 %);

- повышается уровень готовности к ответственному эффективному и безопасному использованию онлайн-ресурсов (30,8 %);

- быть уверенным и адекватным в современном мире означает «быть на связи» (27,1 %);

- более позитивное восприятие себя в цифровом мире по сравнению с реальным Я (25,7 %).

Таким образом, под влиянием цифровой среды у молодежи формируются новые представления о своей идентич-

ности («расширенная личность»), появляются эмоциональная привязанность к интернету и снижение ответственности за своё поведение в онлайн-пространстве.

Как видно из полученных откликов, большинство представителей молодого поколения уверены, что личность меняется под воздействием цифровой среды. Более половины опрошенных связывают эти изменения именно с «цифровыми расширениями» – передачей части когнитивных и социальных функций человека цифровым средствам. Полученные данные подтверждают выводы Г. У. Солдатовой и А. Е. Войскунского: «... основной характеристикой современного человека как субъекта цифровой социализации и ее главных измерений является гиперподключенность к Интернету как к многофункциональному орудю, активность человека как субъекта деятельности в смешанной/ совмещенной реальности, социотехнологическую достройку, или расширение личности, и цифровую социальность» [Солдатова, 2021, с. 438]. Полученные данные также соотносятся с выводом Н. А. Лукьяновой и О. А. Скальной о том, что «современный человек живет в смешанной реальности и традиционное социальное расширение через физические контакты все больше переходит в киберпространство, создавая новые вызовы в создании и поддержании социальных связей» [Лукьянова, 2022, с. 105].

Ряд ответов подтверждает возникновение новой нормативной картины мира человека цифровой эпохи. Нормой для респондентов являются такие показатели как: виртуальные знакомства, неразлучность с гаджетами, всегда оставаться на связи и т. п. Вместе с тем в ответах на вопрос об изменениях,

продуцированных цифровой средой, мы видим как положительные эмоциональные отклики на происходящие трансформации (расширение возможностей для общения и взаимодействия, позитивное восприятие себя в цифровом мире по сравнению с реальным), так и опасения по поводу ухудшения качества межличностного общения и снижения когнитивных способностей человека. Интересным представляется факт приблизительного равенства доли ответов «снижается ответственность человека за своё поведение в Интернет-пространстве» (38,2 %) и «повышается уровень готовности к ответственному эффективному и безопасному использованию онлайн-ресурсов» (30,8 %).

Что же является неприемлемым для молодежи в цифровом контенте? Ответ на данный вопрос также содержится в нашем исследовании. Так, деструктивными респонденты считают материалы содержащие: пропаганду насилия (88,8 %), жестокое обращение с животными (87,7 %), призывы к экстремизму и терроризму (85,4 %), порнографию (54,5 %), пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений (44,5 %), насаждение приоритета материальных ценностей над духовными (32,5 %), продвижение сверхценных увлечений (веганы, квадроберы и т. п.) (21,2 %). Полученные данные свидетельствуют о наличии в молодежной среде рефлексии по поводу нормативности материалов, находящихся в свободном доступе в интернете. Результатом данной рефлексии являются выводы о необходимости контроля за цифровым пространством со стороны государства – так считают 61,4 % опрошенных студентов.

В опросе респондентам было представлено обобщенное определение девиантного поведения как стойко повторяющегося, не соответствующего общепринятым социальным нормам и наносящего ущерб самому человеку и окружающим его людям и был задан вопрос: «Характерно ли, на Ваш взгляд, такое поведение для современной студенческой молодежи?». Ровно половина опрошенных на данный вопрос ответили «Не знаю, в моём окружении людей постоянно нарушающих социальные нормы почти нет», считают такое поведение имеющим место быть, но не массовым феноменом 32,3 % респондентов, часто сталкиваются с подобными проявлениями 6,3 % ответивших и 11,4 % убеждены что для современной молодежи такое поведение не характерно. Что касается наличия в интернет-коммуникациях норм, как общепризнанных правил, обусловленных присущей социальной среде системой ценностей и обеспечивающих устойчивость, упорядоченность и стабильность социального взаимодействия: убежденность в том, что в сети есть свои правила и нормы общения и взаимодействия, нарушать которые недопустимо высказали 28,6 % респондентов, убеждены в отсутствии таких норм 3,4 %. О личной убежденности в приемлемости или неприемлемости определенных проявлений заявили 17,7 %, о наличии субкультурных норм (норм устоявшихся в определенной части сообщества, но нераспространяемых на все цифровые коммуникации) заявили 50,3 % опрошенных.

Таким образом, можно зафиксировать размытие границы нормальности: нормы, касающиеся девиантного поведения в интернете, остаются недостаточно четко определенными среди мо-

лодежи, а действия, наносящие вред отдельным людям, воспринимаются как более серьезные отклонения, чем те, которые наносят вред обществу или государству. Полученные данные актуализируют научную дискуссию по поводу возникновения «новой нормальности» – гибридной реально-виртуальной среды, диктующей новые стратегии общественного развития [Демидова, 2020].

Среди действий, которые можно отнести к девиантному поведению в цифровой среде студенты российских вузов назвали:

- унижение и травля других пользователей (87,4 %);
- мошенничество и кражи персональных данных (86 %);
- публичные оскорбления (80 %);
- распространение экстремистского контента (77,1 %);
- распространение недостоверной информации (63,7 %);
- опубличивание персональной информации без согласия её обладателя (31,4 %);
- плагиат различного рода (27,1 %).

Девиантными современные молодые люди преимущественно считают действия и поступки интернет-пользователей, наносящие вред конкретной личности. Что соответствует выводам, полученным в исследовании В. И. Воробьевой о том, что наиболее распространённой цифровой девиацией молодежи в виртуальной среде является агрессия в самых разнообразных своих проявлениях – от иронии и сарказма до оскорблений и унижения собеседника [Воробьева, 2021]. При этом действия, наносящие вред обществу и государству в меньшей мере заботят молодежь. Вместе с тем имен-

но асоциальные и антисоциальные проявления цифровых коммуникаций порождают очередной «антропологический поворот», помещая современного человека в ситуацию выбора дальнейшего пути цивилизационного развития [Соловьева, 2024].

Девиантное поведение в сети обусловлено, во многом, ощущением безнаказанности. Так только треть опрошенных уверены что девиантное поведение в цифровой среде может привести к серьезным последствиям, более половины считают такие последствия вполне вероятными, но не обязательными, что порождает субъективное ощущение «меня это не коснется». Иллюзия безнаказанности в интернет-пространстве порождена иллюзией анонимности – в этом убеждены 58,5 % опрошенных, при этом 35 % уверены, что внедрение технологий идентификации анонимных пользователей может помочь снизить уровень девиантного поведения в цифровой среде. Ряд респондентов считают главной причиной деструктивных действий в сети невоспитанность пользователей, но большинство оправдывают такие проявления безобидным желанием выделиться и привлечь к себе внимание и даже тем, что девиантное поведение в цифровой среде – это способ снять стресс. В молодежной среде девиантные поступки, направленные на дестабилизацию социальных и моральных устоев, зачастую не только не санкционируются, но и увеличивают привлекательность совершающего их. Например, агрессивный контент в социальных сетях набирает больше просмотров и реакций [Джюмин, 2022, с. 18]. Данная ситуация является вызовом и для педагогической науки, актуализируя поиск новых эффективных реше-

ний для организации профилактической работы в молодежной среде. Таким образом, можно говорить об осознании молодыми людьми рисков, порождающих желание контроля. Несмотря на активное использование социальных сетей, молодежь осознает потенциальные негативные последствия цифровизации и высказывает потребность в усилении социального контроля над действиями, способными нанести вред.

Заключение

Проведенное исследование позволило фиксировать ряд особенностей нормативных репрезентаций, формируемых молодежью в ходе цифрового общения и взаимодействия в сети:

- нормы, связанные с пониманием сущности девиантного поведения в интернете являются размытыми, в большей степени идентифицируются показатели нормальности-ненормальности в отношении действий, наносящих угрозу благополучию личности, и в меньшей по отношению к действиям асоциальной и антисоциальной направленности;

- у молодых людей выработаны личные регуляторы, направленные на осознанное недопущение в своих действиях неприемлемых для себя проявлений цифрового поведения, в тоже время присутствует готовность оправ-

дывать девиантное поведение других людей (в случаях если направлено не на оценивающего его индивида);

- Интернет и социальные сети воспринимаются как значимое, фактически неотъемлемое, пространство взаимодействия и коммуникации между людьми, при этом молодые люди осознают риски виртуального общения и взаимодействия и высказывают потребность в усилении социального контроля в отношении действий, способных нанести им страдания и вред.

Таким образом, актуальной задачей для педагогов сегодня является создание комплексной модели профилактики цифровых девиаций, включающей, в числе прочих компонентов, идентификацию социальных норм как универсальных регуляторов, распространяющихся и на виртуальное общение и взаимодействие. Для минимизации рисков, связанных с девиантным поведением в цифровом пространстве, необходимо укреплять знание и понимание социальных норм и повышение уровня медиаграмотности среди молодежи. Эти выводы подчеркивают важность дальнейших исследований и практических шагов для обеспечения безопасного и конструктивного использования цифровых технологий молодыми людьми.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Право – одно из самых высоких достижений человеческой цивилизации // Закон. 2013. № 5. С. 38–45.
2. Ахаян А. А. Сетевая личность как новый субъект образования и новые образовательные пространства // Сетевое образовательное взаимодействие в подготовке педагога информационного общества. Международная научно-практическая конференция, Владивосток, 25–26 октября 2019 г. : сборник статей. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. С. 9–16.
3. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Москва : URSS, 2007. 230 с.

4. Вартанова Е. Л. Культура речи в социальных сетях: от речевого конфликта к защите русского языка // Меди@льманах. 2023. № 1 (114). С. 8–16.
5. Воробьева И. В. Цифровые девиации молодежи: современные практики в условиях виртуальной среды мегаполиса // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 744–749. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-96.
6. Выготский Л. С. Инструментальный метод в педологии // Всероссийский педологический съезд (1; 1927-1928; Москва). Основные проблемы педологии в СССР : (По тезисам Первого всерос. педологич. съезда 27/12-1927 г. Москва : Оргбюро Съезда, 1928 (Вязники : гостип. «Красный печатник»). 183 с.
7. Гилянский Я. И. Отклоняющееся поведение – объект правового воздействия // Человек и общест во. Вып. XII. Ленинград : ЛГУ, 1973. С. 144–156.
8. Демидова Е. Е. «Новая нормальность»: социальные аспекты деятельности молодежи в цифровую эпоху / Е. Е. Демидова, А. В. Старикова // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 года / отв. редактор В. А. Мансуров. Тюмень : Российское общество социологов, 2020. С. 887–896.
9. Дзюмин Д. А. Чем негативный контент привлекает молодёжь и как это можно использовать при создании профилактического контента // Обзор. НЦПТИ. 2022. №3 (30). С. 18–20.
10. Каданина А. В. Девиантное поведение молодежи как проблема социальной философии // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 125–134.
11. Кемалова Л. И. Молодежные девиации в условиях цифрового общества // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14, № 2-2. С. 41–49.
12. Лукьянова Н. А. Феномен «расширенного я» в эпоху цифровых технологий / Н. А. Лукьянова, О. А. Скальная // Философия и культура информационного общества : X международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2022. С. 103–105.
13. Митрофанова С. Ю. Социальные идентичности и практики консолидации современной молодежи: опыт отечественных и зарубежных исследований // Семиотические исследования. 2023. Т. 3, №. 3. С. 88–95.
14. Патрушева Е. В. Языковые особенности репрезентации ценностных ориентаций российской и американской молодежи в социальных сетях / Е. В. Патрушева, М. В. Каменский, Е. А. Калиновская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, №. 12. С. 4220–4225.
15. Семенов А. Л. Результативное образование расширенной личности в прозрачном мире на цифровой платформе // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. № 3. С. 590–596. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-27.

16. Солдатова Г. У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г. У. Солдатова, А. Е. Войскунский // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 431–450.

17. Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80. doi:10.17759/sps.2018090308.

18. Соловьева Л. Н. Современные информационные технологии и цифровой апгрейд человека // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. №10 (148). URL: <https://research-journal.org/archive/10-148-2024-october/10.60797/IRJ.2024.148.76> (дата обращения: 16.11.2024). DOI: 10.60797/IRJ.2024.148.76.

19. Степин В. С. Классика. Неклассика. Постнеклассика. Критерии различения // Постнеклассика : философия, наука, культура. Санкт-Петербург : Издательский дом Мирь, 2009. С. 249–295.

20. Томберг О. В. Аксиологические аспекты изучения сетевой коммуникации // Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков в вузе : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 07 апреля 2023 года. Екатеринбург : Уральский государственный горный университет, 2023. С. 30–36. DOI 10.21440/978-5-8019-0521-1-2023-30-36.

21. Цирульников А. М. Социокультурный подход к развитию образования в сельских территориях / иков // Педагогика сельской школы. 2022. № 2(12). С. 5–32. DOI 10.20323/2686-8652-2022-2-12-5-32

22. Шитько М. В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности // Гуманитарный вестник (Горловка). 2021. № 17. С. 104–111.

23. Danilyan O., Dzoban O., Kalynovskyi Y. Digital man as a product of the information society // Cogito (2066-7094). 2023. Т. 15. №. 1. S. 142–158.

24. Gelman S. A., Kalish C. W. Conceptual Development // Handbook of child psychology: Cognition, perception, and language / ed. by D. Kuhn, R. S. Siegler, W. Damon, R. M. Lerner. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Inc, 2006. P. 687–733.

25. Pelea C. I. Digital Culture-Bound Syndromes: A Sociocultural Perspective on Human-Technology Interaction, Mental Health, and Communication // Culture-bound syndromes in popular culture. Routledge, 2023. S. 243-264.

26. Rumelhart D. E., Norman D. A. Analogical processes in learning // Cognitive skills and their acquisition. Psychology Press, 2013. p. 335-359.

27. Strimling P., Vartanova I., Jansson F., Eriksson K. The connection between moral positions and moral arguments drives opinion change // Nature Human Behavior. 2018. №3, p. 922-930. doi: 10.1038/s41562-019-0647-x.

Reference list

1. Alekseev S. S. Pravo – одно из самых высоких достижений человеческой цивилизации = Law is one of the highest achievements of human civilization // Zakon. 2013. № 5. S. 38–45.

2. Ahajan A. A. Setevaja lichnost' kak novyj sub#ekt obrazovanija i novye obrazovatel'nye prostranstva = Network personality as a new subject of education and new

educational spaces // Setevoe obrazovatel'noe vzaimodejstvie v podgotovke pedagoga informacionnogo obshhestva. Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija, Vladivostok, 25–26 oktjabrja 2019 g. : sbornik statej. Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2019. S. 9–16.

3. Budanov V. G. Metodologija sinergetiki v postneklassicheskoj nauke i v obrazovanii = Synergetics methodology in post-classical science and in education Moskva : URSS, 2007. 230 s.

4. Vartanova E. L. Kul'tura rechi v social'nyh setjah: ot rechevogo konflikta k zashite russkogo jazyka = Culture of speech in social networks: from speech conflict to the protection of the Russian language // Medi@l'manah. 2023. №. 1 (114). S. 8–16.

5. Vorob'eva I. V. Cifrovye deviacii molodezhi: sovremennye praktiki v uslovijah virtual'noj sredy megapolisa = Digital deviations of youth: modern practices in the virtual environment of a metropolis // Gercenovskie chtenija: psihologicheskie issledovanija v obrazovanii. 2021. № 4. S. 744-749. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-96.

6. Vygotskij L. S. Instrumental'nyj metod v pedologii = Instrumental method in pedagogy // Vserossijskij pedologicheskij s#ezd (1; 1927-1928; Moskva). Osnovnye problemy pedologii v SSSR : (Po tezisam Pervogo vseros. pedologich. s#ezda 27/12-1927 g. Moskva : Orgbjuro S#ezda, 1928 (Vjazniki : gostip. «Krasnyj pechatnik»). 183 s.

7. Gilinskij Ja.I. Otklonjajushheesja povedenie – ob#ekt pravovogo vozdejstvija = Deviant conduct – subject to legal impact // Chelovek i obshhest vo. Vyp. XII. Leninograd : LGU, 1973. S. 144–156.

8. Demidova E. E. «Novaja normal'nost'»: social'nye aspekty dejatel'nosti molodezhi v cifrovuju jepohu = “The New Normal”: social dimensions of youth in the digital age / E. E. Demidova, A. V. Starikova // Sociologija i obshhestvo: tradicii i innovacii v social'nom razvitii regionov : Sbornik dokladov VI Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa, Tjumen', 14–16 oktjabrja 2020 goda / Otv. redaktor V. A. Mansurov. Tjumen': Rossijskoe obshhestvo sociologov, 2020. S. 887–896.

9. Djejumina D. A. Chem negativnyj kontent privlekaet molodjozh' i kak jeto možno ispol'zovat' pri sozdanii profilakticheskogo kontenta = How negative content attracts young people and how it can be used to create preventive content // Obzor. NCPTI. 2022. №3 (30). S. 18–20.

10. Kadanina A. V. Deviantnoe povedenie molodezhi kak problema social'noj filosofii = Youth deviant behavior as a social philosophy problem // Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 3. S. 125–134.

11. Kemalova L. I. Molodezhnye deviacii v uslovijah cifrovogo obshhestva = Youth deviations in a digital society // Sovremennye issledovanija social'nyh problem. 2022. T. 14, № 2-2. S. 41–49.

12. Luk'janova N. A. Fenomen «rasshirennojo ja» v jepohu cifrovyh tehnologij = The phenomenon of the “extended self” in the digital age / N. A. Luk'janova, O. A. Skal'naja // Filosofija i kul'tura informacionnogo obshhestva : X mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet ajerokosmicheskogo priborostroenija, 2022. S. 103–105.

13. Mitrofanova S. Ju. Social'nye identichnosti i praktiki konsolidacii sovremennoj molodezhi: opyt otechestvennyh i zarubezhnyh issledovanij = Social identities and practices for consolidating modern youth: the experience of domestic and foreign research // Semioticheskie issledovanija. 2023. T. 3, № 3. S. 88–95.

14. Patrusheva E. V. Jazykovye osobennosti reprezentacii cennostnyh orientacij rossijskoj i amerikanskoj molodezhi v social'nyh setjah = Linguistic features in representing value orientations of Russian and American youth in social networks / E. V. Patrusheva, M. V. Kamenskij, E. A. Kalinovskaja // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16. № 12. S. 4220-4225.

15. Semenov A. L. Rezul'tativnoe obrazovanie rasshirennoj lichnosti v prozrachnom mire na cifrovoj platforme = Productive education of an extended personality in a transparent world on a digital platform // Gercenovskie chtenija: psihologicheskie issledovanija v obrazovanii. 2020. № 3. S. 590-596. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2020-3-27.

16. Soldatova G. U. Social'no-kognitivnaja koncepcija cifrovoj socializacii: novaja jekosistema i social'naja jevoljucija psihiki = Social and cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the psyche / G. U. Soldatova, A. E. Vojskuns'kij // Psihologija. Zhurnal Vysšej Shkoly jekonomiki. 2021. T. 18, № 3. S. 431–450.

17. Soldatova G. U. Cifrovaja socializacija v kul'turno-istoricheskoj paradigme: izmenjajushhij rebenok v izmenjajushhem mire = Digital socialization in a cultural and historical paradigm: a changing child in a changing world // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2018. T. 9. № 3. S. 71–80. doi:10.17759/sps.2018090308

18. Solov'eva L. N. Sovremennye informacionnye tehnologii i cifrovoj apgrejd cheloveka = Modern information technology and digital human upgrade // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2024. №10 (148). URL: <https://research-journal.org/archive/10-148-2024-october/10.60797/IRJ.2024.148.76> (data obrashhenija: 16.11.2024). DOI: 10.60797/IRJ.2024.148.76.

19. Stepin V. S. Klassika. Neklassika. Postneklassika. Kriterii razlichenija = Classics. Non-classics. Post-classical. Discrimination criteria // Postneklassika : filosofija, nauka, kul'tura. Sankt-Peterburg : Izdatel'skij dom Mir#, 2009. S. 249–295.

20. Tomberg O. V. Aksiologicheskie aspekty izuchenija setевой kommunikacii = Axiological aspects of studying network communication // Aktual'nye voprosy lingvistiki, mezhkul'turnoj kommunikacii i metodiki prepodavaniya inostrannyh jazykov v vuze : Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ekaterinburg, 07 aprelja 2023 goda. Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj gornyj universitet, 2023. S. 30–36. DOI 10.21440/978-5-8019-0521-1-2023-30-36.

21. Cirul'nikov A. M. Sociokul'turnyj podhod k razvitiju obrazovanija v sel'skih territorijah = Socio-cultural approach to the development of education in rural areas // Pedagogika sel'skoj shkoly. 2022. № 2(12). S. 5–32. DOI 10.20323/2686-8652-2022-2-12-5-32/

22. Shit'ko M. V. Cifrovaja deviacija kak fenomen novej social'noj real'nosti = Digital deviation as a phenomenon of a new social reality // Gumanitarnyj vestnik (Gorlovka). 2021. № 17. S. 104–111.

23. Danilyan O., Dzoban O., Kalynovskiy Y. Digital man as a product of the information society // Cogito (2066-7094). 2023. T. 15. № 1. S. 142–158.

24. Gelman S. A., Kalish C. W. Conceptual Development // Handbook of child psychology: Cognition, perception, and language / ed. by D. Kuhn, R. S. Siegler, W. Damon, R. M. Lerner. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Inc, 2006. P. 687–733.

25. Pelea C. I. Digital Culture-Bound Syndromes: A Sociocultural Perspective on Human-Technology Interaction, Mental Health, and Communication // Culture-bound syndromes in popular culture. Routledge, 2023. S. 243-264.

26. Rumelhart D. E., Norman D. A. Analogical processes in learning // Cognitive skills and their acquisition. Psychology Press, 2013. r. 335-359.

27. Strimling P., Vartanova I., Jansson F., Eriksson K. The connection between moral positions and moral arguments drives opinion change // Nature Human Behavior. 2018. №3, r. 922-930. doi: 10.1038/s41562-019-0647-x.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 18.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 27.09.2024; approved after reviewing 18.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 37.01
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-4-25-142
EDN: GUDPOZ

**Ценностно-смысловые основы подготовки будущих педагогов:
анализ и обобщение результатов исследований**

**Наталья Альбертовна Семенова^{1✉}, Эмануила Григорьевна Гельфман²,
Александр Александрович Никитин³**

¹Кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования, директор Института развития педагогического образования, Томский государственный педагогический университет, г. Томск

²Доктор педагогических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет, г. Томск

³Доктор физико-математических наук, академик РАО, г. Москва

¹natalsem@tspu.edu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-1535-1618>

²mina.gelfman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-012i-3716>

³aanikitin48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1881-3144>

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления ценностно-смысловых основ подготовки будущих педагогов. Актуальность темы связана с противоречием между имеющимся теоретическим и практическим материалом по данной теме и необходимостью его применения для создания единого образовательного пространства во всех субъектах Российской Федерации, основанного на единстве ценностных ориентаций общего и педагогического образования. Целью статьи является анализ и обобщение результатов исследований, связанных с выявлением ценностных ориентаций будущих педагогов, для дальнейшего использования в решении проблемы формирования системы ценностей в условиях интеграции единого образовательного пространства. В статье определены основные понятия, такие как «ценность», «ценностные ориентиры» и «ценностные ориентации профессионально-педагогической деятельности». Методом исследования стал теоретический анализ публикаций, размещённых в журналах списка ВАК в период с 2020 по 2024 год. Результатом анализа стали ответы на вопросы о структуре и классификации ценностных ориентиров, взятых за основу авторами статей, о выборе диагностических методик для их выявления, а также обобщение полученных результатов. Сделаны выводы о том, что исследователи, основываясь на классификациях ценностей М. Рокича, В. А. Слостёнина, В. А. Ядова, И. Ф. Исаева, Е. Н. Шиянова, использовали зарекомендовавшие себя диагностические методики этих же авторов или разработанные собственные авторские опросники и анкеты. Полученные в рамках приведённых исследований данные позволяют, во-первых, соотнести ценностные ориентации будущих педагогов с ценностными ориентациями их сверстников, во-вторых, рассмотреть приоритетные и дефицитарные цен-

ности по группам респондентов в зависимости от стадии вовлечённости в профессиональное обучение или деятельность (первокурсники, старшекурсники, магистранты, практикующие педагоги).

Ключевые слова: ценности педагогической деятельности; ценностные ориентиры педагогической деятельности; ценностные ориентации будущих педагогов; педагогическое образование; ценностно-смысловые основы профессиональной подготовки педагогов; диагностика ценностных ориентиров педагогов, подготовка педагогов

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме «Ценностно-смысловые основы подготовки будущих педагогов в условиях интеграции единого образовательного пространства», рег. № 1024033000036-8-5.3.1 (соглашение № 073-03-2024-005/2 от 27 августа 2024 г.).

Для цитирования: Семенова Н. А., Гельфман Э. Г., Никитин А. А. Ценностно-смысловые основы подготовки будущих педагогов: анализ и обобщение результатов исследований // Социально-политические исследования. 2024. № 4 (25). С. 142-160. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-142>. <https://elibrary.ru/GUDPOZ>.

Original article

**Value-semantic foundations of training future teachers:
analysis and generalization of research results**

Natalia A. Semenova¹, **Emanuila G. Gelfman²**, **Aleksandr A. Nikitin³**

¹Candidate of pedagogical sciences, associate professor at department of pedagogy and methods of primary education, director of Institute for the development of pedagogical education, Tomsk state pedagogical university, Tomsk.

²Doctor of pedagogical sciences, professor, Tomsk state pedagogical university, Tomsk.

³Doctor of physical and mathematical sciences, academician of RAO, Moscow

¹natalsem@tspu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1535-1618>

²mina.gelfman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-012i-3716>

³aanikitin48@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1881-3144>

Abstract. The article is devoted to the problem of identifying the value-semantic foundations in the training of future teachers. The relevance of the topic is associated with the contradiction between the available theoretical and practical material on this topic and the need to apply it to create a single educational space in all constituent entities of the Russian Federation, based on the unity of value orientations of general and pedagogical education. The purpose of the article is to analyze and summarize the research results related to identify future teachers' value orientations for further use in solving the problem of forming a value system in the context of integrating a single educational space. The article defines basic concepts such as "value," "value guidelines" and "value orientations of professional and pedagogical activity." The research method was a theoretical analysis of publications posted in the journals of the State Commission for Academic Degrees and Titles list from 2020 to 2024. The analysis resulted in answers to questions about the

*Ценностно-смысловые основы подготовки будущих педагогов:
анализ и обобщение результатов исследований*

structure and classification of value benchmarks taken as a basis by the authors of the articles, about the choice of diagnostic methods for their identification, as well as a generalization of the results obtained. Conclusions were drawn that the researchers, based on the classifications of values of M. Rokich, V. A. Slastenin, V. A. Yadov, I. F. Isaev, E. N. Shiyanov, used proven diagnostic methods of the same authors or developed their own author questionnaires. The data obtained in the framework of these studies allow, firstly, to correlate the value orientations of future teachers with the value orientations of their peers, and secondly, to consider priority and deficit values by groups of respondents, depending on the stage of involvement in professional training or activity (freshmen, senior students, undergraduates, practicing teachers).

Key words: values of pedagogical activity; values orientations of pedagogical activity; value orientations of future teachers; teacher education; value-semantic foundations in professional training of teachers; diagnostics of teachers' values, training of teachers

The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic “Value-semantic foundations of training future teachers in the context of the integration of a single educational space”, reg. No. 1024033000036-8-5.3.1 (Agreement No. 073-03-2024-005/2 dated August 27, 2024).

For citation: Semenova N. A., Gelfman E. G., Nikitin A. A. Value-semantic foundations of training future teachers: analysis and generalization of research results. *Social and political researches*. 2024;4(25): 142-160. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-142>. <https://elibrary.ru/GUDPOZ>.

Введение

В настоящее время и в ближайшем будущем стратегию развития образования определит ряд документов: Указ президента от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Указ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», «Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 г», «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года». Одной из определяющих идей данных документов является формирование системы ценностей россиян и новых поколений. Так, в «Стратегии реализации

молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве одного из целевых ориентиров обозначено «... становление и развитие патриотически настроенного, высоконравственного и ответственного поколения российских граждан, способного обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и дальнейшее развитие России» [Стратегия молодежной ... , 2024].

Вопрос о формировании системы ценностей всегда являлся актуальным, так как именно ценности определяют деятельность человека, его поступки, его мировоззрение. «Вопрос о ценностях представляет собой “болевого нерв” любых социальных трансформаций, поскольку именно в нем сочетаются как объективированные в социальных нормах и правилах человеческой цивилизации, при этом, именно

ценности находятся в основании большинства индивидуальных человеческих поступков» [Бермус, 2021, с. 673]. Система образования всегда являлась транслятором ценностей, именно поэтому сегодня большое внимание уделяется определению ценностно-смысловых основ подготовки будущих педагогов. В «Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года» одним из ведущих принципов обозначено «понимание роли учителя, педагога как ключевой фигуры для обеспечения качества общего образования и для будущего развития страны, реализация ценностно-смыслового подхода к подготовке учителей будущих поколений Российской Федерации» [Концепция подготовки ... , 2022, с. 6].

В публикациях последних лет и в официальных документах обозначен ряд проблем, касающихся ценностной составляющей подготовки будущих педагогов на современном этапе. В «Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» описаны такие проблемы как «ослабление системы межпоколенческих связей и преемственности ценностных ориентаций, <...> экспансия западного образа жизни и стиля потребления, вопросы разрастания правового нигилизма в молодёжной среде» [Стратегия молодежной ... , 2024]. О. Ю. Васильева, В. С. Басюк, Е. И. Казакова, в статье, посвящённой традиционным ценностям современного российского педагогического образования, указывают на следующие проблемы:

- деформация ценностных основ подготовки учителя;
- в качестве основных приоритетов в педагогическом образовании

установлены инструментальная и технологическая готовность будущего педагога, тогда как нравственная позиция как базовая личностно-профессиональная основа деятельности учителя недооценена;

– анализ программ по УГСН-44.00.00 показал преобладание образовательного процесса дисциплинарного типа и дефицит содержания, связанного с развитием мировоззрения, основанного на традиционных духовно-нравственных ценностях, гражданской идентичности [Васильева, 2022].

В. С. Басюк отмечает, что в течение последних десятилетий педагогическое образование удалялось от важнейшей траектории – «вхождения в культуру через глубокое ценностно-смысловое осмысление научного знания, опыта человечества; приоритет в образовании на возвращение; <...> представление о педагогической профессии как о важнейшей социальной миссии» [Басюк, 2023, с. 12]. Педагог, который обладает прочным фундаментом ценностно-смысловых ориентиров в своей профессии сможет обеспечить духовно-нравственное развитие обучающихся. Кроме того, некоторые исследователи одной из причин ухода молодых педагогов из профессии указывают на противоречие между личностными ценностными ориентациями и профессиональными [Данилов, 2022].

Уже в последние два года (2022-2024) государством реализован ряд действий, направленный на решение указанных проблем. В 2022 году приказом Минобрнауки России в рамках реализации дисциплины «История России» предусмотрен достаточно большой объём часов, в том числе увеличен объём контактной работы, а с первого

сентября 2024 года во всех университетах страны был запущен новый учебник по истории России. С сентября 2023 года для всех обучающихся российских вузов был введён новый учебный предмет «Основы российской государственности», который непосредственно связан с формированием ценностей, норм, гражданственности. С 2023 года в некоторых университетах была запущена образовательная программа «Обучение служением», нацеленная на реализацию социальных проектов, волонтерскую, гражданскую и благотворительную деятельность.

Тем не менее вопросы о формировании ценностно-смысловых основ подготовки будущих педагогов остаются актуальным для исследователей, так как трансформации в политической, социальной, культурной сферах не останавливаются, что требует пересмотра имеющегося опыта, актуализации эффективных практик, разработки новых подходов. Среди факторов, влияющих на необходимость продолжать исследования и разработки в данном проблемном поле, выделяют такие как:

- обеспечение единства образовательного пространства Российской Федерации, в том числе с учётом территорий новых субъектов Российской Федерации;

- новые модели педагогического образования в условиях выхода из Болонской системы;

- подготовка педагогов в условиях старта новых федеральных проектов («Кадры», «Молодёжь и дети»).

Целью данной статьи являлся анализ и обобщение результатов исследований, посвящённых ценностно-смысловым основам подготовки будущих педагогов (за последние пять лет), для дальнейшего использования дан-

ных результатов в решении проблемы формирования ценностно-смысловых основ в условиях интеграции единого образовательного пространства.

Методы исследования

Исследование реализовано с применением методов анализа и обобщения данных исследований, представленных в публикациях за последние четыре года в (2020-2024 годы). Для анализа выбирались публикации, размещённые в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК, посвящённых проблемам определения ценностных ориентиров студентов педагогических направлений обучения и учителей, диагностике и представлению результатов о профессионально-ценностных ориентирах будущих и действующих педагогов.

Результаты исследования

В контексте исследования важно определить понятия «ценности», «ценностные ориентации», «ценностные ориентиры», «ценностно-смысловые основы профессиональной педагогической деятельности».

Понятие «ценности» рассматривают разные научные направления (философия, психология, социология), в отношении педагогической науки ценность рассматривается как базовая категория, позволяющая определить взаимодействие человека с другими людьми, с окружающей действительностью на основе принятых норм, правил, взглядов и убеждений. Ценности отражают систему значимых для личности смыслов, которая становится основой восприятия мира. В работах С. Л. Рубинштейна, К. А. Альбухановой-Славской, Б. С. Братусь рассматриваются положения о ценностно-смысловой сфере личности: ценности, которые обогаще-

ны личным смыслом становятся частью ценностно-смысловой сферы личности человека, влияют на его поведение. Говоря о ценностях профессиональной деятельности, в частности, педагогической, исследователи определяют ценности как «значимые для общества и представителей профессионального сообщества установки, принятие и реализация которых педагогом в рамках выполнения трудовых функций и действий обеспечивает эффективность решения задач, связанных с подготовкой подрастающего поколения к жизни» [Харисова, 2021, с. 259].

Если ценности рассматриваются в отношении смысловых характеристик личности, то понятие «ценностная ориентация» больше связано с мотивационной сферой личности [Лапина, 2020]. Ценности выступают как идеалы и жизненные цели личности, составляют ядро структуры личности, регулируют социальное поведение, а ценностные ориентации направляют волевые усилия, внимание, интеллект [Чуркина, 2023]. По мнению учёных, в отношении педагогической деятельности, ценностные ориентации являются важнейшей частью личности, детерминируют поведение, обеспечивают направленность деятельности педагога [Климова, 1996]. «Педагогические знания и идеи переходят в ценностную ориентацию, если их позитивная значимость осознаётся личностью и принимаются на эмоциональном уровне с принципиальной готовностью руководствоваться этой идеей в собственной педагогической деятельности» [Ходырев, 2021, с. 39].

Другое важное понятие – «ценностные ориентиры». *Ориентир* в самом широком понимании – это определённая базовая опора, основа, определяю-

щая направление движения. В качестве ценностно-смысловых ориентиров педагогической профессии рассматривают ценности и смыслы деятельности педагога, определённые социумом и заложенные в нормативно-правовых документах [Харисова, 2021, с. 259]. Подобные ценностно-смысловые ориентиры, как основы профессиональной деятельности, постепенно формируются ещё до начала профессиональной деятельности. Отношение к профессии, как правило, закладывается в детстве, в процессе воспитания и обучения ребёнка и его взаимодействия с воспитателями и учителями [Груздев, 2021], а позже в процессе педагогического образования, ценностные ориентиры являются основой профессионального становления [Чекалева, 2021].

Важно отметить, что жизненные ценности современного студента-будущего педагога должны соотноситься с профессионально значимыми ценностями его предстоящей работы в системе образования. Только при согласовании жизненных и профессиональных ценностных ориентаций повышается как качество подготовки педагогов, так и качество их дальнейшей профессиональной деятельности [Чекалева, 2023]. При этом работа над ценностно-смысловыми основами как в вузе, так и на любом другом уровне образования, должна вестись особым образом: не через «насаждение» ценностей, а как помощь в их принятии и формулировании, вовлекая и поддерживая инициативы [Сазанова, 2024; Ходырев, 2021; Chervonny, 2024].

Таким образом, *ценностно-смысловую основу* профессиональной деятельности будущего педагога составляют базовые духовно-нравственные *традиционные ценности*

страны; *ценностные ориентации* как личностные так и профессиональные, представляющие собой часть структуры личности человека, позволяющую ему ставить цели и выбирать действия относительно имеющихся убеждений и принятых норм; *ценностные ориентиры*, которые выступают в качестве ключевых ценностных концептов, нормативных документов и социальных представлений, задающих направленность личности. Формирование ценностно-смысловых основ будущего педагога начинается в допрофессиональный период и продолжается в период обучения, поэтому важно чтобы система духовно-нравственных ценностей общества, личностных ценностей и профессиональных ценностей совпадали и формировались без насаждения, через проживание и внутреннее принятие.

В определённый для изучения период времени было реализовано достаточно большое количество исследований, посвящённых ценно-смысловым основам педагогической деятельности. Во-первых, это исследования, связанные с ценностными ориентациями будущих педагогов; во-вторых, ряд исследований посвящён исследованию ценностей, действующих на разных уровнях образования педагогов; в-третьих, небольшое количество исследований касается изучения ценностных ориентиров в допрофессиональный период, то есть обучающихся психолого-педагогических классов. Самыми объёмными и содержательными исследованиями, на наш взгляд, являются два, выполненных в рамках научного задания министерства Просвещения.

1. Исследование, реализованное научными сотрудниками Омского государственного педагогического университета по теме «Формирование

ценностных ориентаций будущих учителей в процессе профессиональной подготовки».

2. Исследование группы учёных Ярославского государственного педагогического университета, рассматривающее ценностные ориентиры будущих и действующих педагогов в контексте выработки методологии обеспечения преемственности стандартов общего, среднего и высшего педагогического образования.

В проведённом анализе к работам, написанным в рамках данных двух научных проектов, мы обращались больше всего. Анализируя публикации, посвящённые вопросам ценностно-смысловых основ подготовки будущих педагогов, мы выделили три ключевых вопроса:

1) Какие подходы к рассмотрению структуры и классификаций ценностных ориентиров профессиональной педагогической деятельности исследователи чаще берут за основу?

2) Какие диагностические методики используют исследователи для выявления ценностных ориентиров?

3) Какие результаты были получены?

В отношении первого вопроса мы определили, что авторы берут на вооружение различные подходы к рассмотрению структуры и классификации ценностей и ценностных ориентаций. Чаще всего это терминальные ценности и инструментальные ценности, или, иначе, ценности-цели и ценности-средства (М. Рокич) и подход В. А. Сластенина, также выделявшего ценности-цели и ценности-средства [Харисова, 2021]. Классификация В. А. Ядова включает ценности-средства, ценности-нормы, ценности-идеалы, ценности-цели и соответствующие аксиотипы [Сагитдинова, 2023].

Наиболее развернутой является классификация профессиональных ценностей педагогов, представленная И. Ф. Исаевым (социально-педагогические, профессионально-групповые личностно-педагогические). Также исследователи берут во внимание классификацию З. И. Равкина (социально-политические, интеллектуальные, моральные ценности, ценности профессионально-педагогической деятельности) и классификацию Е. Н. Шиянова (ценности, связанные с реализацией личности в разных средах, ценности творческого развития, ценности самореализации).

Как правило, большая часть исследователей рассматривает:

- ценности-цели, раскрывающее значение и смысл профессиональной деятельности педагога;

- ценности-средства, демонстрирующие значение способов осуществления педагогической деятельности;

- ценности-отношения связаны с ключевым значением взаимодействий в профессионально-педагогической деятельности;

- ценности-знания указывают на значимость всех групп знаний для реализации профессиональных функций педагога;

- ценности-качества раскрывают значение качеств личности педагога во всем их многообразии.

Диагностики, применяемые исследователями, с одной стороны, многообразны, с другой – имеют общие черты. Как правило, они основываются на опросном способе сбора материала, отличаясь уровнем сложности.

Так, часть ученых применяют зарекомендовавшие себя тесты и опросники определения ценностных ориен-

таций: тест-опросник ценностей М. Рокича [Вахрушев, 2022], диагностика по методике Н. А. Самойлик «Диагностика профессионально-ценностных ориентаций личности» [Чекалева, 2023; Данилов, 2022], опросник Шварца и «Тест смысло-жизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева [Полковникова, 2020], «Диагностика реальной структуры ценностной ориентации личности» С. С. Бубновой [Ходырев, 2024; Чекалева, 2021].

Интерес представляет разработка авторского диагностического инструментария (ЯрГПУ) «Методика определения особенностей развития ценностно-смысловых оснований содержания педагогического образования». Этот инструментарий включает опросник и модификацию методики MUST-теста (адаптация Н. П. Ансимова, Т. В. Ледовская, Н. Э. Солынин, И. Ю. Тарханова, И. Г. Харисова), позволяющие выявить как приоритеты, так и проблемы, связанные с ценностными основаниями деятельности педагога. Методика включала работу с фокус-группой, на основе которой были сформулированы основные ориентиры профессиональной деятельности педагога: ребенок, среда, профессия, что позволило разработать опросник. Кроме того, метод свободных высказываний учителей на заданную тему дал возможность отличить декларируемые ценности от реальных. [Груздев, 2021; Тарханова, 2023; Харисова, 2021; Энгельдт, 2021].

Другие исследователи составляли авторские анкеты. Например, коллективом авторов Омского государственного педагогического университета разработан и применен опросник «Ценностные отношения», позволяющий учитывать ценности преподавате-

лей и студентов [Чекалева, 2021]; опросник в форме заочного интервью [Кремень, 2023], другие разнообразные варианты авторских анкет [Ледовская, 2022; Савченков, 2020; Сажина, 2023; Сагитдинова, 2023; Сафонцева, 2024; Шаляпина, 2020]. Часто опросники включают ранжирование, что позволяет увидеть как приоритетные ценностные ориентации, так и дефицитарные. Еще одну группу составляют альтернативные, редко используемые методы, например, форсайт-сессии [Соловьева, 2023] или эссе [Полковникова, 2020].

В рамках третьего вопроса мы анализировали данные в публикациях, посвященных результатам исследований ценностных ориентаций будущих педагогов. Поскольку в рассматриваемых работах были представлены результаты исследований, полученных с применением разных методик, сделать сопоставление представляется достаточно сложно. Тем не менее можно определить некоторые общие выводы, обозначенные авторами статей.

Во-первых, среди базовых, традиционных духовно-нравственных ценностей будущие педагоги особо выделяют такие как здоровье, любовь, счастливая семья, друзья, карьера и материальное благосостояние [Вахрушев 2022; Савченков, 2020; Сажина, 2023; Соловьёва, 2020; Чекалева, 2021; Шитякова, 2024]. В целом, такие ценностные ориентиры будущих педагогов согласуются с ценностями их сверстников: в молодёжной среде на первом месте семейные ценности (97 %), ценности личностного развития (примерно 80 %), ценности здоровья (65 %) [ВЦИОМ. Ценности молодёжи, 2022]. Это благоприятный показатель, так как подобные ценностные ориен-

тиры для педагога является очень важной составляющей его мировоззрения и важны для профессиональной деятельности.

Во-вторых, среди ценностей, связанных с качествами личности, значимыми как в жизни, так и в профессиональной сфере, будущие педагоги обозначали следующие: уверенность в себе, воспитанность, жизнерадостность и честность [Вахрушев, 2022; Соловьева, 2020], ответственность, дисциплинированность, гуманность [Чекалева, 2023; Сафонцева, 2023], помощь и милосердие по отношению к другим людям [Чекалева, 2021], честность, уважение, отзывчивость [Савченков 2020; Сажина, 2023]. Названные качества, безусловно, значимы для каждого человека, а особенно для профессиональной деятельности педагога. По данным опроса 2023 года в идеальном педагоге россияне видят доброту и уважение (30 %); терпение и стрессоустойчивость (17 %); чуткость и душевность (11 %), порядочность и справедливость (13 %); ответственность, (7 %); воспитанность и интеллигентность (5 %) [ВЦИОМ. Какой учитель, 2023]. Отмечая данные качества как ценностные ориентиры, будущие педагоги обозначают свое стремление к образу не только «хорошего человека», но и «хорошего учителя».

В-третьих, ценности именно педагогической деятельности зависят от возрастной группы и степени погружения в практику (обучающиеся психолого-педагогических классов, первых курсов педагогических профилей, старшекурсники, магистранты, практикующие педагоги). Например, первокурсники акцентируют внимание на таких ценностях как «любовь к детям», «любовь\интерес к профессии» [Пол-

ковникова 2020; Шалапина, 2020]. Студенты-бакалавры старших курсов обозначают ценность педагогической профессии как социально значимой, ценность педагогических знаний [Ледовская, 2022; Сафонцева, 2023; Чекалева, 2023]. Студенты указывали важность таких знаний, как «организовывать разные виды деятельности с учениками», «учитывать индивидуальные особенности», «вовлекать родителей» [Энзельдт, 2021, с. 175], знания, касающиеся построения профессиональной карьеры, нормативно-правовых аспектов [Ледовская, 2022], при этом недооценёнными позициями оказываются такие, как создание безопасной образовательной среды, постоянное профессиональное совершенствование, продуктивность, творчество, интересы других людей, а ценности, ставящие обучающего в центр деятельности педагога, носят декларативный характер [Соловьёва, 2020; Энзельдт, 2021].

Магистранты и аспиранты, как уже работающие педагоги, указали ценность таких категорий как «активная профессиональная позиция», «уважение к педагогическому труду», «воспитание и развитие человека как субъекта своей жизни и труда», а педагоги-практики указывают на ценность «саморазвития, сотрудничества, любовь к детям, знание предмета, этических основ деятельности и способов преподавания» [Чекалева, 2021; Тарханова, 2023].

Рассматривая вопрос реализации ценностного подхода на практике профессиональной деятельности, можно обратиться к примерам, демонстрирующим связь ценностных ориентаций и методики преподавания дисциплин. При организации учебной

деятельности студентов и магистрантов, связанной с методикой обучения различным учебным предметам, возникает необходимость понимания сложившейся системы взглядов и ценностей, с которыми они подходят к изучению данных курсов: как определяют цель обучения, видят ли в учащих своих партнеров, осознают ли необходимость знаний психологических основ организации педагогической деятельности, открыты ли к использованию различных моделей обучения и т. д. Развивающая диагностика [Гельфман, 2024] становится инструментом для выявления и развития системы взглядов современного учителя. *Развивающая диагностика включает три этапа. На мотивационном этапе актуализируется прошлый опыт обучающихся, связанный с решением общих и частных вопросов методики обучения конкретному предмету. Для этого используются провокативные учебные тексты. В такого рода учебных текстах обучающимся предлагается проанализировать типичные ошибки и затруднения учеников в разных темах школьного курса, попробовать объяснить их причины, предложить способы предупреждения этих ошибок. Чаще всего работа на этом этапе носит протокольный характер, позднее обучающиеся возвращаются к результатам своей деятельности. По итогам работы они приходят к выводу о необходимости получения нового психолого-педагогического и методического опыта. Второй этап развивающей диагностики – «обогащающий» – направлен на изучение обучающимися ситуаций интеллектуального поведения в условиях психодидактического подхода. Например, здесь предлагает-*

ся работа с текстами, построенными с учетом психодидактических особенностей, участие в демонстрационных уроках, просмотр художественных фильмов, посвященных профессиональным ценностям профессии учителя и т. д. На этапе «обогащения» студенты сталкиваются с ситуациями, которые приводят их к новому опыту и новым ценностям. Результатом становится развитие открытой педагогической позиции будущего учителя. *Третий этап диагностики – этап переноса.* Обучающимся предлагаются учебные тексты, похожие на те, которые использовались на первом этапе, но не воспроизводящие их полностью. Это создает условия для конструирования собственных способов деятельности, для пересмотра системы ценностей. Как следствие происходит развитие одной из важнейших ценностей современного учителя – наличие педагогической рефлексии.

Обобщая, отметим, что авторы исследований подчёркивают, что в педагогическом образовании важно удерживать все группы ценностных ориентиров, так как именно такой подход сможет обеспечить качество педагогического и общего образования, непрерывность педагогической подготовки, единое пространство ценностно-смысловых установок на восприятие и понимание мира.

Заключение

Ценностно-смысловыми основами подготовки современного педагога являются ценностные ориентиры, которые обозначены культурой, социумом и государством и определяют направленность деятельности каждого человека. Также ценностно-смысловые основы подготовки педагога связаны с его ценностными ори-

ентациями, которые понимаются как структурные части личности, включающие мотивы и цели деятельности, способы и рамки реализации данной деятельности. Ценностные ориентации, определяющие мировоззрение и профессиональную деятельность педагога, становятся актуальным предметом исследований в последние годы. Для изучения ценностных ориентаций педагогов на разных этапах становления его профессиональной деятельности исследователи выбирают и известные апробированные методики, разрабатывают авторские опросники и сложные многоуровневые диагностические инструменты. Всё это позволяет определить как причины выбора педагогической профессии, так и процесс становления и развития ценностно-смысловых ориентации будущих педагогов в процессе их обучения в колледже или вузе, выявить приоритетные и дефицитные ценности. Исследователями установлено, что личные ценности, обозначенные студентами-будущими педагогами, отражают общие ценностные ориентиры современной молодёжи и во многом коррелируют с их профессионально-ценностными ориентациями. Будущие педагоги в качестве основных ценностей своей профессиональной деятельности обозначают *качества личности педагога* (любовь к детям, доброжелательность, ответственность), *образ деятельности* (широкий круг знаний, компетентность). Важной задачей педагогического образования является формирование полной системы ценностей профессиональной педагогической деятельности. Ряд исследований позволяет установить единые подходы к формированию ценностных ориентиров на допрофес-

сиональном этапе, на этапах профессионального обучения и педагогической работы. Тем не менее единое образовательное пространство охватывает не только ступени освоения профессии, но и предполагает широкую географию. В России, говоря о едином образовательном простран-

стве, важно рассматривать и территориальное единство – единые требования, единые установки, единые ценности образования в каждом субъекте, включая новые субъекты Российской Федерации. Это направление является важным для дальнейших педагогических исследований.

Библиографический список

1. Басюк В. С. К вопросу о ядре педагогического образования в классическом университете / В. С. Басюк, Е. И. Казакова, Е. Г. Врублевская // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2023. Т. 21, № 3. С. 7–27. DOI 10.55959/MSU2073-2635-2023-21-3-7-27.
2. Бермус А. Г. Содержание педагогического образования в современном мире: смыслы, проблемы, практики и перспективы развития / А. Г. Бермус, В. В. Сериков, Н. В. Алтыникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18, № 4. С. 667–691. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-4-667-691>.
3. Васильева О. Ю. Традиционные ценности современного российского педагогического образования / О. Ю. Васильева, В. С. Басюк, Е. И. Казакова // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2022. №4. С. 4–17.
4. Вахрушев С. А. Педагогическое сопровождение духовно-нравственного становления будущего учителя в ходе освоения дисциплины «Педагогика» / С. А. Вахрушев, Н. Е. Строгова, О. Н. Тютюкова // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. №1. С. 71–88.
5. Гельфман Э. Г. Конструирование развивающих учебных текстов как фактор развития методического мышления / Э. Г. Гельфман, Ю. К. Пенская, В. В. Мазюк // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2024. Вып. 2 (232). С. 34–43.
6. Груздев М. В. Анализ ценностно-смысловых ориентаций обучающихся психолого-педагогических классов / М. В. Груздев, И. Ю. Тарханова, И. Г. Харисова // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122). С. 8–17. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-8-17>.
7. Данилов С. В. Развитие ценностных ориентаций молодых педагогов как предиктора профессиональной деятельности / С. В. Данилов, Л. П. Шустова, Г. И. Симонова, Е. Н. Печенкина // Перспективы науки и образования. 2022. № 2 (56). С. 573–589.
8. Каким должен быть учитель? ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-nashego-obrazovaniya> (дата обращения: 12.09.2024).
9. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. 512 с.

10. Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 24 июня 2022 г. № 1688-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/5hVUIZXA2JMcPrHoJqfohMeoToZAwT5.pdf> (дата обращения 23.07.2024).

11. Коротаева Е. В. Профессиональные ценности профессии педагога: понятия и классификации // Педагогическое образование в России. 2012. №3. С. 11–14.

12. Кремень С. А., Кремень Ф. М. Ценностные основания выбора педагогической профессии / С. А. Кремень, Ф. М. Кремень // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2023. №4. С. 77–93.

13. Лапина Е. В. Модель развития профессионально значимых ценностей педагога в системе повышения квалификации // Известия ВГПУ. 2016. №6 (110). С. 70–72.

14. Ледовская Т. В. Представления о ценностях и смыслах профессии «учитель» на разных уровнях педагогического образования // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, №1. С. 7.

15. Полковникова Н. Б. Мотивы и ценности студентов, выбравших педагогическую профессию // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. №6. С. 868-877.

16. Распоряжение Правительства РФ от 24.06.2022 N 1688-р <Об утверждении Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=420869#neRFATUiISspRP3b1> (дата обращения: 23.07.2024).

17. Савченков А. В. Влияние ценностных ориентаций будущих педагогов на процесс становления их профессиональной гибкости // Вестник Нижневартского государственного университета. 2020. № 3. С. 79–85. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-3/12>.

18. Сагитдинова Т. К. Ценностно-смысловой подход к профессиональному развитию современного педагога // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. Т. 29, № 4. С. 114–121. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-114-121>.

19. Сажина С. Д. Ценностные ориентации будущих педагогов // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 166–183. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-166>.

20. Сазонова Н. И. Ценностные ориентиры современной молодежи и формирование функциональной грамотности студента: из опыта преподавания дисциплины «Основы российской государственности» / Н. И. Сазонова, Ю. А. Рудницкий // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2024. Вып. 5 (57). С. 24-32. DOI:10.23951/2307-6127-2024-5-24-32.

21. Сафонцева Н. Ю. К вопросу об аксиологизации: будущие педагоги о ценности высшего образования // Ценности и смыслы. 2024. № 1 (89). С. 43–61.

22. Соловьева Е. В. Ценностные ориентации будущих педагогов как детерминанта профессионального самоопределения на этапе профессионального образования / Е. В. Соловьева, О. Е. Никуленкова // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №67-2. С. 332–336.

23. Соловьёва Т. О. Прогноз изменений профессионально-ценностных ориентаций будущих педагогов, разработанный на основе результатов форсайт-сессий // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №81-2. С. 538–542.

24. Стратегия молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/28d/hyihn9b0mm2iafi1yfokx52хун3us4ky.pdf> (дата обращения: 11.10.2024).

25. Тарханова И. Ю. Выявление ценностно-смысловых ориентиров профессиональной педагогической деятельности с позиции социально-профессиональной общности современного учительства // Непрерывное образование. 2023. № 1 (43). С. 55–61.

26. Харисова И. Г. Ценностно-смысловая модель формирования преемственных результатов подготовки педагога // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27, № 4. С. 257–264.

27. Харисова И. Г. Выявление ценностно-смысловых ориентиров профессиональной педагогической деятельности с позиции социально-профессиональной общности современного учительства / И. Г. Харисова, Т. В. Макеева, Е. И. Казакова, И. Ю. Тарханова // Вестник НГПУ. 2021. №5. С. 7–25.

28. Ходырев А. М. Проблема изучения ценностей педагогической деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2 (113). С. 34–40. DOI 10.20323/1813-145X-2020-2-113-34-40.

29. Ходырев А. М. Результаты пилотажного исследования особенностей развития ценностно-смысловых оснований содержания педагогического образования (на выборке преподавателей педагогического вуза) // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 2. С. 8. – DOI 10.26795/2307-1281-2024-12-2-8.

30. Ценности молодежи. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 12.09.2024).

31. Чекалева Н. В. Развитие профессиональной идентичности на основе профессионально-ценностных ориентаций будущих педагогов / Н. В. Чекалева Т. Ю. Алексеева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 3 (32). С. 159–162.

32. Чекалева Н. В. Формирование профессионально-значимых ценностей в процессе практико-ориентированной подготовки студентов педагогического вуза / Н. В. Чекалева, В. В. Лоренц // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2023. №210. С. 43–50.

33. Чекалева Н. В. Влияние ценностных ориентаций личности на профессиональное становление магистрантов педагогического вуза /

Н. В. Чекалева, С. Н. Широбоков, В. В. Лоренц // Казанский педагогический журнал. 2021. №5 (148). С. 105–111.

34. Чуркина Н. И. Методология формирования ценностных ориентаций будущих учителей на разных этапах профессиональной подготовки // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. №4 (41). С. 220–225.

35. Шаляпина С. В. Формирование ценностей педагогической деятельности у студентов вуза // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. №2 (38). С. 179–183.

36. Шитякова Н. П. Ценностно-смысловой подход в подготовке будущих педагогов к реализации основных направлений Федеральной рабочей программы воспитания / Н. П. Шитякова, И. В. Верховых, И. В. Забродина, Ю. В. Гольцева // Вестник педагогических инноваций. 2024. № 3 (75). С. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15293/1812-9463.2403.0>.

37. Энзельдт Н. В. Анализ профессиональных ценностных ориентиров студентов педагогического вуза // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5 (90). С. 174–176.

38. Chervonny M. A., Yakovlev I. N. Approaches to MeaningMaking and Practical Implementation of Pedagogical Initiatives by Prospective Teachers. *Education & Pedagogy Journal*. 2024;3(11):39-50. doi: 10.23951/2782-2575-2024-3-39-5.

Reference list

1. Basjuk V. S. K voprosu o jadre pedagogicheskogo obrazovaniya v klassicheskom universitete = On the question of the pedagogical education core in a classical university / V. S. Basjuk, E. I. Kazakova, E. G. Vrublevskaia // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 20: Pedagogicheskoe obrazovanie. 2023. T. 21, № 3. S. 7–27. DOI 10.55959/MSU2073-2635-2023-21-3-7-27.

2. Bermus A. G. Soderzhanie pedagogicheskogo obrazovaniya v sovremennom mire: smysly, problemy, praktiki i perspektivy razvitija = The content of teacher education in the modern world: meanings, problems, practices and development prospects / A. G. Bermus, V. V. Serikov, N. V. Altynikova // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Psihologija i pedagogika. 2021. T. 18. № 4. S. 667–691. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-4-667-691>.

3. Vasil'eva O. Ju. Tradicionnye cennosti sovremennogo rossijskogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Traditional values of modern Russian pedagogical education / O. Ju. Vasil'eva, V. S. Basjuk, E. I. Kazakova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 20. Pedagogicheskoe obrazovanie. 2022. №4. S. 4–17.

4. Vahrushev S. A. Pedagogicheskoe soprovozhdenie duhovno-nravstvennogo stanovlenija budushhego uchitelja v hode osvoenija discipliny «Pedagogika» = Pedagogical support of the spiritual and moral formation of the future teacher when studying the discipline “Pedagogy” / S. A. Vahrushev, N. E. Strogova, O. N. Tjutjukova // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. №1. S. 71-88.

5. Gelfman Je.G. Konstruирование razvivajushhih uchebnyh tekstov kak faktor razvitija metodicheskogo myshlenija = Constructing educational texts as a factor in the development of methodological thinking / Je. G. Gelfman, Ju. K. Penskaja, V. V. Mazjuk // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2024. Vyp. 2 (232). S. 34–43.
6. Gruzdev M. V. Analiz cennostno-smyslovyh orientacij obuchajushhihsja psihologo-pedagogicheskikh klassov = Analysis of value-semantic orientations of students from psychological and pedagogical classes / M. V. Gruzdev, I. Ju. Tarhanova, I. G. Harisova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2021. № 5 (122). S. 8–17. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-8-17>.
7. Danilov S. V. Razvitie cennostnyh orientacij molodyh pedagogov kak prediktora professional'noj dejatel'nosti = Developing value orientations of young teachers as a predictor of professional activity / S. V. Danilov, L. P. Shustova, G. I. Simonova, E. N. Pechenkina // Perspektivy nauki i obrazovanija. 2022. № 2 (56). S. 573–589.
8. Kakim dolzhen byt' uchitel'? VCIOM = What should a teacher be? VTsIOM.URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroinashnego-obrazovanija> (data obrashhenija: 12.09.2024).
9. Klimov E. A. Psihologija professional'nogo samoopredelenija = Psychology of professional self-determination Rostov-na-Donu : Feniks, 1996. 512 s.
10. Konceptija podgotovki pedagogicheskikh kadrov dlja sistemy obrazovanija na period do 2030 goda. Utverzhdena Rasporjazheniem Pravitel'stva RF ot 24 ijunja 2022 g. № 1688-r = The concept of training teachers for the education system for the period up to 2030. Approved by Order of the Government of the Russian Federation of June 24, 2022 No. 1688-r. URL: <http://static.government.ru/media/files/5hVUIZXA2JMcPrHoJqfohMeoToZAwtA5.pdf> (data obrashhenija 23.07.2024).
11. Korotaeva E. V. Professional'nye cennosti professii pedagoga: ponjatija i klassifikacii = Professional values of the teaching profession: concepts and classifications // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2012. №3. S. 11–14.
12. Kremen' S. A., Kremen' F. M. Cennostnye osnovanija vybora pedagogicheskoi professii = Value bases for choosing a teaching profession / S. A. Kremen', F. M. Kremen' // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 20. Pedagogicheskoe obrazovanie. 2023. №4. S. 77–93.
13. Lapina E. V. Model' razvitija professional'no znachimyh cennostej pedagoga v sisteme povyshenija kvalifikacii = Model for developing professionally significant values of a teacher in the advanced training system // Izvestija VGPU. 2016. №6 (110). S. 70–72.
14. Ledovskaja T. V. Predstavlenija o cennostjah i smyslah professii «uchitel'» na raznyh urovnjah pedagogicheskogo obrazovanija = Ideas about the values and meanings of the profession “teacher” at different levels of pedagogical education // Vestnik Mininskogo universiteta. 2022. T. 10, №1. S. 7.
15. Polkovnikova N. B. Motivy i cennosti studentov, vybravshih pedagogicheskiju professiju = Motives and values of students who have chosen a teaching profession // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2020. №6. S. 868–877.

16. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 24.06.2022 N 1688-r <Ob utverzhdenii Konceptii podgotovki pedagogicheskikh kadrov dlja sistemy obrazovanija na period do 2030 goda = Order of the Government of the Russian Federation of 24.06.2022 N 1688-r < On approval of the Concept of training teachers for the education system for the period up to 2030. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=420869#neRFATUiISpRP3b1>(data obrashhenija: 23.07.2024).

17. Savchenkov A. V. Vlijanie cennostnyh orientacij budushhih pedagogov na process stanovlenija ih professional'noj gibkosti = Influence of future teachers' value orientations on the process of forming their professional flexibility // Vestnik Nizhneartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 3. S. 79–85. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-3/12>.

18. Sagitdinova T. K. Cennostno-smyslovoj podhod k professional'nomu razvitiyu sovremennogo pedagoga = Value-semantic approach to professional development of a modern teacher // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology. 2023. T. 29, № 4. S. 114–121. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-4-114-121>.

19. Sazhina S. D. Cennostnye orientacii budushhih pedagogov = Value orientations of future teachers // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. 2023. № 4. S. 166–183. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-166>.

20. Sazonova N. I. Cennostnye orientiry sovremennoj molodezhi i formirovanie funkcional'noj gramotnosti studenta: iz opyta prepodavanija discipliny «Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti» = Values of modern youth and the formation of functional literacy of a student: from the experience of teaching the discipline “Fundamentals of Russian statehood” / N. I. Sazonova, Ju.A. Rudnickij // Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie (Pedagogical Review). 2024. Vyp. 5 (57). S. 24–32. DOI:10.23951/2307-6127-2024-5-24-32.

21. Safonceva N. Ju. K voprosu ob aksiologizacii: budushhie pedagogi o cennosti vysshego obrazovanija = On the question of axiologization: future teachers about the value of higher education // Cennosti i smysly. 2024. № 1 (89). S. 43–61.

22. Solov'eva E. V. Cennostnye orientacii budushhih pedagogov kak determinanta professional'nogo samoopredelenija na jetape professional'nogo obrazovanija = Value orientations of future educators as a determinant of professional self-determination at the stage of professional education / E. V. Solov'eva, O. E. Nikulenkova // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. 2020. №67-2. S. 332–336.

23. Solov'jova T. O. Prognoz izmenenij professional'no-cennostnyh orientacij budushhih pedagogov, razrabotannyj na osnove rezul'tatov forsajt-sessij = Forecast of changes in professional value orientations of future teachers, developed on the basis of the results of foresight sessions // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. 2023. №81-2. S. 538–542.

24. Strategija molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda = Youth policy strategy in the Russian Federation for the period up to 2030. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/28d/hyihn9b0mm2iafi1yfokx52xyn3us4ky.pdf> (Data obrashhenija 11.10.2024).

25. Tarhanova I. Ju. Vyjavlenie cennostno-smyslovyh orientirov professional'noj pedagogicheskoj dejatel'nosti s pozicii social'no-professional'noj obshhnosti sovremenogo uchitel'stva = Identifying value-semantic guidelines of professional pedagogical activity from the standpoint of social and professional community of modern teaching // Nepreryvnoe obrazovanie. 2023. № 1 (43). S. 55–61.

26. Harisova I. G. Cennostno-smyslovaja model' formirovanija preemstvennyh rezul'tatov podgotovki pedagoga = Value-semantic model for forming successive results of teacher training // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika. 2021. T. 27, № 4. S. 257–264.

27. Harisova I. G. Vyjavlenie cennostno-smyslovyh orientirov professional'noj pedagogicheskoj dejatel'nosti s pozicii social'no-professional'noj obshhnosti sovremenogo uchitel'stva = Identifying value-semantic guidelines of professional pedagogical activity from the standpoint of social and professional community of modern teaching / I. G. Harisova, T. V. Makeeva, E. I. Kazakova, I. Ju. Tarhanova // Vestnik NGPU. 2021. №5. S. 7–25.

28. Hodyrev A. M. Problema izuchenija cennostej pedagogicheskoj dejatel'nosti = The problem of studying the values of teaching // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 2 (113). S. 34–40. DOI 10.20323/1813-145X-2020-2-113-34-40.

29. Hodyrev A. M. Rezul'taty pilotazhnogo issledovanija osobennostej razvitija cennostno-smyslovyh osnovanij sodержanija pedagogicheskogo obrazovanija (na vyborke prepodavatelej pedagogicheskogo vuza) = The results of an aerobatic study on peculiarities in developing the value-semantic foundations of the content of pedagogical education (on a sample of teachers of a pedagogical university) // Vestnik Mininskogo universiteta. 2024. T. 12, № 2. S. 8. DOI 10.26795/2307-1281-2024-12-2-8.

30. Cennosti molodezhi. VCIOM = Youth values. VTsIOM. URL:<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (data obrashhenija: 12.09.2024).

31. Chekaleva N. V. Razvitie professional'noj identichnosti na osnove professional'no-cennostnyh orientacij budushhih pedagogov = Developing professional identity based on professional value orientations of future teachers / N. V. Chekaleva T. Ju. Alekseeva // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. 2021. № 3 (32). S. 159–162.

32. Chekaleva N. V. Formirovanie professional'no-znachimyh cennostej v processe praktiko-orientirovannoj podgotovki studentov pedagogicheskogo vuza = Forming professional values in the process of practice-oriented training of pedagogical university students / N. V. Chekaleva, V. V. Lorenc // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena. 2023. №210. S. 43–50.

33. Chekaleva N. V. Vlijanie cennostnyh orientacij lichnosti na professional'noe stanovlenie magistrantov pedagogicheskogo vuza = Influencing value orientations of personality on professional development of master's students in pedagogical university / N. V. Chekaleva, S. N. Shirobokov, V. V. Lorenc // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. 2021. №5 (148). S. 105–111.

34. Churkina N. I. Metodologija formirovanija cennostnyh orientacij budushhih uchitelej na raznyh etapah professional'noj podgotovki = Methodology of forming value orientations of future teachers at different stages of professional training // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. 2023. №4 (41). S. 220–225.

35. Shal'japina S. V. Formirovanie cennostej pedagogicheskoi dejatel'nosti u studentov vuza = Forming values of pedagogical activity among university students // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2020. №2 (38). S. 179–183.

36. Shitjakova N. P. Cennostno-smyslovoj podhod v podgotovke budushhih pedagogov k realizacii osnovnyh napravlenij Federal'noj rabochej programmy vospitaniya = Value-based approach in preparing future teachers for implementing the main directions of the Federal Work Program of Education / N. P. Shitjakova, I. V. Verhovyh, I. V. Zabrodina, Ju. V. Gol'ceva // Vestnik pedagogicheskikh innovacij. 2024. № 3 (75). S. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15293/1812-9463.2403.0>.

37. Jenzel'dt N. V. Analiz professional'nyh cennostnyh orientirov studentov pedagogicheskogo vuza = Analysis of professional values of pedagogical university students // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2021. № 5 (90). S. 174–176.

38. Chervonny M. A., Yakovlev I. N. Approaches to MeaningMaking and Practical Implementation of Pedagogical Initiatives by Prospective Teachers. *Education & Pedagogy Journal*. 2024;3(11):39–50. doi: 10.23951/2782-2575-2024-3-39-5.

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 28.09.2024; approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 371
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-4-25-161
EDN: NZMBSW

**Онтологические основания и эволюция духовно-нравственных ценностей
российского общества**

Алексей Сергеевич Кульберг

Магистр богословия, доцент кафедры церковно-практических дисциплин Екатеринбургской духовной семинарии, митрополит Екатеринбургский и Верхотурский, председатель Синодального отдела религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви, г. Москва
otdelro@otdelro.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2936-0205>

Аннотация. Понятие «духовно-нравственных» ценностей используется в науке с XIX в., однако сам их феномен в России существует, вероятно, со времён формирования русской цивилизации. На протяжении долгой истории страны ценности не могли оставаться неизменными. Цель исследования – это выявление онтологических оснований и эволюции духовно-нравственных ценностей российского общества. Основными задачами исследования стали нахождение базовых духовно-нравственных отечественных ценностей и анализ их трансформации в ходе истории. Генетический анализ показал, что базовые ценности выступали основой русской культуры и формировались под влиянием политических, социальных, экономических и культурных явлений. Становление духовно-нравственных ценностей, зафиксированных сегодня в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», уходит корнями к таким событиям и процессам, как крещение Руси, завоевательные походы и набеги на Русь и освободительные движения, европеизация Петра I, просвещение XVIII – XIX вв., революции и социальные преобразования XX в. XXI столетие представляет максимальные вызовы и угрозы для существования традиционных российских ценностей, поскольку значимыми факторами их трансформации становятся техногенно-информационные процессы. Выявлено, что ядром ценностной системы страны на протяжении всех веков до XX в. было православие, подчеркивавшее ценности веры, добра, благочестия, родной земли, общества, труда. Философский анализ понимания духовно-нравственных ценностей и определение подходов к их пониманию в отечественной педагогике показали, что философское осмысление ценностей в России XIX в., когда категория стала проникать в педагогику, отличалось от европейского, поскольку в его основе также лежало православное мировоззрение.

© Кульберг А. С., 2024

Ключевые слова: российские традиционные духовно-нравственные ценности; духовность; нравственность; православие; аксиология воспитания; аксиологическая система; трансформация ценностей

Для цитирования: Кульберг А. С. Онтологические основания и эволюция духовно-нравственных ценностей российского общества // Социально-политические исследования. 2024. № 4 (25). С. 161-174. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-161>. <https://elibrary.ru/NZMBSW>.

Original article

Ontological foundations and evolution of spiritual and moral values of russian society

Aleksej S. Kul'berg

Master of theology, associate professor of the department of church-practical disciplines of the Yekaterinburg theological seminary, metropolitan of Yekaterinburg and Verkhoturys, chairman of the Synodal department for religious education and catechesis of the Russian Orthodox Church, Moscow
otdelro@otdelro.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2936-0205>

Abstract. The concept of “spiritual and moral” values has been used in science since the XIX century, but their very phenomenon in Russia has probably existed since the formation of Russian civilization. Throughout its long history, they could not remain unchanged. The purpose of the study is to identify the ontological foundations and evolution of the spiritual and moral values of Russian society. The main tasks for this reason were to find the basic spiritual and moral domestic values and analyze their transformation during history. Genetic analysis showed that basic values were the basis of Russian culture and were formed under the influence of political, social, economic and cultural phenomena. The formation of spiritual and moral values recorded today in the “Fundamentals of State Policy for Preserving and Strengthening Traditional Russian Spiritual and Moral Values”, rooted in events and processes such as the baptism of Russia, conquest campaigns and raids on Russia and liberation movements, Europeanization of Peter I, enlightenment in the XVIII-XIX, revolutions and social transformations of the XX century. The XXI century presents maximum challenges and threats to the existence of traditional Russian values, since technogenic information processes are significant factors in their transformation. It was revealed that the core of the country's value system throughout the centuries before the XX century was Orthodoxy, which determined the values of faith, goodness, piety, native land, society, labor. A philosophical analysis of understanding spiritual and moral values and defining approaches to their understanding in Russian pedagogy showed that the philosophical understanding of values in Russia in the XIX century, when the category began to penetrate into pedagogy, differed from the European one, since it was also based on the Orthodox worldview.

Key words: Russian traditional spiritual and moral values; spirituality; morality; Orthodoxy; axiology of education; axiological system; value transformation

For citation: Kul'berg A. S. Ontological foundations and evolution of spiritual and moral values of russian society. *Social and political researches*. 2024;4(25): 161-174. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-161>. <https://elibrary.ru/NZMBSW>.

Введение

Ценности присущи только человеческому сообществу. Несмотря на их нематериальный характер, они оказывают мощное воздействие на всех людей, и всё их совместное существование пронизано ценностной регуляцией, нормами и правилами. При этом сами ценности отличаются большим многообразием, сложной иерархией, механизмами образования и неоднородной структурой для разных индивидов, объединяющим ядром которой выступают традиционные духовно-нравственные ценности. Ценности отличаются в разных обществах в географическом и историческом контексте в силу различия самих обществ, что ещё больше затрудняет межкультурную коммуникацию их представителей. Следовательно, для того, чтобы осознать специфику духовно-нравственных ценностей в конкретном обществе, требуется обратиться к его истории. Таким образом возникает проблема выявления исторических особенностей трансформации национальных духовно-нравственных ценностей России. Для её решения требуется также уточнить, каковы философские подходы к пониманию сущности и происхождения духовно-нравственных ценностей в зарубежной и российской науке. В совокупности это обусловило *цель настоящего исследования*: определить онтологические основания и эволюцию российских духовно-нравственных ценностей.

Методы исследования

Исследование выдержано в логике аксиологического и историко-

педагогического подходов. Оно строилось на использовании совокупности теоретических методов, главным из которых стал генетический анализ развития аксиологических систем в России и Европе для определения специфики российских духовно-нравственных ценностей. Исследование стало возможным благодаря изучению исторических источников и научной литературы по философии и развитию российского общества и его культуры. С помощью интенсивной теоретизации, обобщения и рефлексии были сделаны выводы о формировании национальных базовых ценностей России и процессах, его определявших. Использование метода исторической актуализации позволило доказать своевременность изучения проблемы и трансформацию ценностей на современном этапе в условиях информатизации российского общества.

Результаты исследования

Становление категории ценностей происходило в рамках философии, затем отразившись в аспектах социальных и гуманитарных наук. Мультидисциплинарный характер опровергает возможность выдвижения единого определения, поскольку каждая наука обращает внимание на ценности в рамках своего предмета изучения, и если для экономики, к примеру, это потребительская стоимость, то для педагогики – установки личности. Однако как бы ни различались эти акценты на первый взгляд, в основе их лежат именно философские основания, объясняющие

единство понимания самой сущности ценностей в любой сфере человеческого бытия.

В философии можно выделить, как минимум, *три подхода к трактовке ценностей*.

Утилитарно-прагматический подход (Т. Брамельд, К. Роджерс, Э. Келли, Ч. С. Пирс, У. Джеймс, Дж. Дьюи) объясняет ценности в соответствии с их практической пользой и исходят из предпосылки, что они заложены в человеке от природы. Человек сознательно пользуется ценностями во взаимодействии с окружающими, чтобы получить индивидуальный результат (главная практическая цель любой деятельности), то есть опыт отдельного человека характеризует его личный и общественный мир ценностей. Ключевой ценностью признаётся результат, но ценны и другие эмпирически наблюдаемые объекты. Например, для Дж. Дьюи ценности есть доступные практическому созерцанию объекты, обусловленные биологическими и психологическими потребностями общества [Dewey, 1908], то есть ценность призвана удовлетворять эти потребности, принося пользу.

Трансцендентно-идеалистический подход (Р. Г. Лотце, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Ласк) оспаривает зависимость ценностей от фактора потребности и понимает их в качестве идеального состояния нормы, доступного познанию уже не эмпирическим путём, но разумом. Ценности – это вещи-в-себе, они существуют объективно, обязательны для всех и потому идеальны. Высшие – вневременные ценности истины, блага, красоты, святости. Ценности трансцендентны, определяя свободу действий и выбора человека в своих действиях, ведь ценности должна

определяться не благами, а способами реализации целей [Риккерт, 1998], и это также отличает трансцендентный взгляд на ценности от прагматического.

Культурно-исторический релятивизм (В. Дильтей, А. Тойнби, О. Шпенглер, М. Вебер) как подход к пониманию ценностей исходит из социокультурного фактора и допустимости вариативности ценностных систем, что объясняет возможность познания ценностей через знание породивших их культур. Сами ценности несут важнейшую социальную нагрузку, регулируя отношения между людьми.

В отечественной аксиологии данные подходы видятся односторонними. В России философский интерес к ценностям ярко проявился в рамках спора славянофилов и западников, а затем – демократического движения в XIX в. Дискуссия об исконно русских традициях привела И. В. Киреевского к обоснованию философского синтеза достижений науки, светской культуры и религиозной этики, опираясь на высшие православные ценности (добро, истину и красоту) [Киреевский, 1984]. А. С. Хомяков, К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин и другие представители славянофильства строили свои философские взгляды на традиционных духовно-нравственных, типичных для Руси ценностях веры, соборности, общественного блага, мира, труда, истины, сострадания. В основе аксиологической системы западников лежали общечеловеческие европейские ценности: свобода, верховенство закона, частная собственность и пр. В контексте революционно-демократических идей второй половины XIX в. В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский скорее разделяли взгляды западников, актуализируя не традиционные, но актуальные соци-

альные ценности, такие как свобода, человеческая личность, патриотизм, общественное благо, социальная справедливость, всеобщее равенство, просвещение, наука и др.

В русской религиозной философии понимание ценностей сопряжено с духовной значимостью, отражая цели духовного роста. Это обуславливает их божественную, а не социальную природу, следовательно, их объективность и общезначимость. «Абсолютная ценность Бога и Царства Божия есть основное необходимое условие и всех относительных ценностей», – писал Н. О. Лосский [Лосский, 1994, с. 291], создавший классификацию ценностей. В работе «Ценность и бытие» Лосский делит ценности на производные и первичную. Такой первичной самоценностью является Бог как Добро, а производными ценностями – положительные и отрицательные моменты бытия, приближающие или, соответственно, удаляющие человека от абсолютной полноты бытия (добро/зло) [Лосский, 2000]. Абсолютными и положительными ценностями он также называл любовь, красоту, нравственное добро, истину.

Ценность не субъективна, но всегда связана с жизнью и активностью субъекта, поэтому для С. Л. Франка ценности связаны с социальной деятельностью и потребностями (в сфере экономики, прекрасного, науки и др.), то есть только через потребность человек осознаёт значимость для него конкретной ценности. Так, эстетические ценности есть следствие потребности в нахождении прекрасного в мире. Утилитарные и нигилистические взгляды, на которых строилось советское государство после революции, вредны для культуры, противореча объективной природе ценностей, не знающей полезности и моды [Франк, 2000].

Авторитетнейшим философом своего времени был Н. А. Бердяев. В основе его учения лежала идея о зависимости национального характера от культуры народа, поэтому, изучая русский характер, он также задумывался над особенностями русского менталитета и традиционными ценностями. Эта информация служила Бердяеву фактологической базой для обоснования будущего России. В религиозности философ видит национально-объединительную культурную функцию, признавая, что православие содействовало формированию лучших черт национального характера и одновременно его слабостей (духовность, душевность, свобода духа, искание истины, доверчивость, открытость, терпеливость, жалостливость vs зависимость, покорность, инертность). Традиционными российскими ценностями Н. А. Бердяев называет коллективизм (в различных его проявлениях: солидарность, взаимопомощь, сотрудничество), труд, справедливость, равенство, странничество, однако именно ценность личности может быть выше истины и добра, поскольку личность есть творец культуры и культурных ценностей [Бердяев, 1985]. Поскольку дух преобладает над материей, то и духовное более значимо в сравнении с материальными, следовательно, духовные ценности для россиян первичны. Это во многом объясняет альтруизм и самоотверженность, которыми сопровождалось, например, построение советской государственности.

Подобные философские взгляды на понимание ценностей отражаются и в социальных науках, хотя в каждой выделяется собственный акцент их сущности и структуры. Так, в социологии П. А. Сорокин обосновал методологическую значимость ценностей: человек

не может не вступать в систему социальных отношений под влиянием бессознательных, биосознательных и социосознательных факторов, поэтому, анализ обществ возможен только через системы их ценностей; автор называл ценности фундаментом культуры [Сорокин, 1992]. Социологи и культурологи (П. В. Алексеев, М. П. Бочаров, Ю. Г. Волков, В. А. Ядов и др.) сходятся во мнении, что *ценности – это фундамент общества*, что объясняет их наличие в разных обществах и у всех поколений, но развитие общества сопровождается и видоизменением ценностей. В психологии ценности рассматриваются уже в составе структуры личности (Б. Г. Ананьев, А. Г. Ковалев, А. Маслоу, К. К. Платонов, М. Рокич и др.) и посредством понятий «мотивы» и «потребности». В психологии ценность – это «духовный или материальный объект, имеющий определенную жизненную цену и способный удовлетворить интересы и потребности личности и общества» [Леонтьев, 1996, с. 16]. В экономике категория «ценность» сопряжена с ценой. К. Маркс уравнивал их, в результате чего возникло понимание, что цена, стоимость, то есть в экономике утвердился прагматичный подход к пониманию ценностей. Этого нельзя сказать о сфере искусства. Внимание к аксиологии и содержанию ценностей в науке XIX в. подстегнул и литературный интерес к тематике. Всемирная слава русских писателей-философов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого объясняется их успешными опытами освещения духовно-нравственного ценностного выбора личности в условиях экзистенциальных кризисов.

В педагогике ценности рассматриваются с позиций их формирования и

воспроизводимости, поэтому науке ближе утилитарный подход. При этом близость к психологии объясняет признание трансцендентности ценностей, свободы в их выборе, значимости сознания в их усвоении. Педагогика относится к социальным наукам, поэтому с позиций релятивизма может также сосредоточиться на принадлежности ценностей к конкретным социумам и культурам. Следовательно, в педагогике могут отражаться все базовые философские подходы к ценностям, но значимо, что она не ограничивается только теоретическим осмыслением: практическая педагогическая деятельность включает в себя передачу ценностей, что обуславливает аксиологичность педагогической науки.

Единое общепринятое определение ценностей в педагогике отсутствует. Термин почти не представлен в специализированных словарях. Сравнение авторского понимания ценности в педагогической литературе показывает, что исследователи сходятся в признании, что особо значимые объекты целенаправленного формирования, обусловленные историческим, культурологическим и социально-экономическим факторами. Таким образом, именно признак формируемости, обеспечивающий социальную воспроизводимость, является для педагогической науки основным. Именно формируемость делает ценности качествами и характеристиками личности, достигаемыми в результате образования [Полонский, 2004].

Содержание духовно-нравственных ценностей закономерно его отличию для разных культур. В отдельных странах могут отличаться даже общечеловеческие ценности: в большинстве стран Запада легализованы смена пола, однополые браки, эвтаназия, легкие

наркотики, ювенальная юстиция, что представляется как результат борьбы за неолиберальные ценности, основу которых составляют примат личной свободы (при тотальном контроле государства) и индивидуализма (на грани эгоизма). Эти ценности чужды, к примеру, для азиатских обществ. Отсюда можно сделать вывод, что содержание ценностей определяется национальными особенностями государств, включающими исторические, экономические и социально-политические факторы.

Это подтверждается историей. Для древних греков высшими ценностями были «истина, красота, благо», раскрывавшие их взгляды о мире и человеке. В средневековой Европе в основе ценностной системы находилась вера, поэтому ценностный ряд включал религиозные ценности, и их антонимичные пары уже отражали однозначно положительные и отрицательные представления человека о жизни (вера/безбожие, рай/ад, душа/тело, духовное/материальное и др.). Христианство стало фундаментальной системой духовных ценностей. Сама Церковь служила такой ценностью, выполняя функцию социального цемента: защищая общество от варварства, она дала миру новый тип нравственности, постепенно сформировавший образ мыслей и действия средневекового человека, способствующий его выживанию и духовности. По мнению О. А. Гинатулиной, высшие ценности этого периода сформировали своеобразный кодекс нравственных ценностей европейца, включающих покорность, смирение, аскетизм, признание собственной беспомощности, греховности, униженность и пр. [Гинатулина, 2011].

В эпоху Ренессанса радикальность этой антонимичности стирается за счёт

антропоцентризма и гуманизма, в результате чего ценятся человеческая жизнь, творчество, деятельность, красота, величие природного. Вся культура приобретает более светский характер, и Петрарка, Боккаччо, Данте, Валла, Браччолини и др. гуманисты отставали уже не только религиозные, но и светские ценности: доблесть, достоинство, гражданственность, благородство, социальное равенство, некоторые – даже гедонизм. Новой ценностью становится человеческая личность, которая, по словам А. Ф. Лосева, «мыслится физически, телесно, объемно и трехмерно», а не абстрактно [Лосев, 1978, с. 241]. Конец феодализма, зарождение капитализма связаны с просвещённым абсолютизмом, в XVIII в. идеи гуманизма усиливаются, преобладает материалистический сенсуализм, что приводит к утверждению ценностей человека, знания, воспитания, образования, справедливости, социального развития, где «разум становится мерилем общественного прогресса» [Стародубцев, 2013, с. 291]. Примечательно, что образование служило и ценностью, и средством достижения других ценностей (социального прогресса, свободы и др.).

Утверждение капитализма привело к ломке христианской и гуманистической ценностных систем, прочно закрепляя товарно-денежные отношения во всех областях жизнедеятельности – от производства товаров и услуг до духовной культуры. XX век стал постмодернистским, разрушая традиции, ломая стереотипы, отказываясь от устоявшихся оценок. Новая социально-культурная парадигма и глобальные события столетия закрепили ценность человеческой жизни, свобод, личности, принесли всеобщее равноправие, демократию, технологизацию, девальви-

ровали духовные идеалы, породили средний класс, потребительство и массовую культуру. Известный исследователь этой культуры Х. Ортега-и-Гассет, рисуя психологический портрет массового европейца, сравнил его с избалованным ребёнком, поскольку его главные характеристики – «беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной натуры и, второе, врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 319].

В России в те же периоды ценности менялись несколько иначе, испытывая на себе влияние не только глобальных, но и национальных факторов. Уже у древних славян ценностью являлась вера, связанная с мистическим отношением к природе, но не включавшая понятие «души». Принятие христианства на Руси привело к формированию новой ценностной системы, нового типа сознания. Православие стало фундаментом объединения земель и построения древнерусского общества. Вера требовала строгого соблюдения нравственных норм. Важно, что эти изменения протекали без значимого европейского влияния, а византийская христианизация находилась под воздействием феномена язычества и сложившегося славянского характера, а потому в христианских Европе и Руси XI-XV вв. ценностные представления и их иерархия отличались (например, степень греха как отрицательной ценности: на Руси несоблюдение поста было более тяжёлым грехом, чем на Западе или чем, к примеру, рукоприкладство). В итоге, даже если человек оставался духовно незрелым, не понимал главных идей православной веры, то она всё равно пронизывала его

жизнь, определяла его быт, регулировала отношения с другими людьми, устанавливала чёткие нравственные ориентиры.

Ценностями русского православия стали спасение души, стремление к благочестию, покорность и духовное преображение, обусловившее духовность как отличительную ценность отечественного христианского общества. Кроме того, они включают семью, соборность, общественные интересы, труд, землю. В. Н. Введенский доказывает, что в период утверждения христианских учений на Руси и её объединения ценностный ряд пополнился совестью, сдержанностью, конструктивностью, готовностью к самопожертвованию ради веры [Введенский, 2013]. Монголо-татарское иго, походы на Русь европейцев, идея «Москвы как третьего Рима» усилили значимость этих ценностей, а также народности, национальной самодостаточности, мужества, жертвенности, государства, самодержавия.

С XVII вв. традиционная ценностная система претерпевала тенденции обновления через секуляризацию и просвещение. Если в Европе конец XVII – начало XVIII вв. связаны с укреплением гуманизма и утверждением ценности человека, то российские события и условия этого времени (крепостничество, церковный раскол, европеизация, социальная реструктуризация, войны и пр.) могли вести только к укреплению значимости государства и власти. Ключевой ценностью в Новое время, единой для низших и высших сословий, разрыв между которыми только усилился, оставалась семья. Идеи просвещения затронули в основном высшие сословия, поэтому знание, воспитание, политес, светский образ жизни стали новым отличием от низов,

но одновременно приравнивали Россию к Европе. Появлялись новые условия, зарождалась профессиональная интеллигенция, проповедовавшая рационализм, свободу творчества, деятельную преобразовательную активность, образование. Для нижних слоёв населения значимыми оставались православие, традиции, труд, община.

В XIX в. российское дворянство уже мало чем отличалось от европейского, разделяя западные взгляды на образованность (отличающуюся для мужчин и женщин в соответствии с принципами прагматизма и классицизма), образ жизни, нравы, вкусы и пр. Долгая европеизация привела к доминированию европейской культуры и нередко – к отказу от ценностей родного языка, родины, самобытности. Одновременно именно благодаря просвещению XIX в. был так богат на блестящих деятелей культуры, науки, политики, экономики – представителей дворянства, духовенства, разночинцев. Их объединял высокий уровень интериоризации ценностей «родина/отчизна» (часто в противопоставление государству), «справедливость», «свобода», «право», «истина», «долг». В отличие от Европы, в России XIX в. всё ещё распространены христианство, коллективизм, самодержавие, идеализм, однако также России уже близки ценности науки, социальной активности и общественного блага. Таким образом, Новое время – это период максимальной противоречивости ценностных систем российского коллективного сознания масс и элиты. Несмотря на мощное влияние европейской культуры на жизнь политической и творческой элиты, Россия сохранила собственный уникальный духовный образ, и во многом благодаря социальной стратификации.

XX в. значительно трансформировал мировосприятие человека, прежде всего, в результате двух Мировых войн и революции. В советском государстве ценностными основами служили труд и (трудолюбие), коллектив, солидарность (сплочённость), гуманизм, социальное благо, справедливость, доверие, самоотверженность, альтруизм, идеализм (вера в лучшее будущее), умеренность, активная жизненная позиция, социальная забота (помощь ближнему, укоренившаяся в православном «возлюби ближнего своего»). Их анализ показывает, что, с одной стороны, они действительно носят положительный характер, а с другой – отражают исконные отечественные ценности.

Их содержание несёт в себе отсылки к более ранней отечественной истории, все они представляют собой видоизменённые под новые условия ценности прошлого, то есть они присущи нашей культуре. Например, труд, как показывает анализ выше, является традиционной ценностью в российском обществе, но менялось отношение к труду: для крестьянина XII в. он был делом всей жизни, для крепостного – средством выживания, для творческой интеллигенции XIX в. – смыслом жизни, для советского человека – способом борьбы за общественные идеалы. Коллектив времён СССР также восходит корнями к феномену соборности как особой практике коллективной жизни православных. На Руси соборность строилась не просто на совместном проживании людей, но на добровольном принятии духовного единения этих людей, где главным скрепом являлся Бог и сохранение чистоты вера. Её предпосылкой был добровольный отказ от индивидуальной связи с Богом в пользу приобщения к единству православных. Замечено, что ведущий

признак русского менталитета – это стремление к цельности, святости и единству [Хоружий, 1994]. Соборность на Руси была противоположна веками формировавшемуся в европейском христианстве религиозному индивидуализму.

С конца XX в. формирование ценностей в мире происходило во многом под влиянием глобализации, информатизации и техногенной революции. Формировались новые модальные типы личности: «человек информационный» (*homo iformaticus*) [Абрамов, 2000; Saulauskas, 2000], «человек глобальный» (*homo globalis*) [Strenger, 2010], «человек цифровой» (*homo digitalis*) [Terceiro, 1996], «человек потребляющий», критиковавшийся ещё Э. Фроммом (*homo consúmens*) [Фромм, 2013; Лукьяненко, 2009], «человек мобильный» (*homo mobilis*) [Amar, 2000; Barnard, 2022].

Так, человек информационный живёт в плоскости пересечения разнообразных информационных потоков, поэтому, с одной стороны, для него важно знание, образование, а с другой – его социальное взаимодействие смещается в информационную сферу, где значение имеют скорость, интерактивность, трансграничность и космополитизм. Главными ценностями цифрового человека являются информация, цифровые компетентности, скорость, личные свободы, техническое усовершенствование, самооценка, социальная активность. Этот список уж заметно отличается от ценностей предыдущих поколений, в том числе и в нашей стране: в нём наблюдается резкое смещение социального в пользу технического при сохранении индивидуального. *Homo mobilis* ценит алокальность, простоту выбора, скорость перемен,

инновационность чувств и эмоций [Петренко-Лысак, 2015], он открыт для межкультурной коммуникации, много времени проводит в сети, много перемещается. Для *homo consúmens* главной ценностью становятся обладание и оценка общественным мнением, стирая значимость даже общечеловеческих ценностей. Потребительские интересы ведут к нивелированию коллективных ценностей в пользу индивидуализма [Brief History ... , 2011]. Показательно, что на старославянском слово «потребить» означает «уничтожить», а «потребитель» – «уничтожитель», то есть имеют отрицательное значение. Таким образом, базовые российские ценности и ценности общества потребления противоречат друг другу.

Некоторые авторы понимают *homo consúmens*, *mobilis* и *digitalis* как разновидности *homo globalis* [Толстокурова, 2015]. Вероятно, этим определяется конкретное внутреннее сходство их ценностей: информация, Глобальная сеть, коммуникация, инновации, самооценка через внешнюю оценку, свободы (слова, перемещения, доступа к информации и др.), космополитизм, творчество. Безусловно, первые три из них не относятся к числу духовных, поскольку не соответствуют критерию формирования, но возможно информатизация и технологизация вызывают объединение материальных, духовных и виртуальных ценностей. Даже если не разделять этот взгляд, очевидно, что остальные ценности из перечисленных мало пересекаются с традиционными. Данный список можно продолжить. Г. М. Никитин указывает в числе актуальных для информационного общества ценностей мудрость (стремление к знаниям), милосердие, сострадание, любовь, дружбу, терпимость (на Западе «толерантность») [Никитин, 2018]. Это означает, что при

появлении новых ценностей и смещении ряда прежних, отдельные традиционные ценности сохраняются и на современном этапе развития цивилизации. Но базовые ценности (истина, добро, здоровье, любовь, человек) актуальны всегда, что и делает их общечеловеческими, хотя актуальность не стабильна: ещё И. Кант обосновывал перспективу моральной деградации цивилизации [Кант, 1964].

Заключение

Итак, кризис духовности угрожает существованию общества и национальной идентичности. Сохранение ценностей есть сложный управляемый, в том числе и педагогический процесс. Воспитание выступает инструментом деятельности по сохранению традиционных российских духовных ценностей у молодых поколений.

Анализ показывает, что духовно-нравственные ценности – есть фундамент культуры любого народа или нации, формируемый под влиянием глобальных и уникальных факторов. К последним относится, к примеру, истори-

ческое развитие страны. В частности, для России утверждение современных духовно-нравственных ценностей определено такими историческими предпосылками как христианизацией Руси, вражескими нашествиями и освободительными движениями, европеизацией России в первой половине XVIII в., просвещением второй половины XVIII – XIX вв., духовно-нравственным воспитанием дворянства в XIX в., социальными преобразованиями XX в., ориентацией на сохранение традиций и национальной идентичности в XXI в.

Каждую историческую эпоху характеризуют собственные ценности. Именно через их призму оценивается вся социальная жизнь, и ценности лежат в основе социального опыта, передаваемого образовательной системой. Традиционные ценности типичны для разных периодов, но и они нуждаются в поддержании посредством ретрансляции молодым поколениям, в противном случае они рискуют быть утраченными под влиянием стихийных факторов.

Библиографический список

1. Абрамов М. Г. Человек и компьютер: от homo Faber к homo Informaticus // Человек. 2000. № 4. С. 127-134.
2. Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Paris : YMCA-press, 1985. 444 с.
3. Введенский В. Н. Жизненные ценности православного человека в России до XV века // Гуманитарные научные исследования : электронный журнал. 2013. № 7. URL: <https://human.snauka.ru/2013/07/3580> (дата обращения: 02.10.2024).
4. Гинатулина О. А. Ценность существования человека в философии жизни // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. №3 (4). С. 51-54.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения : в 6 т. Т. 4. Москва : Мысль, 1964. 544 с.
6. Киреевский И. В. Избранные статьи. Москва : Современник, 1984. 383 с.
7. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной конструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 16–21.
8. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. Москва : Мысль, 1978. 624 с.

9. Лосский Н. О. Бог и мировое зло / Сост. А. П. Поляков. Москва : Республика, 1994. 432 с.
10. Лосский Н. О. Ценность и бытие. Москва : Фолио, 2000. 860 с.
11. Лукьяненко В. И. Homo consumens – человек потребляющий / В. И. Лукьяненко, М. В. Хабаров, А. В. Лукьяненко // Век глобализации. № 2 (4). 2009. С. 149-159.
12. Никитин Г. М. Духовные ценности в современном постиндустриальном («информационном») обществе // Социально-политические науки. 2018. №6. С. 101-102.
13. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. Москва : Искусство, 1991. 588 с.
14. Петренко-Лысак А. А. Homo mobilis в транзит(ив)ном потоке мобильных коммуникаций // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. №3. С. 44-53.
15. Полонский В. М. Словарь по образованию и педагогике. Москва : Высш. шк., 2004. 512 с.
16. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. Москва : Республика, 1998. 413 с.
17. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. Москва : Политиздат, 1992. 542 с.
18. Стародубцев М. П. Культ разума, знания и воспитания – важнейшая ценность эпохи просвещения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 9 (137). С. 291–296.
19. Толстокурова А. В. Человеческое измерение глобализации: модальные типы личности // XVIII Международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире. Екатеринбург : УрФУ, 2015. С. 730-739.
20. Франк С. Л. Этика нигилизма // Франк С. Л. Сочинения. Москва : АСТ, 2000. С. 113-114.
21. Фромм Э. Искусство быть. Москва : АСТ, 2013. 352 с.
22. Хоружий С. С. Неопатристический синтез и русская философия // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 75-88.
23. Amar G. Homo Mobilis. La nueva era de la movilidad. Buenos Aires : La Crujía Ediciones, 2011. 176 p.
24. Barnard H. Homo mobilis: Interactions, Consciousness, and the Anthropocene // Homo Migrans / Ed. by Megan J. Daniels. New York : State Univ. of New York, 2022. Pp.317-344. DOI 10.2307/jj.18254836.19.
25. Brief History of the Future: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century. New York : Skyhorse Publishing Company. 2011, 312 p.
26. Dewey J. Ethics. New York: Henry Holt and company, 1908. 618 p.
27. Saulauskas M. P. The spell of homo irretitus: amidst superstitions and dreams // Information Research, 2000. Vol. 5 No. 4. <http://informationr.net/ir/5-4/paper80.html> (date accessed: 10.10.2024).
28. Strenger C. The Fear of Insignificance: Searching for Meaning in the Twenty-first Century. New York: Palgrave-Macmillan, 2010. 221 p.

29. Terceiro Lomba J. B. Sociedad digital. Digital Society: Del Homo Sapiens Al Homo Digitalis. Madrid : Alianza Editorial, 1996. 245 p.

Reference list

1. Abramov M. G. Chelovek i komp'yuter: ot homo Fabeg k homo Informaticus = Man and computer: from homo Fabeg to homo Informaticus // Chelovek. 2000. № 4. S. 127–134.
2. Berdjaev N. A. Sobranie sochinenij = Collected works Paris : YMCA-press, 1985. 444 s.
3. Vvedenskij V. N. Zhiznennye cennosti pravoslavnogo cheloveka v Rossii do XV veka = Life values of an Orthodox person in Russia until the XV century // Gumanitarnye nauchnye issledovanija : jelektronnyj zhurnal. 2013. № 7. URL: <https://human.snauka.ru/2013/07/3580> (data obrashhenija: 02.10.2024).
4. Ginatulina O. A. Cennost' sushhestvovanija cheloveka v filosofii zhizni = The value of human existence in the life philosophy // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2007. №3 (4). S. 51–54.
5. Kant I. Osnovy metafiziki npravstvennosti = Fundamentals of the metaphysics of morality // Sochinenija : v 6 t. T.4. Moskva : Mysl', 1964. 544 s.
6. Kireevskij I. V. Izbrannye stat'i = Chosen articles Moskva : Sovremennik, 1984. 383 s.
7. Leont'ev D. A. Cennost' kak mezhdisciplinarnoe ponjatie: opyt mnogomernoj konstrukcii = Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional construction // Voprosy filosofii. 1996. № 4. S. 16–21.
8. Losev A. F. Jestetika Vozrozhdenija = Renaissance aesthetics Moskva : Mysl', 1978. 624 s.
9. Losskij N. O. Bog i mirovoe zlo = God and World Evil / Sost. A. P. Poljakov. Moskva : Respublika, 1994. 432 s.
10. Losskij N. O. Cennost' i bytie = Value and being Moskva : Folio, 2000. 860 s.
11. Luk'janenko V. I. Homo consúmens – chelovek potrebljajushhij = Homo consúmens – person consuming / V. I. Luk'janenko, M. V. Habarov, A. V. Luk'janenko // Vek globalizacii. № 2 (4). 2009. S. 149–159.
12. Nikitin G. M. Duhovnye cennosti v sovremennom postindustrial'nom («informacionnom») obshhestve = Spiritual values in today's post-industrial (“information”) society // Social'no-politicheskie nauki. 2018. №6. S. 101–102.
13. Ortega-i-Gasset H. Jestetika. Filosofija kul'tury = Aesthetics. Philosophy of culture. Moskva : Iskustvo, 1991. 588 s.
14. Petrenko-Lysak A. A. Homo mobilis v tranzit(iv)nom potoke mobil'nyh kommunikacij = Homo mobilis in transit/transitive flood of mobile communications // Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij. 2015. №3. S. 44-53.
15. Polonskij V. M. Slovar' po obrazovaniju i pedagogike = Dictionary on Education and Pedagogy. Moskva : Vyssh. shk., 2004. 512 s.
16. Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture = Nature sciences and cultural sciences Moskva : Respublika, 1998. 413 s.
17. Sorokin P. A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo = Man. Civilization. Society Moskva : Politizdat, 1992. 542 s.
18. Starodubcev M. P. Kul't razuma, znaniya i vospitanija – vazhnejshaja cennost' jepohi prosveshhenija = The cult of reason, knowledge and education is the most

important value of the Enlightenment era // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 9 (137). S. 291-296.

19. Tolstokorova A. V. Chelovecheskoe izmerenie globalizacii: modal'nye tipy lichnosti = Human dimension of globalization: modal personality types // XVIII Mezhdunarodnaja konferencija pamjati prof. L. N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire. Ekaterinburg : UrFU, 2015. S. 730–739.

20. Frank S. L. Jetika nigilizma = Ethics of nihilism // Frank S. L. Sochinenija. Moskva : AST, 2000. S. 113-114.

21. Fromm Je. Iskusstvo byt' = Art of being Moskva : AST, 2013. 352 s.

22. Horuzhij S. S. Neopatristscheskij sintez i russkaja filosofija = Neopatristic synthesis and Russian philosophy // Voprosy filosofii. 1994. № 5. S. 75–88.

23. Amar G. Homo Mobilis. La nueva era de la movilidad. Buenos Aires : La Crujía Ediciones, 2011. 176 p.

24. Barnard H. Homo mobilis: Interactions, Consciousness, and the Anthropocene // Homo Migrans / Ed. by Megan J. Daniels. New York : State Univ. of New York, 2022. Rp.317-344. DOI 10.2307/jj.18254836.19.

25. Brief History of the Future: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century. New York : Skyhorse Publishing Company. 2011, 312 r.

26. Dewey J. Ethics. New York: Henry Holt and company, 1908. 618 p.

27. Saulauskas M. P. The spell of homo irretitus: amidst superstitions and dreams // Information Research, 2000. Vol. 5 No. 4. <http://informationr.net/ir/5-4/paper80.html> (date accessed: 10.10.2024).

28. Strenger C. The Fear of Insignificance: Searching for Meaning in the Twenty-first Century. New York: Palgrave-Macmillan, 2010. 221 r.

29. Terceiro Lomba J. B. Sociedad digital. Digital Society: Del Homo Sapiens Al Homo Digitalis. Madrid : Alianza Editorial, 1996. 245 r.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 19.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 25.09.2024; approved after reviewing 19.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 376.545
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-4-25-175
EDN: ZKGPYB

Школьное олимпиадное движение: история, теория и практика

Наталья Сергеевна Майорова^{1✉}, Ольга Станиславовна Щербинина²

¹Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Костромской государственной университет, г. Кострома.

²Кандидат педагогических наук, доцент кафедры психолого-педагогического образования, Костромской государственной университет, г. Кострома.

¹maiorowan@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-7293-7797>

²shcherbinina-olga@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8203-0489>

Аннотация. В статье проведен анализ исторического развития школьного олимпиадного движения в России – СССР и в мире. Актуальность проблемы исследования обусловлена, во-первых, значимостью олимпиад как стратегии поступления в престижные российские вузы, во-вторых, ежегодным увеличением числа олимпиад и творческих конкурсов, в которые вовлекается все большее число участников. На основе сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов исторического исследования, а также общенаучных методов прослеживается эволюция олимпиад как спортивных, так и интеллектуальных состязаний. В современных российских реалиях олимпиадное движение включает в себя два равнозначных направления: Всероссийская олимпиада школьников и «перечневые олимпиады», проводимые вузами. На результатах исследований авторитетных российских и зарубежных ученых базируется понимание предметных олимпиад как особого типа массового интеллектуального соревнования, механизма отбора крупными университетами одаренных и наиболее талантливых абитуриентов, а также фактора повышения качества образования как на ступени средней, так и высшей школы.

Эволюция олимпиадного движения в России прошла через несколько этапов. Начало ему было положено возникновением первой «протоолимпиады» в конце XIX в. В Советской России в 1920-е гг. олимпиады не проводились в силу действия вполне объективных причин. Возрождение олимпиад произошло в СССР только в 1934 г. и было связано с такими предметами, как математика и физика. К концу советского периода олимпиадное движение пережило серьезную трансформацию и превратилось в масштабную систему предметных олимпиад. В современной России олимпиадное движение закрепило и дополнило традиции, заложенные в советские годы, но претерпело и качественные изменения, благодаря которым в расширенном и обновленном виде предметные олимпиады существуют сегодня и обладают значительными перспективами.

© Майорова Н. С., Щербинина О. С., 2024

Ключевые слова: предметные олимпиады; олимпиадное движение; Всероссийская олимпиада школьников; уровни олимпиад; одаренные школьники; само-развитие

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01666, <https://rscf.ru/project/24-28-01666/>

Для цитирования: Майорова Н. С., Щербинина О. С. Школьное олимпиадное движение: история, теория и практика // Социально-политические исследования. 2024. № 4 (25). С. 175-188. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-175>. <https://elibrary.ru/ZKGPYB>.

Original article

School olympiad movement: history, theory and practice

Natalya S. Mayorova¹✉, Olga S. Shcherbinina²

¹Candidate of historical sciences, associate professor, department of history, Kostroma state university, Kostroma.

²Candidate of pedagogical sciences, associate professor at department of psychological and pedagogical education, Kostroma state university, Kostroma.

¹maiorowan@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-7293-7797>

²shcherbinina-olga@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8203-0489>

Abstract. The article analyzes the historical development of the school Olympiad movement in Russia – the USSR and in the world. The relevance of the research problem is due, firstly, to the importance of Olympiads as a strategy for entering prestigious Russian universities, and secondly, to the annual increase in the number of Olympiads and creative competitions in which an increasing number of participants are involved. On the basis of comparative historical and problem-chronological methods of historical research, as well as general scientific methods, the evolution of olympiads of both sports and intellectual competitions is traced. In modern Russian realities, the Olympiad movement includes two equivalent areas: the All-Russian Olympiad for schoolchildren and the “list Olympiads” held by universities. The research results of authoritative Russian and foreign scientists are based on understanding subject Olympiads as a special type of mass intellectual competition, a mechanism for selecting gifted and most talented applicants by large universities, as well as a factor in improving the quality of education at both the secondary and higher school levels.

The evolution of the Olympiad movement in Russia has gone through several stages. It began with the emergence of the first “proto-Olympiad” at the end of the XIX century. In Soviet Russia in the 1920-s olympiads were not held due to quite objective reasons. The revival of the Olympiads took place in the USSR only in 1934 and was associated with such subjects as mathematics and physics. Towards the end of the Soviet period, the Olympiad movement underwent a major transformation and turned into a large-scale system of subject Olympiads. In modern Russia, the Olympiad movement has consolidated and supplemented the traditions laid down in the Soviet years, but has also undergone qualitative changes, according to which, in an expanded and updated form, subject Olympiads are today and have significant prospects.

Key words: subject Olympiads; olympiad movement; All-Russian Olympiad for schoolchildren; Olympiad levels; gifted schoolchildren; self-development

The study was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01666, <https://rscf.ru/project/24-28-01666/>

For citation: Mayorova N. S., Shcherbinina O. S. School olympiad movement: history, theory and practice. *Social and political researches*. 2024;4(25): 175-188. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-175>. <https://elibrary.ru/ZKGPYB>.

Введение

Понятие «олимпиада» в нашем сознании прочно ассоциируется с Древней Грецией, спортивными соревнованиями и увенчанными лавровым венком атлетами как образцами совершенства. Эти состязания в быстроте, силе и ловкости совсем не похожи на широко распространенное в Российской Федерации школьное олимпиадное движение. Оно представляет собой интеллектуальную борьбу и соперничество в олимпиадах, включенных в перечень Министерства образования и науки, главным призом в котором является поступление в самые престижные вузы страны.

В широком смысле в педагогической среде термин «олимпиада» имеет значение «бесплатного массового интеллектуального состязания школьников международного или национального уровня, проводимого при участии и/или поддержке государства и гарантирующего академические льготы при поступлении в образовательные учреждения высшего образования, с использованием ранее не опубликованных заданий, развивающих творческие способности обучающихся и по уровню сложности превышающих школьную программу» [Гулов, 2023б, с. 139]. Исследованием разных аспектов этих интеллектуальных соревнований системно занимаются российские и зарубежные ученые. В сферу их интересов

попали разные аспекты олимпиадного движения: методики работы с одаренными детьми на этапе подготовки к олимпиадам [Bilavych, 2021; Preckel, 2020; Ladewig, 2022; Вдовина, 2018; Бузыкина, 2019; Юртаева, 2021], проблемы недостаточной подготовленности педагогических кадров для работы с «олимпиадниками» [Муравьева, 2017; Иванова, 2017; Piske, 2017; Van-Tassel-Baska, 2024], методологические основы и опыт проведения олимпиад [Артемьева, 2022; Есипова, 2017], проявления разных форм неравенства в олимпиадном движении [Бойцова, 2019; Черненко, 2022; Parr 2020], механизмы отбора участников олимпиад [Berk, 2016; Fleeer, 2022], история олимпиад [Гулов, 2023а; Гулов, 2023б; Абдусамедов, 2014а; Абдусамедов, 2014б; Гдалина, 2013].

Методологическая и теоретическая основа исследования

Методологическую основу исследования составили теоретико-методологические основы олимпиадного движения школьников, метод системного анализа и методы исторического исследования – проблемно-хронологический и сравнительно-исторический.

Проводимые в Древней Греции олимпиады были не только спортивными состязаниями. Их программа включала соревнования в музыке – в игре на

кифаре и флейте, пении, а также состязания мудрецов. Пробразом интеллектуальных поединков можно считать философские турниры эпохи античности и диспуты в университетах Западной Европы в эпоху средневековья.

Возрождение олимпиадного движения произошло в конце XIX в., когда в 1894 г. состоявшийся в Париже Международный спортивный конгресс с подачи Пьера де Кубертена принял решение о проведении в 1896 г. в Афинах первых олимпийских игр современности. Тогда же в Венгрии состоялись соревнования по решению математических задач – первая олимпиада школьников по математике.

Олимпиадное движение не обошло стороной и Россию. «Журнал элементарной математики» в 1884 г. выступил инициатором проведения конкурсов по решению математических задач для студентов, учащихся гимназий и реальных училищ. Ежегодно до 1917 г. в рамках конкурса по решению физических и математических задач журнал публиковал «задачи на премию» – дореволюционный вариант заочных олимпиад по физике и математике.

Астрономическое общество Российской империи организовывало «Олимпиады для учащейся молодежи», которые большинство исследователей называют точкой отсчета олимпиадного движения в России [Абдусамедов, 2014а; Черненко, 2022]. Они не отличались системностью и большим числом участников и никак не были связаны с поступлением в университеты. Основой олимпиад выступали предметы математического и естественнонаучного цикла, в первую очередь математика и физика. С этих точных наук началось олимпиадное движение в дореволюционной России.

С олимпиады по математике, организованной Ленинградским государственным университетом в 1934 г., олимпиадное движение получило свое второе рождение в Советском Союзе. В 1935 г. эстафету проведения математической олимпиады подхватила Москва. Целью возрожденных олимпиад была пропаганда научных знаний, поиск и отбор одаренных детей для их дальнейшей подготовки к поступлению в вузы. Олимпиадные задания по уровню сложности вполне укладывались в рамки школьной программы. Участие во втором туре приняли 130 человек, которым была предоставлена уникальная возможность стать слушателями лекций таких выдающихся математиков, как А. Н. Колмогоров, П. С. Александров, А. Г. Курош. Победу на этой олимпиаде одержали Игорь Зверев, Николай Коробов и Анна Мышкис. В дальнейшем победители стали студентами мехмата МГУ, демонстрировали значительные математические способности, а А. В. Мышкис вела занятия в математическом кружке. Но свои коррективы в их жизнь и большое научное будущее внесла война. А. В. Мышкис в ходе освобождения Украины осенью 1943 г. была тяжело ранена и от ранений скончалась. Игорь Зверев и Николай Коробов прошли войну, стали преподавателями своей альма-матер, посвятив себя науке.

Вторая половина 1930-х гг. была временем непростым и успех проведения первых олимпиад вполне мог завершиться на стадии подъема. Интерес к олимпиадам проявило партийное руководство. 4 июля 1936 г. ЦК ВКП (б) издало постановление «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Согласно этому документу в советскую школу была внедрена заимствованная из западной «буржуазной

педологии» система обследования умственного развития и одаренности школьников, использовавшаяся некритически и представляющая собой «форменное издевательство над учащимися, противоречащее задачам советской школы и здравому смыслу» [Народное образование, 1974, с. 174]. Результатом этого постановления стала приостановка научной и методической работы по разработке программ обучения одаренных детей.

В 1938-1939 гг. в Москве и Ленинграде состоялись олимпиады по химии. У истоков олимпиады по химии стоял профессор химического факультета МГУ А. П. Терентьев. Олимпиада была нацелена на развитие интереса к науке, на углубление знаний и включение в глубокую научную деятельность. В 1938 г. физический факультет МГУ провел олимпиаду по физике. Масштаб олимпиады в 1930-е гг. фактически соответствовал одному городу. Для немногочисленных одаренных школьников из союзных республик и других городов доступным было только заочное участие. Инициатором и неоспоримым лидером олимпиадного движения в Советском Союзе выступал МГУ и крупные советские ученые, в числе которых математики Б. Н. Делоне, А. Н. Колмогоров, Л. А. Люстерник, А. О. Гельфанд, С. Л. Соболев и др.

Развитию олимпиадного движения помешала Великая Отечественная война. Олимпиадное движение, пусть и не в прежнем объеме, возобновилось еще до окончания Великой Отечественной войны. Уехавшие в эвакуацию московские математики сумели провести олимпиады в Казани и Ашхабаде. В 1944 г. по инициативе химического факультета МГУ состоялась московская городская олимпиада по химии. В

1943 г. в блокадном Ленинграде состоялась олимпиада юных талантов, в рамках которой двадцать школьников представили свои доклады по химии и участвовали в собеседовании по результатам проведенной работы.

В послевоенное десятилетие география олимпиад значительно расширилась. В городах РСФСР – Иваново, Смоленске, Вологде и Иркутске – проводились олимпиады по математике и физике. С 1950 г. в олимпиадное движение включились Белорусская и Украинская советские республики. Одновременно с появлением в конце 1940-х гг. олимпиады по астрономии, хотя и довольно медленно, стал расширяться перечень предметных олимпиад. Географический факультет МГУ организовал олимпиаду по географии, а биолого-почвенный факультет по биологии. Все это рождало запрос и на внедрение новых форм работы с талантливыми и одаренными детьми, в том числе и через взаимодействие школы и вуза. Так, работой математического кружка в МГУ руководил профессор А. Н. Колмогоров. Участником этого кружка был тогда еще школьник И. В. Гирсанов – неоднократный победитель московских математических олимпиад. После обучения на мехмате и в аспирантуре МГУ И. В. Гирсанов возглавил математический кружок МГУ. И это не единичный пример, доказавший и доказывающий сегодня значение предметных олимпиад.

Прорыв Советского Союза в космической отрасли и ядерной физике вызвал значительный рост интереса к науке и технике, развитие которых опиралось на математику и физику. Вследствие этого возникла тенденция к приданию олимпиаднему движению всесоюзного масштаба. Идея проведения олимпиад по математике в разных городах СССР с последующим при-

глашением их победителей на заключительный тур Московской олимпиады возникла у Б. Н. Делоне, И. В. Гирсанова, Д. Б. Фуks, А. С. Шварца. Практическая реализация сосредоточилась в руках И. В. Гирсанова – одного из руководителей школьного математического кружка при МГУ. Этот кружок не только привлекал к своей работе математически одаренных школьников Москвы, но за счет публикации своих материалов в журнале «Математическое обозрение», талантливых детей со всей советской страны.

Весной 1960 г. в Московской олимпиаде по математике приняли участие школьники из 9 союзных республик и областей РСФСР. В следующем году одновременно с Московской олимпиадой состоялась и Первая Всероссийская олимпиада по математике, участниками которой были команды союзных республик и областей РСФСР, состоявшие из 4 человек. В период 1961-1965 гг. олимпиада по математике имела статус всероссийской, но ее победителями были школьники самых разных национальных регионов.

В 1959 г. в г. Брашове в Румынии состоялась первая международная математическая олимпиада. Ее организация и проведение опирались и на тот, уже весьма значительный педагогический и методический опыт, который был накоплен в СССР. Участие в этой олимпиаде приняли команды стран социалистического лагеря – Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Чехословакии.

Организационное олимпиадное движение на первых порах охватывало крупные города РСФСР и олимпиады имели городской и позднее всероссийский уровень. Учитывая положитель-

ный опыт проведения олимпиад, до всесоюзного изменился и их уровень. Так, в 1964 г. состоялись всероссийские олимпиады по химии и физике, а в 1967 г. были проведены уже всесоюзные олимпиады по физике, химии и математике. В 1967 г. было подготовлено и принято Положение о всесоюзных олимпиадах.

В середине 1960-х гг. возник интерес и к предметам гуманитарного цикла. В 1965 г. на филологическом факультете МГУ было принято решение о создании лингвистической олимпиады. Ее появление было совсем неслучайным и логичным образом произрастало из связи математики и языкознания, да и название олимпиада имела соответствующее – «Олимпиада по языковедению и математике». Долгие годы составителем заданий лингвистической олимпиады был специалист по африканским языкам А. Н. Журицкий.

В 1960-е гг. олимпиадное движение в СССР имело мощную поддержку со стороны правительства и охватило большое число участников во всех союзных республиках. Олимпиады не просто получили признание со стороны государства, но стали элементом его образовательной политики. В 1964 г. Министерство просвещения РСФСР издало приказ об утверждении государственной системы предметных олимпиад, за подписью министра просвещения члена-корреспондента Академии Наук СССР М. А. Прокофьева. Для реализации принятого решения и усиления руководства олимпиадным движением был создан Центральный комитет Всероссийской физико-математической олимпиады, в который вошли представители Министерства просвещения, ЦК ВЛКСМ, просветительской организации Всесоюзное общество «Знание». Центральному коми-

тету отводилась роль оргкомитета проведения олимпиад под руководством академика П. Л. Капицы. В 1965 г. председателем центрального оргкомитета всероссийских, позднее всесоюзных олимпиад стал физик-экспериментатор, академик И. И. Кикоин. Именно он смог настоять на том, чтобы победителям олимпиад были предоставлены льготы при поступлении в вузы.

Советские школьники принимали командное участие и в международных предметных олимпиадах, которые стали проводиться с 1959 г. Олимпиадное движение имело серьезную научно-методическую основу. Ее результатами стали классы с углубленным изучением физики и математики, физико-математические школы, периодические издания, в том числе и знаменитый журнал «Квант» и т. д. В 1980-е гг. в МГУ и МФТИ на постоянной основе действовал семинар по олимпиадным задачам.

В процессе развития олимпиадного движения появилась и система льготного поступления в вузы победителей и призеров олимпиад. Финал и подведение итогов всесоюзных олимпиад приобрело формат масштабного и очень торжественного чествования победителей, которые получали грамоты и ценные подарки из рук ученых с мировым именем. К разработке олимпиадных заданий были привлечены ученые и преподаватели крупнейших советских вузов, а расширение перечня предметов и их введение в структуру интеллектуальных состязаний обуславливались запросами не только государства, но и общества.

В 1988 г. местом проведения первой всесоюзной олимпиады по информатике стал Свердловск. В ней приня-

ли участие 80 школьников из всех республик Советского Союза.

В числе победителей всесоюзных олимпиад были математики Г. Перельман и С. Смирнов, лауреат Нобелевской премии по физике Константин Новоселов.

Распад СССР и сложные процессы, переживаемые российской государством в 1990-е гг., не могли не отразиться на олимпиадном движении. Как отмечает Г. А. Абдусамедов, «появились так называемые «олимпиадные функционеры», специалисты по организации и проведению олимпиад. В жюри многих турниров высокого уровня почти не осталось профессиональных ученых, биологов, физиков и математиков и т. д. с мировым именем. Обострились проблемы с финансированием, подбором талантливых детей, ослабли научные школы (особенно в регионах), перестали проводиться олимпиадные лагеря. Олимпиадное движение России, как и вся страна, переживало глубокий кризис» [Абдусамедов, 2014а, с. 168]. Олимпиадники уже не связывали свое будущее с высокой наукой или продолжали заниматься ею, но в европейских, израильских и американских университетах. И даже в этих непростых условиях, благодаря накопленной в советские годы позитивной инерции, олимпиадное движение как система отбора талантливых детей сохранялось и продолжало функционировать.

Актуальные проблемы природы и общества и связанные с ними угрозы стимулировали появление новых олимпиад. «В 1991 году новое государство Российская Федерация, – пишет А. П. Гулов, – продолжая традиции советского образования и будучи правопреемником СССР, запускает расширенную линейку предметных олим-

пиад школьников, впервые в истории внедряя гуманитарные предметы в программу испытаний. История, русский язык и литература являются важными дисциплинами для осознания собственной идентичности, что становится знаковым после распада Союза. Список предметов постепенно расширяется, приобретая знакомые и узнаваемые черты современной системы, в которой представлены различные направления» [Гулов 2023а, с. 48].

В конце XX в. перечень предметных олимпиад значительно расширился. В него вошли олимпиады по информатике, экологии, астрономии, русскому языку, литературе, истории, праву, обществознанию, экономике, технологии, английскому, французскому, испанскому, итальянскому и китайскому языкам, мировой художественной культуре и др. Олимпиадное движение приобрело системность и всеохватность как по числу участников всех субъектов Российской Федерации, так и по перечню предметов, выходящему за рамки устоявшегося набора школьных дисциплин.

В конце XX – начале XXI вв. проблемы олимпиад были обусловлены и финансово-экономическим состоянием России. В регионах не было средств на финансирование работы с одаренными детьми и участие победителей регионального этапа в заключительном. Возникали сложности со сбором и подготовкой российских команд для участия в международных олимпиадах, так обязательный для них этап очных тренировок ограничивался по своей продолжительности одной-тремя неделями. Талантливые педагоги в поисках заработка уходили из школы. Уровень подготовки олимпиадников (особенно ярко это проявилось в математических

и естественно-научных олимпиадах) в регионах заметно снизился, хотя и здесь были исключения, примером чего является Сибирь.

Именно в СССР была разработана и показала высокую эффективность *система четырех уровней олимпиады*: школьный, городской (в РФ – муниципальный), республиканский (в РФ – региональный), всесоюзный (в РФ – заключительный).

В Российской Федерации олимпиадное движение имеет *два равнозначных направления*: Всероссийская олимпиада школьников (ВСОШ), курируемая Министерством просвещения РФ и включающая олимпиады по 24 предметам, и олимпиада школьников под эгидой Российского союза ректоров, куда входят олимпиады, проводимые вузами.

Так, более 25 лет МИФИ проводит свою олимпиаду, которая, сменив несколько названий – Физико-математическая олимпиада МИФИ, с 1999 г. Олимпиада Минатома России, с 2005 г. олимпиада «Росатома», нисколько не потеряла своей актуальности.

Решением ректоров пяти крупнейших российских технических университетов – Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ), Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева, Самарского государственного аэрокосмического университета (национального исследовательского университета) им. С. П. Королева, Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) – была учреждена Инженерная олимпиада школьников [Муравьев, 2017]. С 2000-х гг.

возросло число олимпиад. Благодаря системе ЕГЭ рейтинговые университеты уже не испытывали проблем с количеством абитуриентов. Для обеспечения их высокого качества университеты создавали свои олимпиады, служившие механизмом отбора талантливых и одаренных школьников.

В 2007 г. был создан Российский совет олимпиад школьников (далее РСОШ), осуществляющий экспертную деятельность, обеспечивающий выработку единообразных требований к олимпиадам, утверждение и расширение перечня олимпиад школьников и конкурсов, так называемый «министерский перечень олимпиад», дающий льготы и преимущества при поступлении в российские вузы. Возглавил РСОШ ректор МГУ В. А. Садовничий. РСОШ проводил экспертизу качества проведения олимпиад, выявляя недостатки их проведения и внося предложения по унификации требований и совершенствованию процесса организации олимпиад. Поскольку степень информационной открытости олимпиад в первое десятилетие XXI в. была явно недостаточной, РСОШ ставил перед собой задачу устранения негативных сторон, повышения информированности участников о сроках проведения олимпиад, типах олимпиадных заданий, механизмах ознакомления с результатами каждого этапа ВСОШ, подачи апелляций и т. д. РСОШ дает добро на включение в перечень олимпиад новых состязаний и конкурсов, разрабатываемых вузами.

Большая часть участников олимпиад вовлечена во Всероссийскую олимпиаду школьников, поскольку отбор перспективных олимпиадников осуществляется именно на школьном уровне с последующим участием в муниципальном и региональном этапах. В

«перечневых олимпиадах», как правило, одаренные дети участвуют по личной заинтересованности и устойчивому интересу к конкретной области научного знания.

В условиях введения ЕГЭ, как системы оценивания уровня знаний выпускников и условия поступления в вузы, ведущие университеты, входящие в национальный и мировые рейтинги, используют собственные олимпиады как средство отбора одаренных, наиболее талантливых и перспективных школьников. Таким образом, «перечневые олимпиады» становятся альтернативным видом вступительных испытаний и путем поступления в престижные университеты.

В 2007 г. Департаментом образования г. Москвы был создан Центр педагогического мастерства, который в рамках системы дополнительного образования ведет целенаправленную работу по развитию олимпиадного движения в московском образовании. В следующие годы аналогичные центры – локальные площадки развития одаренности появились и в других российских регионах (Республика Башкортостан, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Вологодская область и др.). «В 2015 г., – подчеркивает А. П. Гулов, – по инициативе Президента РФ В. В. Путина, происходит запуск образовательного фонда “Талант и успех”, который курирует программы образовательного центра “Сириус” по направлениям “Наука”, “Искусство”, “Спорт” и “Литературное творчество”» [Гулов, 2023а, с. 49].

По образцу всесоюзных предметных олимпиад школьников стали проводиться олимпиады в Китае, Южной Корее, Сингапуре, Таиланде и т. д. В Китае системы отбора одаренных детей и подготовки национальных ко-

манд к участию в международных олимпиадах приобрели широчайших размах. По мнению Г. А. Абдусамедова, хорошее финансирование системы образования Китая позволило регулярно читать дополнительные лекции для участников олимпиад и проводить отборочные туры для кандидатов в сборную страны, проводить усиленную подготовку отобранной команды [Абдусамедов, 2014а]. Для китайских школьников из провинции участие в олимпиаде представляет собой фактически единственный шанс вырваться из глубинки, поступить в престижный вуз или получить образование за рубежом.

Заключение

Олимпиады представляют собой «высокотехнологичную форму обучения», обладают богатым и практически неисчерпаемым образовательным потенциалом и обеспечивают высокий уровень усвоения учебного материала и рост качества подготовки одаренных школьников.

В рамках школьной программы углубленное изучение отдельных предметов необязательно служит условием для работы с одаренными детьми и под-

готовки их к участию в олимпиадах, поэтому организации дополнительного образования – Центры одаренных школьников, детские лагеря формата многопредметных школ, образовательные центры типа «Сириуса» – выступают партнером школы в работе именно с одаренными и талантливыми детьми. В 2016 г. была учреждена объединившая наиболее успешных олимпиадников Ассоциация победителей олимпиад, члены которой используя личный опыт, выступают педагогами для следующего поколения участников.

Олимпиадное движение отнюдь не исчерпало своего образовательного и воспитательного потенциала. Оно активно развивается на самых разных уровнях, вовлекая в число участников не только старшеклассников, но и учеников начальной школы. Присущий олимпиадам дух соревновательности, стремление к саморазвитию и самосовершенствованию соответствуют духу времени, стремительно меняющемуся и выдвигающему все больше требований к человеку и обществу. Олимпиадное движение несовершенно, но большое будущее у олимпиад, несомненно, есть.

Библиографический список

1. Абдусамедов Г. А. Традиции олимпиадного движения школьников в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. 2014а. № 3. С. 166-170.
2. Абдусамедов Г. А. Школьные олимпиады в России: особенности организации и проведения в конце XX – начале XXI вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. 2014б. № 2. С. 69-73.
3. Артемьева Л. Н. Методологические основы психолого-педагогической олимпиады школьников / Л. Н. Артемьева, Ю. В. Яковлева // Педагогическое образование. 2022. Том 3, № 8. С. 146–151.
4. Бойцова О. Ю. Справедливость неравенства, или Кто и как побеждает на олимпиаде по обществознанию / О. Ю. Бойцова, Д. М. Носов, В. В. Тороп // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2019. № 2. С. 199-225.

5. Бузыкина О. В. Ученик, Учитель, Олимпиада: траектория эффективной успешности олимпиадного движения в республике Мордовия // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2019. № 1(17). С. 12-16.
6. Вдовина Т. О. Всероссийская олимпиада школьников как показатель эффективности работы с одаренными учащимися / Т. О. Вдовина, С. А. Карасев // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2018. № 1 (13). С. 82-87.
7. Гдалина Т. Г. Интеллектуальные соревнования школьников. Генезис олимпиадного движения в России как форма выявления и поддержки талантливой молодежи / Т. Г. Гдалина, Д. А. Гдалин // *Universum*: Вестник Герценовского университета. 2013. № 4. С. 138-148.
8. Гулов А. П. Генезис олимпиадного движения в России // Ценности и смыслы. 2023а. № 3 (85). С. 42-60.
9. Гулов А. П. Отличительные признаки олимпиадного движения в России // Педагогический имидж. 2023б. Т. 17. № 2(59). С. 135-144.
10. Есипова А. А. Анализ опыта проведения Всероссийских предметных олимпиад школьников / А. А. Есипова, А. А. Хохлов // Молодой ученый. 2017. № 11-2 (145). С. 58-60.
11. Иванова Е. Н. Современные подходы к подготовке будущего учителя / Е. Н. Иванова, Л. П. Разумова // International scientific and practical conference “World science”. 2017. № 5(21), Т. 3. С. 39-41.
12. Муравьев С. Е. Олимпиады школьников / С. Е. Муравьев, В. И. Скрытный // Высшее образование в России. 2017. № 6. С. 126-130.
13. Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 года «О педагогических извращениях в системе наркомпросов» // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. Москва: Педагогика, 1974. С. 173-175.
14. Черненко С. Е. «Обречены на успех»: продвигающая сила школы, роль семьи и неравенство на пути олимпиадников в университет / С. Е. Черненко, К. Р. Романенко // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2022. № 3. С. 213-238.
15. Юртаева Т. В. Олимпиадное движение как форма работы с одаренными детьми // Русский язык и литература: актуальные проблемы теории и практики преподавания : сборник материалов VI Всероссийской научно-методической конференции / под ред. М. А. Дубовой. Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2021. С. 187-191.
16. Berk S. Designing for the future of education requires design education // Art education. 2016. № 69(6). P. 16–20. DOI:10.1080/00043125.2016.1224844.
17. Bilavych H. V. Innovative teaching methods as a means of development of gifted personality (based on the experience of the activity of the «University of the gifted child» at Vasyl Stefanyk Precarpathian national university) / H. V. Bilavych, L. V. Piiichuk, S. B. Malona, B. P. Savchuk, O. J. Dovgij, O. Z. Yaremchuk // Медична Освіта. 2021. № 2. P. 92–96. DOI: <https://doi.org/10.11603/me.2414-5998.2021.2.12419>.
18. Gierczyk M. I. The impact of school environment on talent development: a retrospective view of gifted british and polish college students/ M. Gierczyk, S. Pfeiffer // *Школьное олимпиадное движение: история, теория и практика*

Journal of advanced academics. 2021. 32 (4). P. 567-592. DOI: <https://doi.org/10.1177/1932202X211034909>.

19. Fleer M. A cultural-historical critique of how engineering knowledge is constructed through research in play-based settings: what counts as evidence and what is invisible? *Research in science education*. 2022. № 52(4). P.1355-1373. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11165-021-10012-y>.

20. Ladewig A. Persisting in physics and the physics olympiad – impact of gender identification and sense of belonging on expectancy-value outcomes / A. Ladewig, O. Köller, K. Neumann // *European journal of psychology education*. 2022. 38 (7). P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10212-022-00600-5>.

21. Parr J. Challenges of equity and discrimination in the education of gifted children / J.Parr, T. Stevens // *Quality education*. 2020. №1. P. 67-78. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69902-8_21-1

22. Piske F. The importance of teacher training for development of gifted students' creativity: contributions of Vygotsky/ T .Stoltz , E. Guérios, D. de Camargo, C. Vestena, S. de Freitas, A. Barby, J. Santinello // *Creative education*. 2017. № 1(8). P. 131-141. DOI: <http://dx.doi.org/10.4236/ce.2017.81011>

23. Preckel F. Talent development in achievement domains: a psychological framework for within and cross-domain research / F. Preckel, J. Golle, R. Grabner, L. Jarvin, A. Kozbelt, D. Müllensiefen, P. Olszewski-Kubilius, W. Schneider, R. Subotnik, M. Vock, F. C. Worrell // *Perspectives on psychological science*. 2020. Vol. 15(3). P. 691–722. DOI: 10.1177/1745691619895030

24. VanTassel-Baska J. Whither thou goest, gifted education? // *Gifted child today*. 2024. 47(2). P. 151-155. DOI: <https://doi.org/10.1177/10762175231222307>

Reference list

1. Abdusamedov G. A. Tradicii olimpiadnogo dvizhenija shkol'nikov v Rossii = Traditions of the Olympiad movement of schoolchildren in Russia // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija Istorija i politicheskie nauki*. 2014a. № 3. S. 166-170.

2. Abdusamedov G. A. Shkol'nye olimpiady v Rossii: osobennosti organizacii i provedenija v konce XX – nachale XXI vv. = School Olympiads in Russia: features of organization and holding in the late XX – early XXI // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija Istorija i politicheskie nauki*. 2014b. № 2. S. 69-73.

3. Artem'eva L. N. Metodologicheskie osnovy psihologo-pedagogicheskoi olimpiady shkol'nikov = Methodological foundations of the psychological and pedagogical Olympiad for schoolchildren / L. N. Artem'eva, Ju. V. Jakovleva // *Pedagogicheskoe obrazovanie*. 2022. Tom 3, № 8. S. 146–151.

4. Bojcova O. Ju. Spravedlivost' neravenstva, ili Kto i kak pobezhdaet na olimpiade po obshhestvoznaniju = Justice of inequality, or Who and how wins the social studies Olympiad / O. Ju. Bojcova, D. M. Nosov, V. V. Torop // *Voprosy obrazovanija / Educational Studies Moscow*. 2019. № 2. S. 199-225.

5. Buzykina O. V. Uchenik, Uchitel', Olimpiada: traektorija jeffektivnoj uspešnosti olimpiadnogo dvizhenija v respublike Mordovija = Student, Teacher, Olympics: the trajectory of the effective success of the Olympiad movement in the Republic of

Mordovia // Vestnik Saratovskogo oblastnogo instituta razvitija obrazovanija. 2019. № 1(17). S. 12-16.

6. Vdovina T. O. Vserossijskaja olimpiada shkol'nikov kak pokazatel' jeffektivnosti raboty s odarennymi uchashhimisja = All-Russian Olympiad for schoolchildren as an indicator of the effective work with gifted students / T. O. Vdovina, S. A. Karasev // Vestnik Saratovskogo oblastnogo instituta razvitija obrazovanija. 2018. № 1 (13). S. 82-87.

7. Gdalina T. G. Intellektual'nye sorevnovanija shkol'nikov. Genezis olimpiadnogo dvizhenija v Rossii kak forma vyjavlenija i podderzhki talantlivoj molodezhi = Intellectual competitions of schoolchildren. The genesis of the Olympiad movement in Russia as a form of identifying and supporting talented youth / T. G. Gdalina, D. A. Gdalin // Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta. 2013. № 4. S. 138-148.

8. Gulov A. P. Genezis olimpiadnogo dvizhenija v Rossii = Genesis of the Olympiad movement in Russia // Cennosti i smysly. 2023a. № 3 (85). S. 42-60.

9. Gulov A. P. Otlichitel'nye priznaki olimpiadnogo dvizhenija v Rossii = Features of the Olympiad movement in Russia // Pedagogicheskij imidzh. 2023b. T. 17. № 2(59). S. 135-144.

10. Esipova A. A. Analiz opyta provedenija Vserossijskih predmetnyh olimpiad shkol'nikov = Analysis of the experience of holding All-Russian subject Olympiads for schoolchildren / A. A. Esipova, A. A. Hohlov // Molodoj uchenyj. 2017. № 11-2 (145). S. 58-60.

11. Ivanova E. N. Sovremennye podhody k podgotovke budushhego uchitelja = Modern approaches to preparing the future teacher / E. N. Ivanova, L. P. Razumova // International scientific and practical conference "World science". 2017. № 5(21), T. 3. S. 39-41.

12. Murav'ev S. E. Olimpiady shkol'nikov = Olympiads for schoolchildren / S. E. Murav'ev, V. I. Skrytnyj // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2017. № 6. S. 126-130.

13. Postanovlenie CK VKP(b) ot 4 ijulja 1936 goda «O pedagogicheskij izvrashhenijah v sisteme narkomprosov» = Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of July 4, 1936 "On pedagogical perversions in the system of people's commissariats" // Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshheobrazovatel'naja shkola. Sbornik dokumentov. 1917–1973 gg. Moskva: Pedagogika, 1974. S. 173-175.

14. Chernenko S. E. «Obrecheny na uspeh»: prodvigajushhaja sila shkoly, rol' sem'i i neravenstvo na puti olimpiadnikov v universitet = "Doomed to Succeed": the advancing power of school, the role of family and inequality on olympiads path to University / S. E. Chernenko, K. R. Romanenko // Voprosy obrazovanija / Educational Studies Moscow. 2022. № 3. S. 213-238.

15. Jurtaeva T. V. Olimpiadnoe dvizhenie kak forma raboty s odarennymi det'mi = Olympiad movement as a form of work with gifted children // Russkij jazyk i literatura: aktual'nye problemy teorii i praktiki prepodavanija : sbornik materialov VI Vserossijskoj nauchno-metodicheskoi konferencii / pod red. M. A. Dubovoj. Kolomna : Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet, 2021. S. 187-191.

16. Berk S. Designing for the future of education requires design education. // Art education. 2016. № 69(6). P. 16–20. DOI:10.1080/00043125.2016.1224844.

17. Bilavych H. V. Innovative teaching methods as a means of development of gifted personality (based on the experience of the activity of the «University of the

gifted child» at Vasyl Stefanyk Precarpathian national university) / H. V. Bilavych, L. V. Iliichuk, S. V. Malona, B. P. Savchuk, O. J. Dovgij, O. Z. Yaremchuk // *Medichna Osvita*. 2021. № 2. P. 92–96. DOI: <https://doi.org/10.11603/me.2414-5998.2021.2.12419>.

18. Gierczyk M. I. The impact of school environment on talent development: a retrospective view of gifted british and polish college students/ M. Gierczyk, S. Pfeiffer // *Journal of advanced academics*. 2021. 32 (4). P. 567-592. DOI: <https://doi.org/10.1177/1932202X211034909>.

19. Fler M. A cultural-historical critique of how engineering knowledge is constructed through research in play-based settings: what counts as evidence and what is invisible? *Research in science education*. 2022. № 52(4). P.1355-1373. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11165-021-10012-y>.

20. Ladewig A. Persisting in physics and the physics olympiad – impact of gender identification and sense of belonging on expectancy-value outcomes / A. Ladewig, O. Köller, K. Neumann // *European journal of psychology education*. 2022. 38 (7). P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10212-022-00600-5>.

21. Parr J. Challenges of equity and discrimination in the education of gifted children / J.Parr, T. Stevens // *Quality education*. 2020. №1. P. 67-78. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-69902-8_21-1.

22. Piske F. The importance of teacher training for development of gifted students' creativity: contributions of Vygotsky/ T .Stoltz , E. Guérios, D. de Camargo, C. Vestena, S. de Freitas, A. Barby, J. Santinello // *Creative education*. 2017. № 1(8). P. 131-141. DOI: <http://dx.doi.org/10.4236/ce.2017.81011>.

23. Preckel F. Talent development in achievement domains: a psychological framework for within and cross-domain research / F. Preckel, J. Golle, R. Grabner, L. Jarvin, A. Kozbelt, D. Müllensiefen, P. Olszewski-Kubilius, W. Schneider, R. Subotnik, M. Vock, F. C. Worrell // *Perspectives on psychological science*. 2020. Vol. 15(3). R. 691–722. DOI: 10.1177/1745691619895030.

24. VanTassel-Baska J. Whither thou goest, gifted education? // *Gifted child today*. 2024. 47(2). P. 151-155. DOI: <https://doi.org/10.1177/10762175231222307>.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 24.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

Научная статья
УДК 378.147
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-4-25-189
EDN: ZNRJTG

Концептуализация понятия «глобальная ответственность учащихся»

Игорь Сергеевич Сеницын

Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой физической географии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
1010.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7096-1005>

Аннотация. Неотъемлемой чертой современности является постоянно возникающие проблемы и противоречия, которые порождаются в условиях постоянно глобализирующегося мира, имеют общечеловеческий характер проявления. Обращение к глобальным проблемам современности как содержательной категории общего образования позволит вывести образовательный процесс на качественно новый уровень, что будет проявляться с одной стороны в формировании и дальнейшем развитии комплекса образовательных результатов, задекларированных в федеральных государственных образовательных стандартах общего образования (уровни начального общего, основного общего и среднего общего образования) и сопряженных с ними федеральных образовательных программах применительно к разным уровням общего образования и федеральных рабочих программах по отдельным учебным предметам, а с другой – содействовать у школьников становлению глобальной ответственности. В этом контексте миссия общего образования, направленная на преодоление имеющихся в современном обществе «глобального эгоизма» (личностная позиция – «от меня ничего не зависит, и я ничего не решаю») и апатии, является актуальной, что требует уточнения на уровне концептуализации ключевых понятий. Цель статьи – определить концептуальную рамку понятия «глобальная ответственность». Основной научный результат исследования заключается в раскрытии сущности рассматриваемого феномена с позиции интегративного качества, которое формируется в личности на основе освоенных знаний, норм и правил, совокупности способов деятельности и присвоенных ценностных установок, согласующихся с императивом выживания и устойчивого развития человеческой цивилизации, способность и готовность выстраивать свою жизнедеятельность в направлении разрешения на локальном уровне проявлений глобальных проблем человечества и/или их минимизации с осознанием обязательства за результаты и последствия своих действий.

Ключевые слова: ответственность; ответственное отношение; ответственное поведение; глобальность; глобальные проблемы человечества; устойчивое развитие; глобальная ответственность

© Сеницын И. С., 2024

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ ЯГПУ им. К. Д. Ушинского в 2024 году на НИР по теме «Разработка концептуальных основ и технологии формирования глобальной ответственности учащихся в процессе изучения глобальных проблем современности», рег. № 073-00036-24-09.

Для цитирования: Синецын И. С. Концептуализация понятия «глобальная ответственность учащихся» // Социально-политические исследования. 2024. № 4 (25). С. 189-199. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-189>. <https://elibrary.ru/ZNRJTG>.

Original article

Conceptualization of the concept of “students’ global responsibility”

Igor S. Sinitsyn

Candidate of pedagogical sciences, associate professor, head of department of physical geography, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl 1010.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7096-1005>

Abstract. An integral feature of modernity is the constantly emerging problems and contradictions that arise in the conditions of a constantly globalizing world, have a universal nature of manifestation. Addressing the global problems of our time as a meaningful category of general education will bring the educational process to a qualitatively new level, which will manifest itself on the one hand in the formation and further development of a set of educational results declared in federal state educational standards of general education (levels of primary general, basic general and secondary general education) and related federal educational programs in relation to different levels of general education and federal work programs in individual academic subjects, and on the other hand, to develop school students’ global responsibility. In this context, the mission of general education, aimed at overcoming the “global egoism” existing in modern society (personal position – “nothing depends on me, and I do not solve anything”) and apathy, is relevant, which requires clarification at the level of conceptualization of key concepts. The purpose of the article is to define the conceptual framework of the concept of “global responsibility”. The main scientific result of the study is to reveal the essence of the phenomenon under consideration from the standpoint of integrative quality, which is formed in the personality on the basis of mastered knowledge, norms and rules, a set of methods of activity and assigned values consistent with the imperative of survival and sustainable development of human civilization, the ability and willingness to build their lives towards local resolution of global human problems and/or their minimization with an awareness of the obligation for the results and consequences of their actions.

Key words: responsibility; responsible attitude; responsible behavior; globality; global problems of humanity; sustainable development; global responsibility

The article was prepared as part of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation to YSPU named after K. D. Ushinsky in 2024 as the research on the topic “Development of conceptual foundations and technologies for forming global

responsibility of students in the process of studying global problems of our time”, reg. № 073-00036-24-09.

For citation: Sinitsyn I. S. Conceptualization of the concept of “students’ global responsibility”. *Social and political researches*. 2024;4(25): 189-199. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-189>. <https://elibrary.ru/ZNRJTG>.

Введение

Начало XXI века ознаменовалось осознанием глобальных вызовов, требующих коллективных усилий всего человечества. Организация Объединенных Наций (ООН), взяв на себя роль координатора, инициировала Цели развития тысячелетия (ЦРТ), ориентированные на решение наиболее острых проблем того времени: нищета, голод, болезни, неграмотность, гендерное неравенство и деградация окружающей среды. Эти цели, хотя и амбициозные, оказались недостаточно конкретными и всеобъемлющими для преодоления нарастающих глобальных вызовов. 2015 год после длительных согласований на разных уровнях ознаменовался принятием в Повестку дня в области устойчивого развития уточненных 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) и 169 задач, их конкретизирующих. Этот документ представляет собой значительно более детальный и комплексный план действий, чем его предшественник. ЦУР – это не просто набор целей, а взаимосвязанная система, признающая взаимозависимость экономического роста, социальной справедливости и экологической устойчивости. Достижение каждой из целей напрямую влияет на прогресс в других областях, подчеркивая необходимость интегрированного подхода [Цели в области устойчивого, 2024].

В число 17 ЦУР входят такие критически важные задачи, как преодоление нищеты во всех её проявлениях (ЦУР 1), ликвидация голода, обеспече-

ние продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства (ЦУР 2), обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте (ЦУР 3), обеспечение инклюзивного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех (ЦУР 4), гендерное равенство (ЦУР 5), обеспечение доступа к чистой воде и санитарии для всех (ЦУР 6), обеспечение доступа к чистой и доступной энергии для всех (ЦУР 7), содействие устойчивому и всеобъемлющему экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех (ЦУР 8), создание устойчивой инфраструктуры, содействие всеобъемлющей и устойчивой индустриализации и содействие инновациям (ЦУР 9), сокращение неравенства внутри стран и между ними (ЦУР 10), обеспечение мира, справедливости и эффективных институтов (ЦУР 16), укрепление мер по борьбе с изменением климата (ЦУР 13) и многие другие. Особое внимание уделяется вопросам устойчивого потребления и производства (ЦУР 12), защиты морских экосистем (ЦУР 14) и защиты наземных экосистем (ЦУР 15) [Цели в области устойчивого, 2024].

Эти цели неразрывно связаны, так как деградация окружающей среды непосредственно влияет на экономическое развитие и социальное благополучие населения. Например, изменение

климата приводит к экстремальным погодным явлениям, урожаю и миграционным потокам. Отличительной чертой ЦУР является их универсальный характер. Они адресованы всем странам мира, независимо от уровня их развития, и требуют коллективных усилий правительств, частного сектора, гражданского общества и научного сообщества. Успешная реализация ЦУР невозможна без активного участия каждого человека. В контексте образования ЦУР вносят существенные коррективы. Традиционное понимание образования как процесса воспитания и обучения, важного для человека, семьи и государства, дополняется новым измерением – воспитанием глобальной ответственности. Образование должно формировать у подрастающего поколения понимание взаимосвязи экономических, социальных и экологических процессов, способность к критическому мышлению, креативности и кооперации. Это подразумевает интеграцию принципов устойчивого развития во все образовательные программы, начиная с дошкольного образования и заканчивая высшим. Только таким образом можно подготовить будущие поколения к решению сложных глобальных вызовов и созданию более справедливого и устойчивого мира.

Обращение к данной категории неизбежно заставляет задуматься над тем, что включает в себя такая ответственность и перед кем она возникает. Вместе с тем приходится констатировать, что содержание данной категории с целе-результативных и сущностных позиций раскрыто недостаточно. Именно это и принимается нами в качестве *целевого ориентира* настоящего исследования.

Методология и методы исследования

Основу проведенного исследования составляет, прежде всего, системный подход, позволяющий рассматривать ключевое понятие «глобальная ответственность» в системе образовательных результатов, достигаемых учащимися на уровне общего образования, и интегративный, обеспечивший его содержательное наполнение. Основным методом выступает анализ имеющихся научных публикаций по исследуемому направлению и качественная интерпретация представленной в них информации.

Результаты исследования

Глобальная ответственность – это комплексное понятие, состоящее из двух взаимосвязанных, но часто различаемых аспектов. Для их полного понимания необходимо разобраться в самой сути ответственности как философской и этической категории. Общепринято считать ответственность основополагающим принципом человеческого существования, регулирующим взаимодействие индивида с обществом и окружающей средой. Однако, как справедливо отмечает Г. И. Кашапова, «отсутствие всеобъемлющей теории ответственности существенно затрудняет её научное изучение» [Кашапова, 2021, с. 110]. В повседневной жизни мы интуитивно понимаем значение ответственности, но попытка сформулировать её точное научное определение сталкивается с многочисленными трудностями.

Обратимся к истории философской мысли. Хотя термин «ответственность» встречается в трудах древних мыслителей относительно редко, его содержание находит отражение в их концепциях. Конфуций, например, рассматривал ответственность как фундаментальное условие для установления социального

порядка – без чувства ответственности невозможно построение гармоничного общества [Спиркин, 2024]. Это понимание ответственности как социального контракта, обязательства перед обществом, сохраняет свою актуальность и сегодня. Современная философия часто определяет ответственность как зависимость человека от внешних факторов или внутренних убеждений, которые влияют на его решения и действия. Это «отношение зависимости» означает, что человек осознает последствия своих поступков и несет за них определенную ответственность перед самим собой, другими людьми, обществом или природой [Новая философская энциклопедия, 2024].

Развитие психологической науки дало определенный толчок в понимании ответственности. С этих позиций для нас важна точка зрения на сущность ответственности, представленная в трудах З. Фрейда, понимавшего под ней составную часть «совести», которая обусловлена социальными страхами. Значимым также представляется современное понимание ответственности в практической психологии, где она рассматривается с позиций контроля над человеческой деятельностью, которая может быть реализована в самых разных формах на основе выработанных и установленных в обществе и человеком норм и правил [Волкова, 2019].

Для системы социологических наук характерно философско-социологическое понимание ответственности с позиций отношений, которые необходимы в системе «человек – общество», что выражается установленными взаимными обязательствами, задающими соответствующие стиль и модель поведения конкретного человека в конкретном обществе [Сирота, 2024].

Безусловно, наибольший интерес для нас представляют взгляды на сущность ответственности в педагогической литературе. Научно-педагогическое осмысление категории «ответственность» позволяет заключить, что ее общепринято рассматривать, как:

– «способность личности, выражающаяся в контроле человеком собственной деятельности, детерминированной, с одной стороны, установленными в конкретном социуме нормами и правилами нравственно-правового характера, а с другой стороны, присущим каждому из нас чувством долга;

– форма саморегуляции личности, выражающаяся в осознании себя причиной совершаемых поступков и их последствий, в осознании и контроле своей способности выступать причиной изменений (или противодействия изменениям) в окружающем мире и в собственной жизни;

– отношение зависимости человека от чего-то, воспринимаемого им в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий, прямо или косвенно направленных на сохранение иного или содействие ему [Желтухин, 2022, с. 53].

В трудах В. А. Сухомлинского и П. Ф. Каптерева ответственность трактуется как личностная способность, обеспечивающая самостоятельное формирование нравственных обязанностей, требований от самого себя их выполнения с последующим осуществлением самооценки и самоконтроля или способности отдавать отчет своим действиям [Каптерев, 1982]. Л. А. Барановская определяет ответственность как комплексное

свойство личности, выражающееся в устойчивой и осознанной склонности к действию в различных ситуациях на основе выработанных в обществе требований нравственного долга и правовых норм и характеризующееся умением прогнозировать возможные последствия реализуемых действий и готовностью отвечать за них [Желтухин, 2022]. Данную дефиницию рассматривают в педагогике также как качество личности, находящее свое выражение в отношении и поведении человека на основе должного, характеризующееся способностью предвидения результатов своей деятельности и ответственности за нее, и как чувство неловкости за неправильное поведение даже без наказания [Вейдт, 2024; Коджаспирова, 2024; Педагогика ... , 2023; Профессионально-педагогические понятия ... , 2005; Желтухин, 2022; Вишнякова, 1999; Толковый словарь Даля ... , 2024; Толковый словарь русского ... , 2024].

Обобщение имеющихся взглядов позволяет нам заключить, что для научного понимания ответственности с позиций свойства, способности, качества средству присуща нечеткость характеристики. При этом считаем необходимым отметить, что в трактовке ответственности с разных позиций присутствует определяющий и связующий компонент – нравственный аспект, подразумевающий осознание субъектом собственных действий и принятие обязанностей (способностей) по предвидению возможных результатов собственной деятельности.

Для нашего исследования наиболее близким будет понятие ответственности, предложенное Д. Н. Желтухиным, определившим ее одновременно с позиций и качества, и способности: «... ответственность – это качество, форми-

рующее в личности способность брать на себя в пределах установленных социальных норм нравственные обязательства за результаты и последствия своих действий» [Желтухин, 2022, с. 53]. Это определение в значительной степени согласуется с мнением Б. С. Алишева, утверждающим, что «... ответственность следует рассматривать как способность как по собственной инициативе, так и по установкам извне принимать на себя решение трудных проблем» [Алишев, 2009, с. 6–7].

Второй элемент концепции глобальной ответственности включает в себя категорию «глобальный» и сопутствующее понятие «глобальные проблемы». Первое использование термина «глобальность» зафиксировано в американских публикациях уже в 1942 г., и на сегодняшний день определяется с нескольких точек зрения: 1) это то, что охватывает территорию или население всего мира; 2) это то, что является основным и определяющим для появления, развития или существования чего-то; 3) изменения и события, которые кардинально влияют на что-либо [Therbor, 2005]. Важным для нашего анализа является понимание «глобального» в трех аспектах: универсальный, значительный и общий. В качестве критерия глобальности можно рассматривать пространственное измерение. Однако этого недостаточно – нужны дополнительные критерии, чтобы из множества социальных проблем выделить строго глобальные. Во втором значении термин «глобальный» подразумевает значительные проблемы, актуальные для всего человечества. Глобальность определяется не только пространственными аспектами, но и признаками объединения человечества, а также неразрывной связью с судьбой планеты

[Горшнев, 2019; Илясова, 2020; Иноземцев, 2008; Ирхин, 2023; Синицын, 2020; Урсул, 2019]. Таким образом, система критериев глобальности включает единство географического масштаба, общечеловеческой значимости и социоприродной универсальности, что позволяет отличать глобальные проблемы от других.

Рассмотрев составляющие понятия «глобальная ответственность», считаем необходимым перейти к определению его сущности. При этом отметим имеющуюся попытку сущностного раскрытия данного феномена, предложенного И. М. Пушкиной с позиций «нравственной установки человека, основанной на глубоком понимании смысла и последствий своей деятельности на планете» [Пушкина, 2013, с. 106]. В исследованиях автора отмечается, что «глобальная ответственность является способом поддержания мира (целостности общества и общественного согласия, социальной справедливости и усовершенствования общественных отношений), сохранения Земли как общего Дома для всех жителей планеты, где люди – одна семья, и каждый человек должен активно участвовать в мироустройстве» [Пушкина, 2013, с. 106]. Значимым в контексте нашего исследования следует признать идею о том, что «формирование глобальной ответственности делает необходимым ориентировать образовательный процесс на подготовку молодых людей к решению глобальных проблем, на духовно-научное освоение окружающего мира, на воспитание нравственных качеств, отвечающих императиву выживания и устойчивого развития человеческой цивилизации» [Пушкина, 2013, с. 106].

Таким образом, определим *глобальную ответственность как интегра-*

тивное качество, формирующееся в личности на основе освоенных знаний, норм и правил, совокупности способов деятельности и присвоенных ценностных установок, согласующихся с императивом выживания и устойчивого развития человеческой цивилизации, способность и готовность выстраивать свою жизнедеятельность в направлении разрешения на локальном уровне проявлений глобальных проблем человечества и/или их минимизации с осознанием обязательства за результаты и последствия своих действий.

Приведенная формулировка понятия о глобальной ответственности требует учета *двух аспектов*: индивидуального и коллективного. *Первый аспект* глобальной ответственности – *индивидуальная ответственность* – осознание каждым человеком своей роли в формировании глобальных процессов, что подразумевает в себе ответственность за свое потребление, за свой образ жизни, за свой выбор (политический, экономический). Индивидуальная ответственность не ограничивается личным благополучием, она распространяется на окружающих и будущее планеты. *Второй аспект* – *коллективная ответственность* – имеет отношение к ответственности различных институтов и структур (государство, международные организации, транснациональные корпорации и пр.) и рассматривается как сложная сфера, поскольку затрудняет определение вины и распределение ответственности между различными акторами. Предложенное понятие глобальной ответственности имеет также одно из ограничений, так называемую «проблему расстояния». Человек часто не ощущает прямой связи между своими действиями и глобальными последствиями.

Все изложенное выше, позволяет нам признать глобальную ответствен-

ность учащихся как базовую идею общего образования и отнести ее к целе-результативному ориентиру, согласующемуся с обозначенными в федеральных государственных образовательных стандартах общего образования, сопряженных с ними федеральных образовательных программах и федеральных рабочих программах по отдельным учебным предметам образовательными результатами (личностными и метапредметными).

Уточнение сущности глобальной ответственности с позиций качества личности, формирующейся в процессе ее обучения, воспитания и социализации в обществе, определяет необходимость раскрытия ее содержательных доминант и рассмотрения структуры, что мы для себя определяем и принимаем как ближайший перспективный

ориентир развития научного поиска в указанном направлении.

Заключение

Выполненное в рамках статьи осмысление понятий «ответственность», «глобальность», «глобальные проблемы человечества» позволило на концептуальном уровне определить сущностное наполнение понятия «глобальная ответственность», дающее общее представление о проблемах ее становления (формирования) и о том, как с целевых, содержательных и процессуальных позиций необходимо подходить к обучению, воспитанию и социализации в обществе подрастающего поколения для достижения образовательной миссии по преодолению имеющихся в современном обществе «глобального эгоизма» (личностная позиция – «от меня ничего не зависит и я ничего не решаю») и апатии.

Библиографический список

1. Алишев Б. С. К проблеме социальных установок эволюционно-культурного уровня // Социокультурные установки, ценности и мотивы учения современных студентов : сборник научных трудов / под ред. Б. С. Алишева. Казань : Отечество, 2009. С. 5–28.
2. Вейдт В. П. Педагогический тезаурус : учебное пособие для вузов. Москва : Юрайт, 2024. 227 с.
3. Вишнякова С. М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. Москва : НМЦ СПО, 1999. 538 с.
4. Волкова Е. В. Обзор исследований ответственности в отечественной и зарубежной психологии XXI века / Е. В. Волкова, С. А. Башкатов, Л. В. Чернышова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 4. С. 53–59.
5. Горшенев К. К. Глобализация и империализм в контексте взаимодействия культур: подходы, мнения, идеи // Наследие веков. 2019. № 2 (18). С. 60–67.
6. Грицанов А. А. Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 1999. URL: <https://rus-new-philosophy.slovaronline.com> (дата обращения: 13.10.2024).
7. Желтухин Д. Н. Содержание понятия ответственности в современной педагогике // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 5. С. 50–59.

8. Илясова Д. М. Глобальные проблемы мира и пути их решения / Д. М. Илясова, М. Э. Тарновская // Наука, образование и культура. 2020. № 6 (50). С. 98–99.
9. Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. № 1. С. 31–44.
10. Ирхин Ю. В. Политология в 2 ч. Часть 1. История политической мысли : учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2023. 370 с.
11. Каптерев П. Ф. Избранные педагогические сочинения / под. ред. А. М. Арсеньева. Москва : Педагогика, 1982. 614 с.
12. Кашапова Г. И. Ответственность как социально-психологический феномен и уровни её развития // Казанский педагогический журнал. 2012. № 1. С. 110–116.
13. Коджаспирова Г. М. Педагогика : учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2024. 711 с.
14. Костин П. А. Проблема социальной ответственности современной российской гуманитарной интеллигенции // Социально-гуманитарные знания. 2020. С. 140–147.
15. Новая философская энциклопедия: сайт. 2024. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01beef80ca72acb7a42e9d9db> (дата обращения: 13.10.2024).
16. Педагогика : учебник и практикум для вузов / П. И. Пидкасистый [и др.] ; под ред. П. И. Пидкасистого. Москва : Юрайт, 2023. 408 с.
17. Профессионально-педагогические понятия : словарь / сост. Г. М. Романцев, В. А. Федоров, И. В. Осипова, О. В. Тарасюк ; под ред. Г. М. Романцева. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2005. С. 318.
18. Пушкина И. М. О воспитании глобальной ответственности в контексте новых ценностей мирового сообщества // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. № 4. С. 106–108.
19. Синицын И. С. Глобальные проблемы социопатического характера: опыт количественного исследования, профилактики и противодействия в локально-региональном измерении : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 179 с.
20. Сирота Н. М. Социология : учебное пособие для вузов / Н. М. Сирота, С. А. Сидоров. Москва : Юрайт, 2024. 167 с.
21. Спиркин А. Г. История философии : учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2024. 136 с.
22. Толковый онлайн-словарь Даля. URL: <https://www.slovardalja.net/> (дата обращения: 13.10.2024).
23. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/> (дата обращения: 13.10.2024).
24. Урсул А. Д. «Глобальность» как базовое понятие глобальных исследований // Философия и культура. 2019. № 6. С. 1–13.
25. Цели в области устойчивого развития // Организация Объединенных наций: официальный сайт. 2024. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 13.10.2024).
26. Шаповалов В. Ф. Философия : учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2024. 596 с.

27. Therborn G. Globalization and inequality: Issues of conceptualization and of explanation // *Social welt*. 2005. № 4. P. 31–62.

Reference list

1. Alishev B. S. K probleme social'nyh ustanovok jevoljucionno-kul'turnogo urovnja = To the problem of social attitudes of an evolutionary-cultural level // *Sociokul'turnye ustanovki, cennosti i motivy uchenija sovremennyh studentov : sbornik nauchnyh trudov / pod red. B. S. Alisheva*. Kazan' : Otechestvo, 2009. S. 5–28.
2. Vejdt V. P. Pedagogicheskij tezaurus = Pedagogical thesaurus: uchebnoe posobie dlja vuzov. Moskva : Jurajt, 2024. 227 s.
3. Vishnjakova S. M. Professional'noe obrazovanie. Slovar'. Kljuचेveje ponjatija, terminy, aktual'naja leksika = Vocational education. Dictionary. Key concepts, terms, current vocabulary. Moskva : NMC SPO, 1999. 538 s.
4. Volkova E. V. Obzor issledovanij otvetstvennosti v otechestvennoj i zarubezhnoj psihologii XXI veka = Overview of studies of responsibility in domestic and foreign psychology in the XXI century / E. V. Volkova, S. A. Bashkatov, L. V. Chernyshova // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika*. 2019. № 4. S. 53–59.
5. Gorshenev K. K. Globalizacija i imperalizm v kontekste vzaimodejstvija kul'tur: podhody, mnenija, idei = Globalization and imperialism in the context of cultural interaction: approaches, opinions, ideas // *Nasledie vekov*. 2019. № 2 (18). S. 60–67.
6. Gricanov A. A. Novejšij filosofskij slovar' = Latest philosophical dictionary Minsk: Knizhnyj Dom, 1999. URL: <https://rus-new-philosophy.slovaronline.com> (data obrashhenija: 13.10.2024).
7. Zheltuhin D. N. Soderzhanie ponjatija otvetstvennosti v sovremennoj pedagogike = The content of the concept of responsibility in modern pedagogy // *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy*. 2022. № 5. S. 50–59.
8. Iljasova D. M. Global'nye problemy mira i puti ih reshenija = Global peace challenges and solutions / D. M. Iljasova, M. Je. Tarnovskaja // *Nauka, obrazovanie i kul'tura*. 2020. № 6 (50). S. 98–99.
9. Inozemcev V. L. Sovremennaja globalizacija i ee vosprijatie v mire = Modern globalization and its perception in the world // *Vek globalizacii*. 2008. № 1. S. 31–44.
10. Irhin Ju. V. Politologija v 2 ch. Chast' 1. Istorija političeskoj mysli = Political science in 2 parts. Part 1. History of political thought : uchebnyj dlja vuzov. Moskva : Jurajt, 2023. 370 s.
11. Kapterev P. F. Izbrannye pedagogičeskie sočinenija = Selected pedagogical essays / pod. red. A. M. Arsen'eva. Moskva : Pedagogika, 1982. 614 s.
12. Kashapova G. I. Otvetstvennost' kak social'no-psihologičeskij fenomen i urovni ejo razvitija = Responsibility as a socio-psychological phenomenon and levels of its development // *Kazanskij pedagogičeskij žurnal*. 2012. № 1. S. 110–116.
13. Kodzhaspirova G. M. Pedagogika = Pedagogics : uchebnyj dlja vuzov. Moskva : Jurajt, 2024. 711 s.
14. Kostin P. A. Problema social'noj otvetstvennosti sovremennoj rossijskoj gumanitarnej intelligencii = The problem of social responsibility of the modern Russian humanitarian intelligentsia // *Social'no-gumanitarnye znanija*. 2020. S. 140–147.
15. Novaja filosofskaja jenciklopedija = New philosophical encyclopedia: sajt. 2024. URL:

<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01beef80ca72acb7a42e9d9e> (data obrashhenija: 13.10.2024).

16. Pedagogika = Pedagogics : uchebnik i praktikum dlja vuzov / P. I. Pidkasistyj [i dr.] ; pod redakciej P. I. Pidkasistogo. Moskva : Jurajt, 2023. 408 s.

17. Professional'no-pedagogicheskie ponjatija = Professional and pedagogical concepts : slovar' / sost. G. M. Romancev, V. A. Fedorov, I. V. Osipova, O. V. Tarasjuk ; pod red. G. M. Romanceva. Ekaterinburg : Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2005. S. 318.

18. Pushkina I. M. O vospitanii global'noj otvetstvennosti v kontekste novyh cennostej mirovogo soobshhestva = On fostering global responsibility in the context of new values of the world community // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2013. № 4. S. 106–108.

19. Sinicyan I. S. Global'nye problemy sociopaticheskogo haraktera: opyt kolichestvennogo issledovanija, profilaktiki i protivodejstvija v lokal'no-regional'nom izmerenii = Global sociopathic problems: experience of quantitative research, prevention and counteraction in a local-regional dimension : monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 179 s.

20. Sirota N. M. Sociologija = Sociology : uchebnoe posobie dlja vuzov / N. M. Sirota, S. A. Sidorov. Moskva : Jurajt, 2024. 167 s.

21. Spirkin A. G. Istorija filosofii = History of philosophy : uchebnik dlja vuzov. Moskva : Jurajt, 2024. 136 s.

22. Tolkovyj onlajn-slovar' Dalja = Dahl's explanatory online dictionary. URL: <https://www.slovardalja.net/> (data obrashhenija: 13.10.2024).

23. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4-h t. = Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols. / pod red. D. N. Ushakova. URL: <http://www.dict.tmm.ru/ushakov/> (data obrashhenija: 13.10.2024).

24. Ursul A. D. «Global'nost'» kak bazovoe ponjatie global'nyh issledovanij = “Global” as a basic concept of global research // Filosofija i kul'tura. 2019. № 6. S. 1–13.

25. Celi v oblasti ustojchivogo razvitija = Sustainable development goals // Organizacija Ob#edinennyh nacij: oficial'nyj sajt. 2024. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (data obrashhenija: 13.10.2024).

26. Shapovalov V. F. Filosofija = Philosophy : uchebnik dlja vuzov. Moskva : Jurajt, 2024. 596 s.

27. Therborn G. Globalization and inequality: Issues of conceptualization and of explanation // Social welt. 2005. № 4. R. 31–62.

Статья поступила в редакцию 26.09.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 26.09.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

2024 – № 4 (25)

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Редактор К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 25 п. л., 14,4 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 235. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 20.12.2024

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44